САНДРО ВЕРОНЕЗИ

КОЛИБРИ

Отрезвляющая и воодушевляющая история о том, как выстоять, когда *la vita* совсем не *dolce*

Колибри
Сандро Веронези

Аннотация
Сандро Веронези. Колибри
Вполне можно сказать (1999)
Открытка до востребования (1998)
Да или нет (1999)
К сожалению (1981)
Глаз циклона (1970–1979)
Это (1999)
Счастливый ребенок (1960–1970)
Инвентарная опись (2008)
Самолеты (2008)
Заколдованная фраза (1983)
Последняя ночь невинности (1979)
Урания (2008)
Господине-е-е-е! (1974)
Второе письмо о колибри (2005)
Веревочка, маг, три трещины (1992–1995)
Несравненные (2008)
Fatalities (1979)
Досадная описка (2009)
Как оно было (2010)
Тебя там не было (2005)

Разве что только (1988–1999)
Прежде остановись (2001)
О росте и форме (1973–1974)
Первое письмо о колибри (2005)
[illegible] (2010)
Вся жизнь (1998)
Мулинелли (1974)
Weltschmertz & Co. (2009)
Gloomy Sunday (1981)
Вот она, сходит (2012)
Shakul & Co. (2012)
Взвешенный (2009)
Via Crucis (2003–2005)
Давать и получать (2012)
Кислородная маска (2012)
Брабантѝ (2015)
Из уст в уста (2013)
Взгляды – это тело (2013)
Волки не убивают невезучих оленей (2016)
Третье письмо о колибри (2018)
Как обстоят дела (2016)
Последнее (2018)
Новый человек (2016–2029)
В распоряжении (2030)
Нашествие варваров (2030)
Это старое небо (1997)

Колибри. Рим и многие другие места, 2015–2019

Аннотация

У Марко Карреры есть почти сверхъестественная способность: он, точно маленький колибри, способен оставаться совершенно неподвижным, в то время как мир вокруг него неумолимо и стремительно меняется.

Пока судьба будет снова и снова обрушивать на Марко испытания, он каждый раз, с тихим героизмом человека, живущего вопреки, станет находить в себе силы продолжать бой, чтобы сохранить в равновесии собственный шатающийся мир.

«Колибри» – удивительно многогранный роман: душевный и человечный, как книги Бетти Смит, гипнотизирующий и насыщенный, как проза Пола Остера и очень итальянский, как сага Элены Ферранте.

Сандро Веронези
Колибри

Джованни – моему брату и сестре
НЕ МОГУ ПРОДОЛЖАТЬ. ПРОДОЛЖУ.

Сэмюэл Беккет

Sandro Veronesi
IL COLIBRI
Copyright © 2019 La nave di Teseo Editore, Milano

© Лукьянчук В., перевод на русский язык, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Вполне можно сказать (1999)

Вполне можно сказать, что римский квартал Триесте является центром этой истории, в которой есть и другие центры. Этот квартал всегда балансировал между фешенебельностью и упадком, роскошью и убожеством, избранностью и посредственностью, и на этом пока довольно: не стоит описывать его детально, поскольку подобное описание может показаться скучным, а скука в начале истории не сулит ничего хорошего. К тому же, чтобы наилучшим образом показать любое место, следует наглядно представить то, что там происходит, а там действительно происходит нечто значительное.

Скажем так: одно из событий, из которых состоит эта история, в которой есть и другие истории, происходит как-то утром в римском квартале Триесте, в середине октября 1999 года, допустим, на пересечении улиц Кьяна и Рено, на втором этаже одного из тех зданий, которые мы здесь не собираемся описывать и где уже случился миллион других событий. Вот только событие, которое должно здесь произойти, — решающее и, вполне

можно сказать, потенциально губительное для героя этой истории. На двери его врачебного кабинета написано «Д-р Марко Каррера, окулист-офтальмолог» — эта дверь еще ненадолго отделяет его от самого страшного момента в жизни, богатой и другими страшными моментами. В кабинете на втором этаже одного из этих зданий в квартале Триесте он выписывает рецепт пожилой пациентке, страдающей воспалением век, «блефаритом обычным» — глазные капли с антибиотиком, применяемые после революционной, можно сказать, инновации, лечения N-ацетилцистеином, который впрыскивается в глаз, что спасло многих его пациентов от самой страшной опасности этого заболевания, а именно от его перехода в хроническую форму. А за стенами кабинета доктора уже поджидает готовая обрушиться на него судьба в лице низкорослого человечка, лысого и бородатого, по имени Даниеле Каррадори, наделенного — и это не преувеличение — магнетическим взглядом, которым тот вскоре вопьется в глаза окулиста, впрыснет в него сперва недоверие, затем растерянность и, наконец, боль, перед которой его наука (офтальмология) окажется бессильной. Это решение человечек уже принял, и оно привело

его в приемную доктора, где он сейчас находится, внимательно разглядывая свои ботинки вместо того, чтобы перелистывать страницы новеньких журналов — прошлогодних, но не подверженных тлению, — разложенных на столиках приемной. Не приходится уповать, что он передумает.

Час пробил. Дверь кабинета открывается, пожилая пациентка с блефаритом выходит, поворачивается к доктору, пожимает ему руку, затем направляется к стойке регистраторши, чтобы оплатить визит (120 000 лир), а Каррера, выглянув в приемную, вызывает следующего пациента. Человечек поднимается и идет ему навстречу, Каррера пожимает ему руку и приглашает сесть. Старинный проигрыватель фирмы «Торенс», давно переживший свое время, хотя четверть века назад считался одним из лучших, установлен на стеллаже вместе с доказавшим свою надежность усилителем «Маранц» и двумя колонками AR6 красного дерева. Негромко звучит мелодия с пластинки Грэма Нэша «Песни для начинающих» 1971 года, странный конверт от которой, стоящий рядом на том же стеллаже с портретом вышеназванного Грэма Нэша с фотоаппаратом в непонятном контексте, является самым ярким пятном в кабинете доктора. Дверь закрывает-

ся. Час пробил. Защитная пленка, отделявшая доктора Марко Карреру от самого сильного эмоционального удара в его жизни, в которой он выдерживал и другие серьезные удары, лопнула и канула в вечность.

Помолимся о нем и обо все кораблях, ушедших в море.

Открытка до востребования (1998)

Луизе Латтес
До востребования
59–78, ул. Архивов
75003, Париж
Франция

Рим, 17 апреля 1998 г.

Работаю и думаю о тебе.

М

Да или нет (1999)

— Здравствуйте, я — Даниеле Каррадори.

— Марко Каррера. Очень приятно.

— Вам ничего не говорит мое имя?

— Ничего. А должно?

— Вероятно.

— Вас не затруднит повторить еще раз?

— Даниеле Каррадори.

— Вы психоаналитик моей жены?

— Так точно.

— Простите ради бога. Не думал, что мы когда-нибудь встретимся. Присаживайтесь. Чем могу быть полезен?

— Выслушайте меня, доктор Каррера. И после всего, что я скажу, постарайтесь по возможности не обращаться с жалобой в Коллегию министерства и особенно в Итальянское общество психоаналитиков, что вы с легкостью можете сделать, будучи моим коллегой.

— Жаловаться на вас? С какой стати?

— Видите ли, то, что я собираюсь сделать, в моей профессии категорически запрещено и влечет за собой суровое наказание. Мне никогда бы и в

голову не пришло это сделать или даже подумать о таком, но у меня есть все основания полагать, что вы находитесь в серьезной опасности и что я — единственный человек на свете, который об этом знает. Я решил поставить вас в известность, отдавая себе отчет в том, что тем самым нарушаю одну из главных заповедей моей профессии.

— Да ладно! Слушаю вас.

— Позвольте прежде всего попросить вас о небольшой любезности.

— Выключить музыку?

— Какую музыку?

— Неважно. Так о чем вы хотели попросить?

— Не могли бы вы ответить мне на несколько вопросов? Просто хочу удостовериться в правдивости того, что слышал о вас и о вашей семье, и исключить факт, что мне навязали искаженную картину. Это очень маловероятно, но все-таки допустимо. Вам понятно?

— Да.

— Я захватил с собой вопросник. Пожалуйста, отвечайте только «да» или «нет».

— Договорились.

— Начинаем?

— Валяйте.

— Вы — доктор Марко Каррера, сорока лет,

флорентиец, имеете диплом по общей медицине и хирургии Римского университета Сапьенца, специалист в области офтальмологии?

— Да.

— Вы — сын Летиции Дельвеккьо и Пробо Карреры, оба архитекторы, оба на пенсии, проживают во Флоренции?

— Да. Только мой отец — инженер.

— А, ну да. Вы — брат Джакомо, который моложе вас на несколько лет, проживает в Америке, и Ирены, утонувшей — приношу соболезнования — в начале восьмидесятых?

— Да.

— Вы женаты на Марине Молитор, словенке, место работы «Люфтганза», занимающейся приемом и наземным обслуживанием пассажиров?

— Да.

— Вы — отец Адели, десяти лет, ученицы пятого класса государственной школы, расположенной у Колизея?

— Школы имени Витторино да Фельтре, да.

— Девочки, которая в возрасте от трех до семи лет думала, что к ее спине привязана веревочка, и это заставило ее родителей обратиться к специалисту по детской психологии?

— К магу Манфротто…

— Как вы сказали?

— Да так, неважно. Это он просил, чтобы дети так его называли. Но проблему веревочки решил не он, хотя Марина убеждена в обратном.

— Понятно. Стало быть, это правда, что вы обращались к специалисту по детской психологии?

— Да, но только не вижу связи…

— Однако вы понимаете, почему я задаю вам все эти вопросы? У меня ведь только один источник информации, и я обязан проверить его надежность в связи с тем, что собираюсь вам сообщить.

— Ясно. Так что же вы собираетесь мне сообщить?

— Если не возражаете, сначала еще пара вопросов. Они более интимные, поэтому попрошу отвечать с предельной искренностью. Согласны?

— Да.

— Вы играете в азартные игры?

— Давно забросил.

— Но можно смело утверждать, что раньше вы играли в азартные игры?

— Да. Было дело.

— Правда ли, что до четырнадцати лет вы отставали в росте и были настолько ниже своих сверстников, что мать даже прозвала вас *Ко-*

либри?

— Да.

— Когда вам было четырнадцать, отец отвез вас в Милан на экспериментальное лечение гормонами, в результате которого вы достигли нормального роста, вымахав меньше чем за год почти на шестнадцать сантиметров?

— Точнее, за восемь месяцев. Да.

— Правда ли, что ваша мать была против, то есть хотела, чтобы вы оставались крохой, а решение лечить вас в Милане было первым и последним авторитарным поступком вашего отца при исполнении своих родительских обязанностей, поскольку в вашей семье, простите за выражение, цитирую дословно, «он — совершенно пустое место»?

— Неправда, но учитывая, кто это сказал, да. Марина всегда была уверена, что это так.

— Что именно неправда, что ваша мать была против или что ваш отец — пустое место?

— Неправда состоит в том, что отец — не пустое место, хотя такое о нем складывается впечатление у всех, и в первую очередь у Марины. Она и мой отец — это два настолько разных характера, что зачастую кажется…

— Не будем пускаться в пространные объясне-

ния, доктор Каррера. Отвечайте односложно, да или нет, договорились?

— Хорошо.

— Правда ли, что вы всегда были влюблены и поддерживаете многолетнюю связь с некой Луизой Латтес, в настоящее время проживающей в…

— Что? Откуда вам известно?

— Догадайтесь.

— Да вы что! Исключено. Марина не могла вам сказать, что…

— Пожалуйста, отвечайте только да или нет. И постарайтесь быть откровенным, я ведь должен проверить надежность своего источника. Итак, вы по-прежнему влюблены в нее или у вашей жены только сложилось такое впечатление, что вы влюблены в эту Луизу Латтес, да или нет?

— Нет, конечно!

— Значит, вы не встречаетесь с ней тайно во время научных конференций во Франции, Бельгии, Голландии и других местах неподалеку от Парижа, где проживает Луиза? И в Больгери[1]

---

[1] Примечания: 1

Бо́льгери — приморский городок на Этрусском побережье Лигурийсого моря в Тоскане, между Ливорно и Пизой. Название происходит от племени булгар, союзников лангобардов в их нашествиях на Римскую империю. Воспет поэтом Джозуэ Кардуччи в знаменитой оде «Святой Гуидо». Его именем назван близлежащий административный центр Кастаньето-Кардуччи. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

тоже, где проводите август, проживая в соседних домах?

— Послушайте, это смешно! Мы видимся летом на пляже с детьми, разговариваем, но никогда не помышляли «поддерживать связь», как вы изволили выразиться, и тем более тайно встречаться во время моих научных поездок.

— Я вам не судья. Мне лишь необходимо выяснить, правда или нет то, что мне о вас рассказали. Значит, это неправда и вы не встречаетесь с этой женщиной тайно?

— Да, неправда.

— И вы не допускаете, что ваша жена убеждена в обратном, хотя это неправда?

— Естественно, не допускаю! Они даже сдружились. Ездят верхом, то есть, я хочу сказать, только они вдвоем: оставляют детей на мужей и целое утро разъезжают по окрестностям.

— Это ничего не доказывает. Можно сдружиться с человеком и видеться с ним каждый день просто потому, что ревнуешь к нему.

— Согласен, но только это не наш случай. Марина не испытывает ревности ни к кому, я ей верен, и она прекрасно об этом знает. А теперь, будьте добры, скажите, почему вы решили, будто мне что-то грозит?

— Значит, вы не состоите в многолетней переписке с Луизой Латтес?

— Нет.

— Ни одного любовного письма?

— Уверяю вас, что нет.

— Вы честны со мной, доктор Каррера?

— А как же!

— Спрашиваю еще раз: вы честны со мной?

— Разумеется, да. Но не могли бы вы сказать мне…

— Тогда я вынужден извиниться. Вопреки моим твердым убеждениям — действительно твердым, иначе я бы сюда не пришел, — ваша жена не была со мной откровенна, поэтому вам больше ничего не угрожает, как мне думалось раньше, а посему не смею больше докучать своим присутствием. Забудьте о моем визите, и заклинаю: никому ни слова.

— Эй! Вы куда собрались?

— Еще раз прошу меня простить, я допустил серьезную ошибку в критериях оценки. Счастливо оставаться. Не провожайте, я знаю, где выход.

— Ну нет! Вы приходите сюда и заявляете, что я нахожусь в серьезной опасности по какой-то неведомой причине, о которой узнали от моей супруги, устраиваете мне экзамен как третье-

класснику и собираетесь уйти, ничего не сказав? Нет, позвольте, или вы сейчас же выложите все начистоту, или я подам на вас жалобу!

— Успокойтесь, пожалуйста! Правда заключается в том, что я не должен был к вам приходить, точка, конец предложения. Я всегда считал, что могу доверять рассказам вашей жены о ней самой и о вас, и составил точное представление о ее болезни на том основании, что я ей верил. Руководствуясь своими представлениями и ввиду складывающейся ситуации, я счел, что обязан действовать, преступив границы, установленные для моей профессии, а сейчас вы мне говорите, будто ваша жена никогда не говорила мне правду при обсуждении основного вопроса. Но если она не была откровенна в этом, значит, лгала и во многом другом, включая и то, что заставило меня подумать, будто вы находитесь в серьезной опасности. Но повторяю: это — моя ошибка, за которую снова прошу меня извинить. Просто с тех пор как ваша жена прекратила сеансы, я стал задаваться вопросом…

— Каким? Моя жена прекратила сеансы?

— Да.

— Как давно?

— Больше месяца назад.

— Вы шутите.

— Вы разве не знали?

— Откуда мне было знать?

— Она была у меня последний раз… Шестнадцатого сентября.

— А мне говорит, что по-прежнему ходит к вам по вторникам и четвергам, к трем пятнадцати, как обычно, поэтому в эти дни я должен забирать Адель из школы. Сегодня, кстати, после обеда я тоже еду за ребенком.

— То, что она вам *лжет*, меня нисколько не удивляет, доктор Каррера. Вопрос в том, что она солгала и мне.

— Да ладно вам, подумаешь, соврала по одному вопросу, но разве вранье пациентов для вас не важнее правды, разве не оно выявляет истину, которую скрывают от вас больные?

— Для кого это — «для вас»?

— Для вас, психоаналитиков. Ведь у вас все идет в ход — и правда, и ложь, и все прочее, не так ли?

— С чего вы это взяли?

— Ну слышал кое-что о психоаналитиках. О психоанализе. А разве не так? Я с младенчества окружен людьми, которые не могли и дня прожить без психоанализа, короче говоря, я всегда

слышал от них, что сеттинг, трансферт, сны, вранье — все имеет значение, поскольку содержит правду, которую пациент скрывает от своего аналитика. Или я неправ? В чем сейчас проблема? В том, что Марина что-то выдумала?

— Нет, если эта Луиза Латтес — всего лишь ее выдумка, это многое меняет, и теперь опасность подстерегает вашу супругу.

— Почему? Какая опасность?

— Простите, но, к сожалению, обсуждать с вами эту тему мне кажется не совсем уместным. Заклинаю, не говорите жене, что я заглядывал к вам.

— Как я могу отпустить вас после всего, что вы тут наговорили? Я требую, чтобы вы немедленно, сейчас же…

— Не пытайтесь, доктор Каррера. Если хотите, можете жаловаться на меня в коллегию: я заслужил это, имея в виду нарушение, которое совершил. Но вы никогда не заставите меня сказать то, что…

— Послушайте, это не ее выдумка.

— Что вы сказали?

— То, что Марина рассказала вам о Луизе Латтес, — чистая правда. Мы действительно видимся и переписываемся. Только это не «связь» и не «супружеская измена»: тому, что существует между

нами, трудно дать определение, и я не понимаю, как Марина могла об этом узнать.

— Вы по-прежнему в нее влюблены?

— Послушайте, вопрос не в этом. Вопрос в том…

— Простите, но я настаиваю: вы по-прежнему в нее влюблены?

— Да.

— Вы виделись с ней в июне в Лованио?

— Да, но…

— В одном из писем двухлетней давности вы писали ей, что вам нравится, как она с разбега прыгает в волны?

— Да, но как, черт возьми…

— Вы дали обет целомудрия, то есть поклялись не заниматься сексом, несмотря на то, что вам обоим этого хочется?

— Да, но ей-богу, откуда Марине все это известно? И почему вы мне не говорите прямо, что происходит? На кону стоит наш брак, судьба ребенка.

— Мне жаль, доктор Каррера, но брак ваш уже распался. И ребенок, который вскоре появится на свет, будет не от вас.

К сожалению (1981)

Луизе Латтес
ул. Фруза, 14
50131 Флоренция

Больгери, 11 сентября 1981 г.

Луиза, дорогая моя Луиза!

Впрочем, увы, не моя, а просто Луиза (Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, твое имя стучит в моей голове молоточками, и я не знаю, что сделать, чтобы они умолкли): ты говоришь, я сбежал. Верно, но после всего случившегося и охватившего меня чувства вины все эти долгие, невероятные дни я был никем — ни собой и никем другим. Я как будто впал в транс, думал, это я виноват в том, что случилось, поскольку в то время, когда это случилось, я был рядом с тобой и был счастлив. И я по-прежнему так думаю.

Здесь говорят, что это была божья воля либо перст судьбы, знаешь, все эти бредни, я до смерти поругался с Джакомо, свалил всю вину на него, не могу видеть родителей. Мне достаточно знать,

где они находятся, чтобы держаться подальше от них. Даже если я сбежал, дорогая моя Луиза, впрочем, к сожалению, не моя, а просто Луиза (Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, имя твое стучит в голове молоточками, и я не знаю, что сделать, чтобы они умолкли), то выбрал неправильный путь, наподобие тех фазанов, которых я видел, когда тушил лесные пожары, — в ужасе перед огнем они взлетают и, не разбирая пути, несутся в сторону горящего леса, не удаляются от огня, а приближаются к нему и гибнут. Я не заметил, что сбежал, Луиза: было много неприятных безотлагательных дел, и потом эта комедия с Монтекки и Капулетти, из-за которой нельзя было перелезть даже через забор (но я был растерт в порошок, такое вполне возможно, Луиза, не отрицаю, Луиза, Луиза, Луиза), и я не перелез через него и даже с тобой не попрощался.

Сейчас я здесь один в буквальном смысле слова, все разъехались, заявив, что ноги их здесь больше не будет, дом продадут, на пляж не пойдут, забудут о летнем отдыхе; вы тоже уехали, я перелезаю туда-обратно через забор, и меня никто не видит, хожу на пляж, за дюны, к Мулинелли[2]*, и вокруг ни души, надо бы начать учебу, но я даже не помышляю об этом, я думаю о тебе, думаю об Ирене, о счастье и отчаянии, обрушившихся на меня одновременно в одном и том же месте и в один и тот же час, и мне не хочется расставаться ни с тем ни с другим, мне нужны оба, я боюсь потерять их, потерять эту боль, потерять это счастье, потерять тебя, Луиза, точно так же, как потерял сестру, может, я тебя уже потерял, раз ты пишешь, что я сбежал, и, к сожалению, это правда, я сбежал, но не от тебя, я лишь выбрал неправильный путь, как те фазаны, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, умоляю тебя, ты едва родилась, не умирай, пожалуйста, хотя бы ты, и даже если я сбежал, жди меня, прости меня, обними меня, поцелуй меня, письмо не закончено, закончилась бумага.*

Марко.

---

[2] Примечания: 2

Mulinelli — букв.: маленькие мельницы (*ит.*).

Глаз циклона (1970–1979)

Дуччо Киллири был парень высокий и нескладный, но со спортивными задатками, хоть и не настолько значительными, как думалось его отцу. Черноволосый, с лошадиной улыбкой и настолько худой, что всегда казалось, будто видишь его в профиль, он пользовался дурной славой человека, наводящего порчу. Никто не рассказывал, когда и при каких обстоятельствах впервые об этом заговорили, и потому каждый считал, что «дурной глаз» был у него всегда, как и неизвестно когда придуманное прозвище — Неназываемый, — хотя в детстве у него имелась другая кличка: тогда его окрестили Близард, так называлась марка лыж, на которых он выступал на соревнованиях и подавал надежды в Тосканско-Эмилианских Апеннинах в возрастной группе «дошкольников», а в дальнейшем «учеников» и «кандидатов». На самом деле, как у всего, у этой молвы есть свое начало, и оно относилось как раз к отборочному состязанию по гигантскому слалому на межзональные турниры, состоявшемуся на горнолыжной базе «Зум-Зери

— Проход двух святых». Дуччо Киллери пришел вторым после первого спуска в своей возрастной категории, уступив мелкому чемпиону из Модены по имени Тавелла. Погодные условия были плохие, и, хотя дул сильный ветер, трассу заволокло туманом, судейская бригада даже рассматривала вопрос о прекращении чемпионата. Потом ветер стих и был объявлен второй спуск, когда туман не только не рассеялся, а еще больше сгустился. В ожидании старта отец Дуччо и по совместительству его тренер разогревал ему мышцы ног и одновременно впаривал, убеждая не дрожать, жать и жать до конца, до последнего вздоха, чтобы обогнать этого Тавеллу, и, когда он уже стоял на старте, готовый прыгнуть в молочную мглу, а отец его продолжал орать, что он сможет выиграть, стать победителем, сделать этого Тавеллу, Дуччо Киллери во всеуслышание произнес: «Все равно он упадет и даже получит травму». К финишу он пришел первым, с лучшим пока результатом, а после него должен был появиться Тавелла. Никто толком не видел, как это произошло, до того непроницаемой была туманная мгла, но незадолго до замера промежуточного результата, на повороте к финишной прямой, раздался душераздирающий крик, долетевший с

трассы, а когда подбежали судьи, Тавелла лежал без сознания. Обломок лыжной палки впился ему в бедро — тогда еще пользовались деревянными палками, которые иногда ломались, — и сверкавшее инеем кровавое пятно расползалось в молочно-белой пелене тумана и снега. Казалось, его подстрелили индейцы. Паренек не умер от потери крови, поскольку палка, поранившая мышцу, вошла в тело, не задев бедренную артерию, но это была самая серьезная травма за всю историю той горнолыжной базы, и о ней рассказывали впоследствии из сезона в сезон, приводя слова, которые сказал Дуччо Киллери, выйдя на старт.

Так с раннего отрочества началась его слава человека с дурным глазом, внезапно и необратимо. Никто, даже в ретроспективе, не потрудился подумать, что по-английски слово blizzard значит «ураган» и что это практически с самого детства рисовало его кармическую картину, которую впоследствии еще точнее очертило его новое прозвище. И никто тем более не решился предложить гипотезу, что его фамилия, довольно редкая в Италии и встречающаяся только в отдельных местах Тосканы, возможно происходит (что очень соответствует его случаю) от английского слова

killer[3]: но он все равно бы ошибся, поскольку истоки этой фамилии следует, вероятнее всего, искать в ее более распространенной форме с переменой согласной — Киллеми, происходящей из Ломбардии в ее родовитой части, но сильно укорененной среди сицилийского плебса, или, быть может, это как-то связано с итальянскими эмигрантами из древнего французского виконтства Чиллер. Все это говорится к тому, чтобы дать представление об абсолютном отсутствии вдумчивого подхода к открывшемуся в Дуччо феномену сглаза и какого бы то ни было желания разобраться в явлениях, которыми он сопровождался. У него дурной глаз, и точка, что тут еще скажешь?

В переходный период от Урагана к Неназываемому круг друзей, завоеванных спортивной славой, сузился, и к шестнадцати годам его единственным другом во всей Флоренции остался только Марко Каррера. Они были приятелями, сидели за одной партой в начальной и средней школе, вместе играли в теннис в Флорентийском ТК[4], вместе занимались горными лыжами,

---

[3] Примечания: 3
Убийца (*англ.*).

[4] Примечания: 4
ТК — теннисный клуб.

пока Марко не прекратил участвовать в соревнованиях, и, хотя учились потом в разных лицеях, продолжали видеться каждый день и без тренировок, в основном чтобы послушать американские группы преимущественно с западного побережья — Eagles, Crosby Stills Nash & Young, Poco, Grateful Dead — их объединяла любовь к этой музыке. Но главным, *главным*, что скрепило их дружбу, стала внезапно накатившая страсть к азартным играм. По правде говоря, она была в крови Дуччо Киллери; Марко ограничился тем, что разделил страсть друга и наслаждался вместе с ним небывалым чувством свободы, или, точнее, освобождения, вызванного этим крутым поворотом в их судьбах. Действительно, в родословных обоих не наблюдалось следов демона этой страсти, даже в самых дальних их ответвлениях, в самые отдаленные времена: никакого двоюродного дедушки, спустившего состояние на игре в баккара в салонах фашистской аристократии, никакого капитала, скопленного в девятнадцатом веке и спущенного в мгновение ока по вине прадедушки в инвалидной коляске, которого здорово потрепала Первая мировая война. Они попросту открыли для себя игру. Дуччо в большей степени пользовался ею как отмычкой

от своей «золотой клетки» (так тогда говорили), в которую его посадили родители, и перспектива промотать их состояние в игорных домах и казино привлекала его настолько, насколько их в свое время привлекла перспектива накопить его торговлей в магазинах готовой одежды. Но ему было пятнадцать, шестнадцать, семнадцать — что можно промотать в этом возрасте? И хотя карманных денег в неделю он получал немало (примерно вдвое больше, чем Марко), смешно было думать, что эта мелочь оставит хоть малейшую царапину на семейном благополучии: самое большее, в худшие дни он брал взаймы какую-то сумму в музыкальном магазине «Мондо диско» на улице Конти, где они с Марко затоваривались импортными пластинками, — через несколько недель он возвращал долг самостоятельно, не выпрашивая денег у родителей.

Дело в том, что Дуччо часто выигрывал. Он был смекалистый малый. В играх в покер с друзьями не было спортивного азарта (невинные партии субботними вечерами, где можно было выиграть максимум двадцать тысяч лир), и поэтому вскоре, с учетом репутации, превратившей его в Неназываемого, он был изгнан из компании. Марко оставили, и какое-то время тот продолжал играть

и тоже выигрывал, пока сам не бросил, чтобы последовать за другом по профессиональной стезе. Сперва это были скачки. Будучи несовершеннолетним, Дуччо Киллери не мог попасть в подпольные тотализаторы и тем более в казино, но на ипподроме Ле-Молины[5] не требовали документов. Он был талантлив во всем, заранее все просчитывал. И вот он начинает прогуливать уроки, проводит каждое утро на ипподроме, наблюдает за выездкой верховых лошадей в компании старых берейторов, обучавших его секретам царства скачек. А вот рядом с ним и Марко, на утренних тренировках, в манеже после обеда или на вечерних бегах в Ле-Молине, где они ставят на облюбованных лошадей или на тех, которым, как им шепнули, обеспечена победа в групповых заездах. И друзья снова выигрывали — больше, чем проигрывали.

Но в отличие от Марко, не забросившего ни друзей, ни спорт, ни девушек и не посвящавшего родителей в свои увлечения — он дорожил открывавшимися перед ним возможностями блестящей жизни, которую все ему предрекали, — Дуччо Киллери воспользовался игрой,

[5] Примечания: 5

Ле-Молина — район города Фьезоле в 4 км от Флоренции, в котором проживает 42 человека и имеется ипподром.

чтобы оборвать связи со своим буржуазным будущим. Вначале он сильно обиделся, что его прозвали Неназываемым, но в дальнейшем обернул ситуацию в свою пользу. Несмотря на то что друзья избегали его как чумы, он каждый божий день виделся с ними в школе, а поскольку Флоренция — не Лос-Анджелес, сталкивался с ними то в центре города, то в кинотеатрах, то в барах. Скоро он понял, что любое его высказывание обладает магической силой анафемы, и, поскольку со всеми время от времени происходит что-то неладное, его замечания типа «Ты в хорошей форме» или «Какой-то ты невеселый» оказывались в равной степени убийственными для его собеседника, сражая того наповал в мгновение ока. Пусть это покажется невероятным, но парни и девушки конца семидесятых годов XX века верили, что Дуччо Киллери мог их сглазить. Не верил, естественно, только Марко, которому задавали один и тот же вопрос: «Ну как ты можешь с ним водиться?» Но и ответ, естественно, всегда был один и тот же: «Потому что он мой друг».

И все же, хотя Марко никогда бы не сознался, были две другие, не столь невинные причины, по которым он общался с Дуччо Киллери. Одной, как мы сказали, была игра: с Дуччо он испытывал

невероятный выброс адреналина, выигрывал деньги и открывал для себя потаенный мир, который ни его утонченная мама, ни покладистый отец, ни сестра — сестра Ирена, старше его на четыре года, вся в своих личных проблемах, ни младший брат Джакомо, умиравший от детской ревности, — не могли себе даже представить. Другой причиной был откровенный нарциссизм: ему прощали дружбу с парией, в нем ценили интеллигентность, прекрасный характер и щедрость — какой бы ни была причина, Марко, не опасаясь негативных последствий, мог выступить против диктата стаи, и он любовался собой в зеркале этой власти. Более того, говоря по правде, существовали только две эти причины, по которым в последующие годы он продолжал общаться с Дуччо Киллери, все остальные, на которых взросла их дружба, мало-помалу отмирали. Действительно, Дуччо очень изменился, а так как Марко только тогда стал что-то понимать в жизненных переменах, — ему показалось, что в худшую сторону. Физически Дуччо сделался малоприятным: когда он говорил, в уголках рта у него собирались сгустки белой слюны; в сальных, черных как смоль волосах появилась перхоть; он редко вставал под душ, и от него несло немытым

телом. Постепенно он перестал интересоваться музыкой: Англия в то время возродилась — The Clash, The Cure, Graham Parker & The Rumour и сверкающий мир Элвиса Костелло, — но ему все это уже было до фонаря, он не покупал дисков и не слушал кассет, которые ему записывал Марко. Перестал читать книги и газеты, кроме «Скачек и жокеев». В его речи появились старомодные словечки и выражения, совершенно чуждые его поколению: «потрясающий и обильный», «окей-хоккей», «часто и охотно», «мораль сей басни такова», «всякая всячина», «в этом смысле», «непременно». На девушек он не засматривался, все, что ему было нужно, получал от проституток в парке Кашине.

Нет, Марко его по-прежнему любил, но теперь общаться с Дуччо по-дружески было трудно, и не потому, что тот пользовался дурной славой Неназываемого. Напротив, уверенный в своей безнаказанности, Марко упорно сражался с этой славой, иногда поистине героически, особенно в присутствии девушки, которая ему нравилась: вы все чокнулись, говорил он, как вы можете в это верить. А когда ему оглашали список всех искалеченных и погибших в местах появления Дуччо Киллери, он повторял свое обвинение и с гневом

выдвигал окончательный довод: о господи, да посмотрите на меня. Я с ним общаюсь. Ничего дурного со мной не происходит. Вы общаетесь со мной — с вами тоже ничего не происходит. Так о чем мы говорим?

Однако переубедить друзей было невозможно, и поэтому в поддержку доводов Марко возникла теория глаза циклона. Она гласила: подобно тому, как нельзя испытать губительных последствий, оказавшись в центре циклона, разрушающего города и села, точно так же, если войти в тесный контакт с Неназываемым, как в случае с Марко, риск гибели сводится к нулю; однако шаг в сторону — случайно с ним пересечься, подбросить его на машине, издалека увидеть, как он машет рукой, — и конец городам и селам, по которым проносятся эти циклоны. Это решало все: давало возможность приятелям Марко посмеиваться и в то же время серьезно верить в силу сглаза Барона Самди́[6] (еще одно прозвище Дуччо Кил-

[6] Примечания: 6

Барон Самди́, или Барон Суббота — в религии вуду одна из форм Барона, то есть лоа, связанного со смертью, мертвыми. Имя его во время ритуалов не называют.

лери, наряду с Лоа, Бокор, Мефисто и Ипсо[7]), а самому Марко — общаться с ними и порицать их за суеверие. Это было единственное возможное равновесие. Теория глаза циклона.

[7] Примечания: 7

Лоа — невидимые духи вуду, посредники между Богом и человеком. Наделены огромной силой и почти неограниченными возможностями. *Бокор* — черный колдун в религии вуду, превращающий людей в зомби.

Мефисто — суперзлодей из комиксов «Марвел». *Ипсо* — слово из выражения ipso facto — как неизбежный результат (*лат.*).

Это (1999)

Марко Каррере
с/о Аделино Вьесполи
ул. Каталани, 21
00199 Рим
Италия

Париж, 16.12.1999

Наконец-то оно пришло, мама родная, пришло, никто не видел. Наглое донельзя, Марко, как всегда не знаю, что ответить.

Ты верно пишешь, что я несчастна, но послушай, в этом никто не виноват, вся проблема во мне. Впрочем, я ошибаюсь, я должна была сказать не проблема, а «это».

Я родилась с «этим», мыкаюсь с ним тридцать лет, и это ни от кого, кроме меня, не зависит, ведь если ты не рождаешься дрянью, то, значит, рождаешься с «этим».

Что еще сказать? Отвечу, да, сейчас тебе может представиться случай проверить, правда ли то, о чем ты думаешь и пишешь, для этого не надо быть богатым красавцем. Ты сейчас

кристально чист, не испытываешь чувства вины, можешь начать все с нуля, можешь даже совершить ошибку, если очень захочешь, но потом ты ее исправишь и вернешься в исходную точку.

А я, Марко, не могу, у меня другая ситуация, я, конечно, вольна ее изменить, но тогда я определенно рехнусь. Я знаю, ты меня понимаешь, ты такой же, как я, ты и любишь как я, нам обоим до ужаса страшно приносить страдания близким.

Я думаю, что ты лучшая часть моей жизни, жизни без обманов, без подлости, без лжи (ты ***сейчас*** *позвонил, и теперь я теряюсь), та ее часть, о которой можно только мечтать, даже по ночам, по ночам ты мне часто снишься.*

Останется ли это сном? Или все сбудется? Или хоть что-нибудь сбудется? Я сижу и терпеливо жду, ничегошеньки не хочется делать, пусть все происходит само по себе. Знаю, эта позиция выеденного яйца не стоит, потому что со мной ничего никогда не происходит, но решений по этому поводу я сейчас принимать не могу.

За все эти годы у меня выработалась привычка ничего не предпринимать, может, для того, чтобы это сбылось. Что «это»? Понятия не имею. Кажется, я начинаю бредить, поэтому закругляюсь.

Луиза.

Счастливый ребенок (1960–1970)

Будучи ребенком, Марко Каррера ничего не заметил. Не заметил разногласий между матерью и отцом, ее враждебную непримиримость, его нестерпимое молчание целыми днями, их ночные скандалы приглушенными голосами, чтобы не услышали дети, но его сестра Ирена, старше его на четыре года, внимательно прислушивалась и удерживала каждое слово в своей маленькой мазохистской головке; он не заметил ни причин их разлада, ни причин непримиримости и скандалов, столь понятных его сестре, то есть он не заметил, что его родители, несмотря на то что оба были dĭracinĭs[8] (мать, Летиция[9], — имя-антифраза[10] — была уроженкой Салентины[11] в

[8] Примечания: 8
Букв.: вырванные с корнем; зд.: пришлые, некоренные (*фр.*).

[9] Примечания: 9
Letizia — букв.: веселая (*um.*).

[10] Примечания: 10
Антифраза — риторическая фигура, употребление слов в смысле, противоположном их значению.

[11] Примечания: 11
Салентина — город в Апулии на юге Италии, «каблук» итальянского «сапога».

Апулии, отец, Пробо[12] — nomen-omen[13] — был выходцем из Сондрио[14]), не были созданы друг для друга, между ними не было ничего общего, мало того, двух более разных людей свет белый не видывал: она — архитектор, вся исполненная революционными мыслями, он — инженер, весь в расчетах и кропотливой работе руками, она поглощена головокружительными идеями радикальной архитектуры, он увлечен созданием масштабных макетов, лучший мастер в Центральной Италии, — и поэтому Марко не заметил, что под ватным одеялом благополучия, в котором воспитывались дети, родительский брак распался и порождал только досаду, взаимные упреки, провокации, унижения, чувства вины, обиды, смирение, — иными словами, он не заметил, что его родители не любили друг друга, в общепринятом понимании слова «любить», предполагающем взаимность; да, в их брачном союзе прослеживалась и любовь, но она была как

---

[12] Примечания: 12

Probus — человек высоких моральных принципов, доблестный, виртуозный, «высшей пробы» (*лат.*).

[13] Примечания: 13

Имя суть человек (*лат.*).

[14] Примечания: 14

Сондрио — город в Ломбардии, на севере Италии, в одноименной альпийской провинции.

дорога с односторонним движением по направлению к матери, исхоженная его отцом, а значит, это была горькая, собачья, героическая, непоколебимая, неизъяснимая, саморазрушительная любовь, которую его мать никогда не могла ни принять, ни разделить, но от которой в то же время не могла отказаться, поскольку было понятно, что ни один мужчина на свете не мог бы ее так полюбить. И это стало злокачественной опухолью с метастазами, разъедавшими их семью изнутри, обрекавшими ее на несчастье, в котором Марко Каррера вырос, ничего не заметив. Нет, он ничего не заметил, хотя несчастье так и сочилось из стен их дома. Он не заметил, что в этих стенах не было секса. Не заметил, что лихорадочные занятия матери: архитектура, дизайн, фотография, йога, психоанализ, были поисками точки равновесия, и что эти занятия включали даже измены отцу, на редкость неуклюжие, с любовниками-интеллектуалами, которые в те годы, возможно, последний раз в истории, поднимали Флоренцию на мировой уровень, этакие «пастухи чудовищ»

из «Суперстудии»[15] и студии «Архизум»[16], их последователи, к которым она себя относила, хотя была старше их, но происходила из достаточно состоятельной семьи, чтобы позволить себе проводить время, поддерживая молодых кумиров, не зарабатывая при этом ни лиры. Нет, он не заметил, что отец был осведомлен о ее изменах. В детстве Марко Каррера ничего подобного не заметил, и только поэтому его детство оказалось счастливым. Более того, в отличие от сестры, он не сомневался в своих родителях, и, в отличие от нее, он не понял, что они не являются идеальными личностями, и поэтому воспринимал обоих как образец для подражания, выхватывая что-то из уродливой мешанины личностных качеств то одного, то другой — тех самых качеств, которые в их стремлении сжиться показали полную несовместимость. Что он взял от матери в дет-

[15] Примечания: 15

«*Суперстудия*» — основана во Флоренции в 1966 г. выпускниками архитектурного факультета, выдвинувшими идею «радикальной архитектуры». «Пастухи чудовищ» — выражение встречается в программном тексте «Суперстудии»: «Утопия, антиутопия, топия» (1974).

[16] Примечания: 16

«*Архизум*» — архитектурно-дизайнерская группа, основанная в 1966 г. во Флоренции. Исходя из тезиса, что «миф архитектуры как пространственного строения» устарел, члены группы предлагали освободиться от традиционного представления об архитектурных строениях и выдвинули идею «бесконечно развивающегося города».

стве, до того, как что-то заметил? И что от отца? И от чего потом отказался, когда ему стало все про них понятно? От матери он взял беспокойство, но не радикализм; любознательность, но не тоску по переменам. От отца — терпение, но не предусмотрительность; склонность смиряться, но не молчать. От нее — талант все подмечать, особенно через глазок фотоаппарата; от него — страсть что-то делать своими руками. Помимо того, непреодолимая дистанция между родителями незамедлительно сокращалась, когда речь заходила о покупке новых вещей, и тот факт, что он вырос в этом доме (то есть сидел от рождения на этих стульях, засыпал в этих креслах и на этих диванах, ел за этими столами, занимался под этими настольными лампами в окружении сборных стеллажей и так далее), наделил его неоправданно заносчивым чувством превосходства, свойственным буржуазным семьям шестидесятых-семидесятых годов, сознанием, что живет он если не в лучшем из миров, то наверняка в самом красивом, — доказательством этого преимущества были вещи, накопленные его родителями. По этой причине, а вовсе не из чувства ностальгии — даже когда он заметил, что в семье у них нелады, даже когда семьи уже

практически не было, — Марко Каррера с трудом расставался с вещами, среди которых прошла их жизнь: они были красивыми, остаются красивыми и будут вечно красивыми, — и эта красота была тем плевком, который надежно склеивал его мать с его отцом. После их смерти он даже займется инвентаризацией вещей, тщательно пересматривая предмет за предметом, с ужасом думая о перспективе их продажи (о необходимости «избавиться» сказал ему по телефону брат, заявивший, что и не подумает возвращаться в Италию) вместе с домом на площади Савонаролы, но, как окажется в результате, не избавится от них до конца своих дней.

С другой стороны, идеальный порядок, в котором отец содержал свои вещи — правда, надо заметить, не требуя подобного от других, но все равно абсолютный, пугающий и в конечном счете садистский, — сделал из Марко человека, пренебрегавшего своим внешним видом, тогда как мать несла ответственность за то, что он стал непримиримым противником психоанализа, а ведь именно учение Фрейда сыграет решающую роль в его отношениях с женщинами, поскольку судьба распорядится, чтобы всеми женщинами в его жизни, начиная с матери и сестры и заканчи-

вая подругами, невестами, коллегами, женами, дочерями, каждой из них и всеми вместе заправляли различные школы психотерапии, дав ему как сыну, брату, другу, жениху, коллеге, мужу и отцу доказательство правоты его ранней догадки, а именно что «пассивный анализ», как он его называл, чрезвычайно опасен. Но ни одну из его многочисленных женщин это не волновало, даже когда он принимался роптать. Ему отвечали, что любая семья, любой тип отношений представляют опасность для человека; считать, что психоанализ более вреден, чем, предположим, шахматы, — предвзятость. Возможно, они были правы, но цена, которую Марко Каррера заплатил, постоянно сталкиваясь с этой опасностью, давала ему право думать по-своему: психоанализ подобен курению — мало не курить самому, надо спасаться и от курильщиков. Вот только единственный способ спасения от психоанализа — просто отправиться к психоаналитику, но тут Марко не собирался сдаваться.

Впрочем, ему не понадобился психоаналитик, чтобы задать самому себе пару дельных вопросов: почему при таком количестве женщин в мире, которым не нужен психоанализ, сам он был привязан исключительно к женщинам, которые

не могли без него обойтись? И почему свою теорию пассивного психоанализа он предпочитал излагать именно им, а не тем особам, которым не нужен психоанализ и у которых его мог ожидать легко предсказуемый успех?

Инвентарная опись (2008)

Кому: Джакомо — jackcarr62@yahoo.com
Отправлено — Gmail — 19 сентября 2008 г. 16.39
Тема: Инвентаризация, площадь Савонаролы
От: Марко Карреры

Привет, Джакомо!

Я упорно тебе пишу, а ты упорно не отвечаешь. Хочу сообщить о проделанной работе по продаже дома на площади Савонаролы, и в данном случае твои игры в молчанку меня не колышут. У меня хорошие новости, по моей просьбе приходил Пьеро Браки (Помнишь его? Хозяин магазина «СТУДИЯ В», где в последние двадцать лет мы купили всю нашу мебель), ему уже далеко за семьдесят, но он до сих пор торгует, управляет сайтом аукционов, специализирующимся на дизайнерской мебели шестидесятых-семидесятых годов, я вызвал его примерно оценить вещи, хранящиеся в доме. Как я и предполагал, многие из них представляют большую ценность, и в результате получилась впечатляющая сумма, поскольку,

даже с учетом известных событий, приведших к краху семьи и опустошению дома, речь идет о вещах, находящихся за редким исключением в прекрасном состоянии. Браки говорит, такие, как наши, экспонируются в МоМА[17]. Поэтому надо решить, что с ними делать, ведь если продавать их вместе с домом, нам дополнительно ничего не обломится. Можем отдать их Браки, он потихоньку распродаст все у себя на сайте, а еще можем поделить по принципу: кому что нравится — кому что дорого. Прошу тебя отнестись к этому серьезно, Джакомо, речь не о деньгах, а о том, что осталось от прежней жизни, от нашей несуществующей семьи, в которой мы с тобой как-никак прожили больше двадцати лет, и пусть все случилось так, как случилось, я не вижу причин, по которым от них нужно «избавляться», как ты сказал мне по телефону, когда в последний раз соизволил ответить, ругаясь на чем свет стоит и посылая все к чертовой матери. Короче, если даже Браки опешил, когда увидел наши прекрасные вещи, которые сам же нам продал, мне трудно поверить, чтобы у тебя не было собственного мнения насчет их дальнейшей

[17] Примечания: 17

The Museum of Modern Art — один из крупнейших в мире музеев современного искусства, расположенный в Нью-Йорке.

участи. Гарантирую, что разногласий не будет, разделим, как ты захочешь, от тебя нужно только согласие, что разбазаривать мы их не будем. Вещи, Джакомо, ни в чем не виноваты.

Ладно, в приложении высылаю инвентарную опись с оценочной стоимостью, которую составил Браки. В ней все по делу, без лишних слов, именно такой я и хотел ее видеть, однако даже Браки помнит об этих предметах множество мельчайших подробностей — что для кого было куплено, что в какой комнате стояло, ну и так далее.

Инвентарь и оценочная стоимость предметов мебели в доме на площади Савонаролы:

кол-во 2 диваны двухместные «Куклы», металл, обивка серая, кожа, полиуретан, дизайн Марио Беллини, производитель B&B, 1972 (20 000 €)

кол-во 4 кресла «Аманта», стекловолокно, обивка черная, кожа, дизайн Марио Беллини, производитель B&B, 1966 (4400 €)*

кол-во 1 кресло «Зельда», дерево, окраска под палисандр, обивка кожа натурально-

го цвета, дизайн Серджо Асти, Серджо Фавр, производитель Poltronova, 1962 (2200 €)

кол-во 1 кресло «Сориана», сталь, кожа, цвет темно-каштановый, окраска анилиновая, дизайн Тобия и Афра Скарпа, производитель Cassina, 1970 (4000 €)

кол-во 1 кресло «Мешок», полистирол, кожа, цвет темно-каштановый, дизайн Гатти, Паолини и Теодоро, производитель Zanotta, 1969 (450 €)*

кол-во 1 кресло Woodline, дерево гнутое, обивка черная, кожа, дизайн Марко Дзанузо, производитель Arflex, 1965 (1000 €)

кол-во 1 кофейный столик «Аманта», черное стекловолокно, дизайн Марио Беллини, производитель B&B, 1966 (450 €)

кол-во 1 журнальный столик «748», тик светло-каштановый, дизайн Ико Паризи, производитель Cassina, 1961 (1100 €)

кол-во 1 журнальный столик «Дмитрий-70», пластмасса, цвет темно-оранжевый, дизайн Вико Маджистретти, производитель Artemide, 1966 (150 €)

кол-во 1 столик «Ротонда», вишня, хрусталь, дизайн Марио Беллини, произ-

водитель Cassina, 1976 (4000 €)

кол-во 1 сборный стеллаж «Додона-300», черный пластик, дизайн Эрнесто Джизмонди, производитель Artemide, 1970 (4500 €)

кол-во 2 сборные стеллажи «Сердженто», белый пластик, дизайн Серджо Моцца, производитель Artemide, 1973 (1500 €)

кол-во 1 люстра OLook, алюминий, дизайн Superstudio, производитель Poltronova, 1967 (4400 €)

кол-во 1 настольная лампа «Пассифлора», органическое стекло, цвет желто-опаловый, дизайн Superstudio, производитель Poltronova, 1968 (1900 €)

кол-во 1 настольная лампа «Сапфо», алюминий, цвет серебристо-стеклянный, дизайн Анджело Манджаротти, производитель Artemide, 1967 (1650 €)

кол-во 1 настольная лампа «Баобаб», пластмасса белая, дизайн Харви Гуццини, производитель Guzzini, 1971 (525 €)

кол-во 1 настольная лампа «Эклипс», металлическая, цвет красный, дизайн Вико Маджистретти, производитель

Artemide, 1967 (125 €)

кол-во 1 настольная лампа Gherpe, пластинки из красного оргстекла и хромированной стали, дизайн Superstudio, производитель Poltronova, 1967 (4000 €)

кол-во 1 настольная лампа «Полухимера», белое оргстекло, дизайн Вико Маджистретти, производитель Artemide, 1970 (450 €)

кол-во 3 потолочные лампы «Скобки», металл и пластмасса, дизайн Акилле Кастильони и Пио Манцу, производитель Flos, 1971 (750 €)

кол-во 12 плафоны и бра «Фетида», белая пластмасса, дизайн Вико Маджистретти, производитель Artemide, 1974 (1000 €)

кол-во 1 ночник для чтения Hebi, металл и белая гофрированная пластмасса, дизайн Исао Хосое, производитель Valenti, 1972 (350 €)

кол-во 3 настольные лампы «Телегон», красная пластмасса, дизайн Вико Маджистретти, производитель Artemide 1968 (1800 €)

кол-во 3 письменные столы Graphis,

дерево и белый лакированный металл, дизайн Освальд Борсани, производитель Tecno, с выдвижными ящиками, 1968 (3000 €)

кол-во 1 стол TL 58, ламинированный ДСП и орех, дизайн Марко Дзанусо, производитель Carlo Poggi, 1979 (8500 €)

кол-во 3 настенные контейнеры Uten.Silo 1, красная, зеленая, желтая пластмасса, дизайн Дороти Бекер, производитель Ingo Maurer, 1965 (1800 €)

кол-во 4 канцелярские тумбы на колесиках Boby, полипропилен, акрилонитрил-бутадиен-стирол, белый, зеленый, красный, желтый, дизайн Джо Коломбо, производитель Bieffeplast, 1970 (1000 €)

кол-во 7 стулья на колесиках Modus, металл, пластмасса, цвета разные, дизайн Освальдо Борсани, производитель Tecno, 1973 (700 €)

кол-во 4 офисные стулья, хромированная сталь и кожа, дизайн Джованни Карини, производитель Planula, 1967 (800 €)

кол-во 7 стулья Plia, алюминий и прозрачный плексиглас, дизайн Джанкарло Пиретти, производитель Castelli, 1967

(1050 €)

кол-во 4 стулья Loop, ивовые, плетеные, Франция, 1960-е гг. (1200 €)

кол-во 4 стулья «Селена», бежевый полиэстер, дизайн Вико Маджистретти, производитель Artemide, 1969 (600 €)

кол-во 4 стулья Basket, сталь и светлый ратанг, дизайн Франко Кампо и Карло Граффи, производитель Home, 1956 (1000 €)*

кол-во 1 стул «Василий. Модель B3», кожа, цвет спелого каштана, хромированная сталь, дизайн Марсель Брейер, производитель Gavina, 1963 (1800 €)

кол-во 1 чертежный прибор на пружинах, дерево, металлические рейки, дизайн инженера М. Сакки, производитель Ing. M. Sacchi srl, 1922 (4500 €)

кол-во 2 ночные столики, винтаж, тик, цвет спелого каштана, дизайн Аксель Кьерсгаард, производитель Kjersgaard, 1956 (1200 €)

кол-во 1 вешалка «Шанхай», натуральный бук, дизайн Де Пас, Д'Урбино еи Ломацци, производитель Zanotta, 1974 (400 €)

кол-во 1 корзина для зонтов «Дедал»,

темно-оранжевая, пластмасса, дизайн Эмма Джизмонди-Швейнбергер, производитель Artemide, 1966 (300 €)

кол-во 1 пишущая машинка Valentine, металл, красный пластик, дизайн Этторе Соттсасс и Перри А. Кинг, производитель Olivetti, 1968 (500 €)

кол-во 3 телефонные аппараты «Сверчок», дизайн Марко Дзанузо и Ричард Саппер, производитель Siemens, 1965 (210 €)

кол-во 1 радио Cubo ts522, хромированная сталь, пластик красный, дизайн Марко Дзанузо и Ричард Саппер, производитель Brionvega, 1966 (360 €)

кол-во 1 стереоустановка Hi-Fi Totem, дизайн Марко Беллини, производитель Brionvega, 1970 (700 €)*

кол-во 2 радиоприемник FD1102 n. 5, дизайн Марко Дзанузо, производитель Brionvega, 1969 (300 €)

кол-во

1 проигрыватель RR126 MidCentury, с усилителем и колонками, бакелит, светлое дерево, плексиглас, дизайн Пьер Джакомо е Акиле Кастильони, производитель*

Brionvega, 1967 (2000 €)
кол-во 1 плеер Penny, производитель Musicalsound, 1975 (180 €)

Предметы, помеченные значком *, оценены в половину их стоимости, поскольку сломаны или находятся в плохом состоянии.

Общая оценочная стоимость: 92 800 €.

Джакомо, ты это понимаешь? Это дом-музей. Честно, напиши мне, что ты думаешь делать, и я поступлю, как ты скажешь. Только, бога ради, не говори, что от всего этого нужно избавиться.

Кстати, ты, надеюсь, помнишь, что мы оба виноваты в появлении этих «звездочек» — так по-дурацки сломали тогда проигрыватель…

Обнимаю.

Марко.

Самолеты (2008)

В 1959 году, в год его рождения, объем воздушных пассажирских перевозок превысил объем морских. Этой информацией Марко Каррера владел с пеленок, потому что его отец повторял это снова и снова, несмотря на то что ребенок его возраста еще не улавливал смысла. Это было эпохальным событием, по мнению отца, большого любителя научной фантастики, которая предрекала будущее в небесах, а не на море или на суше. Как бывает со всем, что запомнилось с малолетства, Марко Каррера недооценил важность этой информации и заархивировал ее среди прочих безобидных идефиксов своего покойного отца, не усмотрев в ней семени, из которого произрастет его кармическая вязь. А между тем…

А между тем самолеты и вообще все, что связано с воздухоплаванием, самым решительным образом повлияли на его карму. Марко, мягко говоря, проворонил массу микро- и макроскопических возможностей, позволявших это увидеть, и нежданно-негаданно вспомнил об этом в сорок один год, обычным утром, какие бывают только

в Риме. Он сидел на деревянном ограждении, окружавшем пинии на улице Монте-Каприно, и читал чудовищные обвинения, которые Марина, теперь уже бывшая его жена, накатала в умопомрачительном заявлении о разводе. Она подала на него в суд. Нет, ты только подумай, одно из красивейших мест в мире, то есть так называемый Гранароне при Дворце Каффарелли (красивый не благодаря архитектурным достоинствам, которых у него попросту нет, а по своему доминирующему положению на всем юго-западном склоне Капитолийского холма, простирающегося до Тибра, а это, считай, вся территория, на которой находятся обломки храма Януса, Юноны Спасительницы, Аполлона Созиана, Святого Гомобоно и портик республиканского периода на форуме Олиториум, помимо базилики Сан-Никола-ин-Карчере и Тарпейской скалы, сохранившихся полностью, и уцелевшего на три четверти Театра Марцелла; в темный период истории тут все было заброшено, это место стало пастбищем для коз и поэтому было переименовано в Козью гору; в конце Чинквеченто — шестнадцатого века — оно было облагорожено строительством Дворца Каффарелли на самой вершине Капитолия, предпринятым носившей

эту фамилию семьей из старинного римского рода; в середине девятнадцатого века было приобретено в собственность вместе с дворцом и дворовыми постройками, включая вышеназванный Гранароне, пруссаками, которые возвели здесь и другие строения, тут разместился Германский археологический институт; в дальнейшем, в 1918 году, в результате распада Прусской империи дворец был приобретен в собственность римским муниципалитетом), и в те годы там размещались Капитолийская коллегия адвокатов, а также отдел гражданского суда, где хранятся судебные постановления, которые в нотариально заверенной копии выдаются на руки заинтересованным лицам. То есть все лица, на которых были поданы жалобы, заявления или в отношении которых были предприняты судебные действия, все должны были идти за бумагами именно сюда, в Гранароне. После чего — по-человечески это можно понять, — едва выйдя из здания, они не любовались красотой места, а торопились поскорее вскрыть конверты, чтобы тут же ознакомиться с содержанием документа, прислонившись к дереву, или присев на корточки, или, как в то утро Марко Каррера, — на деревянное ограждение. Рядом с ним трое таких же несчаст-

ных: юный автомеханик в рабочем комбинезоне, хорошо одетый мужчина, даже не успевший снять мотоциклетный шлем, и грязный амбал с седыми волосами — все были поглощены изучением врученных им документов, один из которых — документ юного механика — был точно того же свойства и содержания, что и документ, полученный только что Марко, поскольку читая его, парень громко вскрикивал («Ни фига себе! Вот это номер! Сука!»), угрожая, казалось, как следует врезать дрожавшему в его руке листку бумаги. Тем не менее его агрессивность носила скорее защитный, а не наступательный характер, выражение лица было в большей степени испуганным, чем сердитым, точь-в-точь такое же вскоре появится у Марко. Потому что в то дивное утро, в тех удивительных декорациях, пропитанных историей и красотой, после томительных месяцев ожидания он, читая заявление о разводе, узнал, с какой дикой ненавистью и при помощи каких низкопробных средств его бывшая жена решила от него избавиться.

Отказавшись от плана А, провалившегося из-за инициативы ее психотерапевта, который в нарушение врачебной тайны рассказал Марко о вынашиваемых ею замыслах, Марина стала

склоняться к плану В, конечно, не столь кровавому, но от которого все равно веяло злобой и намерением причинить невыносимую боль: в требовании о разводе Марко предъявлялись все мыслимые и немыслимые обвинения, какие только можно выдвинуть против отца и мужа — все, разумеется, ложные, но как бы там ни было, теперь, прежде чем обвинить ее в свою очередь во внебрачной беременности, благополучно завершившейся, кстати сказать, в уходе из дома, в похищении дочери, с которой она запрещает ему нормально общаться, не говоря уже о прочих осуществленных ею кознях (на план А не приходилось даже рассчитывать помимо всего потому, что психоаналитик ни за что не согласится дать показания на процессе); прежде чем обвинить ее во всем этом, как говорилось выше, он должен будет доказать суду несостоятельность предъявленных ему обвинений в применении физического и психологического насилия, в незаконном лишении свободы, в телесных наказаниях и надругательстве над дочерью, в многолетней супружеской измене, в угрозе вырезать всю ее словенскую родню, в неисполнении супружеского долга, уклонении от уплаты налогов, нарушении строительного зако-

на — короче, во всем. Надо повторить, что все это — ложь (это она, Марина, уклонялась от уплаты налогов, Марко ее только прикрывал, а нарушения строительных норм были делом столетней давности, когда его родители расширили летний дом в Больгери, ну да, втихаря, в обход закона, и было это тем убийственным летом, когда не стало его сестры Ирены, то есть в 1981 году, двадцать лет назад, за семь лет до того, как он познакомился с Мариной), и все пересыпано скверными анекдотами, как и прочее — ложными (теми самыми деталями, в которых якобы скрывается дьявол), за исключением единственного эпизода, действительно имевшего место, — незначительного в контексте ее фантастических бредней, но подлинного и приведенного там специально, чтобы напомнить ему, что хотя он и стал жертвой ее неоправданных обвинений, он все равно не безгрешен. Эпизод имел место, когда Адель еще лежала в колыбельке, значит, десять лет назад. Летом. И как раз в Больгери. Тогда он похоронил этот случай в памяти, но очевидно, ничто не было забыто, поскольку сейчас, в документах, события воскресли во всей своей беспощадной реальности.

Июль.

Перед закатом.

Полутень.

Морской бриз колышет шторы.

Неумолчно стрекочут цикады.

Они с Мариной прикорнули в своей комнате (той самой, построенной в 1981 году с нарушением закона). Рядом, со стороны Марины, колыбелька, где спит ребенок.

Свежие простыни, свежая наволочка, свежий запах младенца.

Мир и покой.

И вдруг тишину разрывает рев. Что-то оглушительное, протяжное, устрашающее, пугающее, апокалиптическое. Очнувшись от полудремы, на волнах которой он качался минуту назад, Марко вскакивает, дрожит, жадно хватает ртом воздух, оказавшись за дверью комнаты и прижимаясь к стволу пинии. В горле перехватило, сердце скачет от избытка адреналина. В этом состоянии он находится пять, может, десять секунд, после чего понимает, что происходит, и в то же время осознает: он выбежал из комнаты, в которой находились жена и дочь. Марко быстро возвращается, обнимает Марину, которая, проснувшись от испуга, сидит на кровати и дрожит, просит ее успокоиться, объясняет, чтт это был за грохот, в

то время как дочка, к счастью, блаженно спит у себя в кроватке. Пять секунд, может, десять.

Как говорилось, Марко Каррера похоронил это воспоминание в памяти, но в то римское утро оно всплыло перед его мысленным взором, ясно и точно, плод чужой памяти, единственный подлинный эпизод в грязном потоке лжи, извергнутой на него с целью выставить его как самого недостойного из мужчин. В обвинении, которое ему предъявляла жена, указывалось: он «подло бросил меня и ребенка, выскочил из дома один, почуяв опасность, в данном случае рев военного самолета, преодолевавшего звуковой барьер прямо у нас над головой, то есть событие не бог весть какое страшное, но что, если бы нам действительно грозила опасность?»

И это была правда.

Разумеется, в заявлении о разводе не говорилось, что в ту минуту в нем сработал рефлекс, что он отсутствовал всего каких-нибудь пять или десять — да хотя бы даже пятнадцать — секунд; напротив, ее слова весьма прозрачно намекали, что бегство мужа было продуманным актом и продолжалось ровно столько, сколько ему понадобилось, чтобы укрыться от неминуемой опасности, бросив на произвол судьбы жену и

дочь. Разумеется, это не соответствовало действительности. В заявлении о разводе даже не упоминалось, о чем он думал в те несколько секунд полной растерянности перед тем, как снова стать отцом и мужем. Она не объясняла, куда и в каком направлении устремились его мысли в той пелене безотчетного страха — единственная истинная его вина среди многочисленных прочих, выдуманных Мариной, о которой она даже знать не могла, но которая пробуждалась вместе с воспоминанием, вытесненным по ее вине из его памяти.

Вот тогда-то Марко Каррера понял, что та отцовская мысль о связи самолетов с годом рождения сына была в действительности настоящим пророчеством: он не подумал об этом, ни когда избежал гибели в самолете, ни когда женился на стюардессе, считая, что и она избежала той же опасности; он по-настоящему осознал это только сейчас, оказавшись виновным в одном из ста предъявленных ему обвинений, — не столько его бегство, когда военный истребитель с расположенной поблизости базы в Гроссето преодолевал звуковой барьер прямо над их головой, сколько то, о чем он думал в те несколько секунд, обезумев от страха, жадно хватая ртом воздух, присло-

нившись к пинии и с тоскою глядя на увитый жасмином забор, отделявший его от соседского участка. Попробуем сосчитать до десяти: Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза, Луиза…

Заколдованная фраза (1983)

Марко Каррере
площадь Савонаролы, 12
50132 Флоренция
Италия

Париж, 15 марта 1983 г.

Привет, Марко!

Представляю, как ты теряешься в догадках, от кого это письмо из Парижа, напечатанное на машинке, включая адрес на конверте. Ты, наверное, уже посмотрел на подпись или на адрес отправителя, но там я поставила только инициалы; но, может, тебе подсказала интуиция (этот вариант я бы предпочла), и ты мгновенно догадался, что это письмо от меня. Да, как бы там ни было, это я. Пишу тебе из Парижа, Марко, на пишущей машинке моего отца. Да, это я, бесследно пропавшая с тех пор, как мы сюда переехали.

Как поживаю? Чем занимаюсь? Учусь. Мне очень нравится место, куда я хожу на занятия. Ну, и т. д. и т. п. Я пишу не для этого.

Я часто думаю о тебе. Ты единственный ита-

льянец, посещающий мои мысли, не считая еще одного парня, которого я тоже не могу выбросить из головы. О нем я думаю в плохие минуты, а о тебе — в самые лучшие. Не только как сегодня, когда я напяливаю твой красный свитер. Постоянно думаю о тебе в такси, о том, как в полдник тебе нравилось ездить за горячими фокаччини, но ты боялся столкнуться там со своей матерью в окружении поклонников. Думаю о тебе в такси, когда навеселе возвращаюсь поздно ночью с вечеринки, и чувствую себя именно так, как ты сказал однажды, застав меня в пьяном виде: «Кто весел, а кто и нос повесил».

Я ни разу в жизни не ездила на такси во Флоренции, там я никогда ими не пользовалась. Даже не представляла, как восхитительно ездить на такси по ночному Парижу. Они останавливаются на ходу, стоит только махнуть рукой, стоя на тротуаре, прямо как в кино. Знать не знала, что такое такси. Я, например, усвоила, что если маячок с надписью Taxi Parisien оранжевый, значит, оно занято, а если белый — свободно. И я тебе клянусь, если он белый, стоит махнуть рукой, и такси останавливается. Потрясающе. Но ты, конечно, все про это знаешь. И когда я забираюсь внутрь, называю таксисту адрес, а

машина медленно трогается и скользит по освещенному асфальту пустынных улиц и площадей, я все сильнее чувствую, как то, что я делала до этого вечером, начинает медленно рассеиваться: рассеиваются лица парней, с которыми танцевала, пила и курила, рассеиваются банальности, все исчезает, и я чувствую себя как в раю. В такие минуты я думаю о тебе. Чувствую, что все лишнее отпадает, и думаю, если меня избавить от всего лишнего, нелишним останешься только ты.

Но думать о тебе нелегко. Особенно после того, что случилось. Мне не хватает точек опоры, мало образов, оставшихся в памяти. Я всегда замыкаюсь на одном и том же, твоем, когда ты сидишь на диване в нашем доме в Больгери, с плеером и в наушниках, отгородившись от мира, в то время как мы с друзьями едим равиоли. То ли это час такой, то ли это такси, но воспоминание кажется мне бесподобным.

А иногда я вижу тебя во сне.

Ты приснился мне сегодня ночью, поэтому я и пишу, нарушая, даже не зная зачем, обещание, которое сама у тебя вырвала, что больше писать ты мне не будешь. Ты — мне.

Сон был сказочный, чистый и светлый, жаль, что я проснулась в самый интересный момент. Я

запомнила его очень четко, потому что потом не могла заснуть, лежала и часами обдумывала этот сон. Я как будто лежу в гамаке на мексиканском патио под огромным потолочным вентилятором, который вертится медленно-медленно, а ты примостился на краешке гамака, весь в белом, и раскачиваешь меня. Мы с тобой играем в какую-то странную игру и как-то странно смеемся, мне трудно объяснить. Ты требовал, чтобы я произнесла какую-то заколдованную фразу, я пробовала, но не смогла. Фраза была очень странная, я ее записала, проснувшись: «Сто бенедиктинцев принесли нам гостинцев, бенедиктинцы скуповаты, принесли маловато». Ручаюсь, фраза была слово в слово такая. А я все никак не могла ее повторить, постоянно ошибалась, и чем больше я ошибалась, тем сильней мы смеялись, и чем сильней мы смеялись, тем больше я ошибалась. Наконец, для того, чтобы ты понял, до чего это было смешно, ты сам попытался ее повторить и тоже не сумел. Потом на мексиканском патио появляется твой отец, как всегда, сдержанный и немногословный, и мы просим его произнести эту фразу, он попробовал и тоже сбился. Не передать, как мы с тобой хохотали, а потом расхохотался и он, пробуя и снова оши-

баясь. Не получалось, как он ни старался, иногда говорил: «Сто францисканцев...» или «...принесли померанцев...» И впрямь какая-то заколдованная фраза, мы втроем умирали со смеху. Потом я проснулась. Сон трудно пересказать на бумаге — выглядит глупо, но я тебя уверяю, что это не так. И, главное, мы с тобой никого не стеснялись. Даже в присутствии твоего отца. Все текло как по маслу. Сон, что еще скажешь.

Я встала в сонном дурмане и отправилась на гимнастику (я хожу на гимнастику), и неожиданно стала свидетельницей незабываемой картины: в лучах солнца падал снег. Клянусь. Под Триумфальной аркой опускались огромные, тяжелые хлопья мокрого снега, а за Нотр-Дамом светило солнце и небо было голубым. Это был уже не сон, а явь. Как и это сумасбродное письмо, я прекрасно понимаю. Впрочем, ладно. Надеюсь, я тебя не озадачила, не заставила мучиться над «неразрешимостью» проблем. (Мне пришло сейчас в голову, что последний раз я тебя видела в спортивном зале, целую вечность назад. Меня смутило твое появление.) Поэтому мне важно о тебе думать, когда я еду в такси, и по возможности, как сегодня, видеть тебя во сне. Между прочим, видеть тебя во сне означает, что я сплю. Знаешь, мне осточертели моя бессонница и тот парень, который не выходит у меня из головы. Обнимаю, если ты не против.

Луиза.

Последняя ночь невинности (1979)

К двадцати годам Марко Каррера и Дуччо Киллери стали ездить в казино за границу — в Австрию в основном и в Югославию, — но долгие путешествия на машине, которые Дуччо тщательно прорабатывал, планируя остановки в борделях и ресторанах, Марко порядочно надоели. Не говоря уже о том, что сидеть впритык в течение десяти-двенадцати часов в клети «Фиата X 1/9», машины его друга, становилось просто невыносимо, Марко чувствовал необходимость перехода на более высокий профессиональный уровень, без гусарских бравад и проституток, чтобы сосредоточиться на оптимизации итогов игры. Но на самом деле, как мы уже говорили, дружеских чувств, которые испытывал к нему Неназываемый с его неукротимым желанием проводить вместе время, вместе покуролесить, Марко больше не разделял: у него сохранилось только желание переступать порог казино в компании своего незаурядного друга, знатока систем игры в рулетку, вдохновенного экстрасенса за

столом для крэпса[18], человека, наделенного звериным чутьем в блэк-джеке. Поэтому однажды он взял инициативу в свои руки и решил, что на сей раз они отправятся на самолете, несмотря на то что Дуччо смертельно боялся летать. Марко понадобилось целых четыре вечера, чтобы преодолеть его предубеждение против *железных птиц*, прибегая к тем же рациональным, антисуеверным аргументам, которые (и это уже было слишком) он использовал в борьбе с предрассудками друзей, веривших в силу сглаза Дуччо Киллери. Наконец Марко его уговорил, и в один благоухающий майский полдень друзья оказались в пизанском аэропорту, впереди была перспектива длинного уик-энда в казино Любляны, куда в прошлом году они ездили на машине и сорвали изрядный куш. На самом деле длинным должен был оказаться и перелет, поскольку Марко где-то раскопал супердешевый чартерный рейс югославской авиакомпании «Копер Авиопромет», которая по каким-то соображениям расположила прямой перелет между Пизой и Любляной с непонятной посадкой в Ларнаке (на Кипре). Из-за этого абсурда время в пути увеличи-

[18] Примечания: 18

Крэпс — настольная азартная игра в кости, появилась в Америке в XVIII в.

валось в четыре раза, но каким-то таинственным образом сокращалась в обратной пропорции цена билетов.

При посадке на самолет Дуччо Киллери очень нервничал. Марко впихнул в него две таблетки транквилизатора, позаимствованные у сестры, большой поклонницы психотропных средств, но они не уменьшили паники его друга. Когда они устроились на своих местах, Дуччо стал подавать признаки нетерпения, рассматривая продавленные кресла и подголовники — признаки, по его мнению, плохой авиакомпании, но в состояние ужаса его привели люди, продолжавшие входить в салон самолета. Страшные люди, повторял он, все меченые. Ты посмотри на них, твердил он, они похожи на мертвецов; ты посмотри на этого, взгляни на того — это же портреты из газетных некрологов. Марко умолял приятеля расслабиться и ни о чем не думать, но тревога Неназываемого возрастала с каждой минутой.

Люди продолжали подниматься на борт самолета, и вдруг Дуччо вскакивает и как заорет: есть ли среди входящих какая-нибудь знаменитость — футболист, актер, персона VIP — из тех, кому ни разу не улыбнулась жизнь? Пассажиры, с трудом пробиравшиеся к своим местам, посмотрели на

него с недоумением, а кто-то даже спросил, на кого он окрысился. На вас, отвечал Дуччо Киллери, потому что вы все покойники и хотите моей погибели. Марко схватил его за плечи, усадил, попробовал успокоить, с нежностью обнял, хотя его воротило от запаха фастфуда, которым пропитался пиджак его друга, и в то же время пытался успокоить опешивших и нервничавших пассажиров, говоря им, что это все пустяки, сейчас пройдет. Дуччо согласно кивал: конечно, мы все тут подохнем, а так — сущие пустяки. Уткнувшись лицом в ладони, он бубнил что-то себе под нос и чуть ли не плакал, но под бдительным оком Марко перестал терроризировать пассажиров и, кажется, понемногу утих. Но когда в салоне самолета появился отряд бойскаутов, ситуация вышла из-под контроля. Дуччо Киллери восстал: нет! Только не это! Бойскауты — ни за что! Он выскочил в проход и перегородил путь первому, шедшему во главе отряда, здоровому волосатому детине, выглядевшему невероятно нелепо в форме начальника патруля: вы куда это собрались? Здоровяк опешил и, решив, что это стюард, предъявил свой посадочный талон. Валите отсюда, немедленно! Брысь! Марко вскочил, чтобы его утихомирить, но не тут-то было,

Дуччо потерял над собой контроль: скрутил главу перепуганных насмерть бойскаутов и стал толкать его к выходу. Убийцы, орал он, валите отсюда! А когда пассажиры начали реагировать и посыпались оскорбления и тумаки, Марко Каррера понял, что их уик-энд в Любляне накрылся медным тазом. Выдав себя за доктора — он был на втором курсе медицинского факультета, и это было видно за тысячу миль, — Марко диагностировал у своего приятеля эпилептический приступ «второго типа» (выдумал на ходу) и потребовал у экипажа открыть дверь и выпустить их из самолета. Бортпроводницы не могли поверить своему счастью — они избавлялись от оглашенного. Таким образом, вынув свои чемоданы из багажного отделения самолета прямо на летном поле (в те годы управление воздушной гаванью Пизы оставляло желать лучшего), Марко и Дуччо вернулись в терминал, пока самолет выруливал на взлетную полосу. Едва ступив на землю, Дуччо Киллери внезапно утих, впав в необъяснимую эйфорию человека, словно вернувшегося с того света. Марко, напротив, пришел в ярость, но, не желая еще раз выставлять себя на посмешище, старался сдерживать эмоции и глухо молчал. И без того хмурый, он мрачнел на глазах, пока

вел машину, желая поскорее вернуться во Флоренцию и избавиться от Дуччо; и в то же время он кипел от гнева и сгорал со стыда, ведь сбежал, как воришка, в страхе, что известие об их выходке распространится за пределы самолета, в салоне которого инцидент, собственно, был исчерпан; короче, пока он ехал по автостраде, контуры происшедшего впервые отчетливо стали вырисовываться перед его глазами, как если бы они вырисовались перед кем угодно. Что же случилось в том самолете? Всего лишь то, что его друг Дуччо Киллери в приступе панической атаки сорвал хорошо организованный уик-энд. *Всего лишь* — это для Марко. А как отнеслись бы к произошедшему те, кто знал Дуччо, стань они свидетелями подобного? Что же такого невообразимого и ужасающего натворил Неназываемый в самолете?

Достаточно было Марку представить себя на месте любого их друга, как он будто получил удар под дых, от которого долго не мог оправиться. И потом всю ночь, когда он уже выгрузил Дуччо перед его домом, даже не попрощавшись, выдав благовидное объяснение родителям о перемене планов на уик-энд, Марко ворочался в постели, и перед его глазами проносились незнакомые лица

людей, которые могли стать их попутчиками, тех, кто был предоставлен своей судьбе в том югославском самолете. Он вспоминал несчастных, невесть куда летевших бойскаутов, стюардесс со славянской внешностью и густым макияжем, наивно вздыхавших с облегчением, когда они с Дуччо сходили по трапу после той клоунады, вместо того, чтобы следуя теории глаза циклона, сомкнуться в плотную цепь и не позволить им покинуть самолет…

Пока Марко Каррера ворочался в кровати, потел и не мог уснуть и, менее того, насладиться ароматом жасмина ryncospermum, долетавшим из приоткрытого окна, над морем северного побережья Кипра трагедия уже свершилась и себя исчерпала, но он еще об этом не знал: самолет «DC-9–30» авиакомпании «Копер Авиопромет», заходя на посадку в Ларнаку, был поглощен волнами Киликийского моря; люди, о которых Марко думал со смешанным чувством тревоги и грусти, были уже мертвы; воспоминание о фатве[19], решении неведомой высшей силы, которое огласил Неназываемый, навсегда было исчерпано ее же последствиями, и он был един-

[19] Примечания: 19

Фатва (*араб.* фетва, фатуа) — в исламе судебное решение по какому-либо вопросу, которое выносит муфтий.

ственным человеком на свете, который владел этой информацией.

Еще не зная ничего о трагедии, Марко Каррера в конце концов уснул — поздно, в тревоге и волнении, но все же уснул, — и в жизни, богатой на последние ночи, эта была последняя ночь его невинности.

Урания[20] (2008)

Кому: Джакомо — jackcarr62@yahoo.com
Отправлено — Gmail — 17 октября 2008 г. 23:39
Тема: Романы Урании
От: Марко Карреры

Привет, Джакомо!

Хотел поговорить с тобой о (почти) полном папином собрании книг из серии «Урания». У этой коллекции, несмотря на отсутствие нескольких книг, тоже очень высокая антикварная стоимость, учитывая то, как он их хранил, оборачивал каждую в веленевую бумагу, поэтому ты не поверишь, что даже спустя полвека или даже больше они в потрясающем состоянии. Но я не об этом хотел с тобой говорить. Из-за того, что, как мне думается, эти книги должны принадлежать тебе, по причинам, о которых ниже, и

---

[20] Примечания: 20

«*Урания*», или «Романы Урании» — серия научно-фантастических романов, которая выходит в итальянском издательстве «Мондадори» с 1952 г., самая продолжительная в истории книгопечатания. До № 766 (1979 г.) книги в основном выходили раз в две недели, их тиражи достигали 100 тыс. экз. Сейчас издается ежемесячно в мягкой обложке. В серии впервые на итальянском языке появились романы Азимова, Дика, Балларда, Ле Гуин и многих других зарубежных фантастов.

поскольку они не занимают много места, я могу держать их у себя, но продавать ни за что не буду, если ты все же не захочешь их взять. Теперь что касается самих книг. Собрание начинается с № 1 и заканчивается № 899, то есть с 1952 по 1981 год, в нем не хватает всего пяти томов, и вот по каким причинам:

№ 20. Айзек Азимов. «Камешек в небе». 20 июля 1953 г.

Странно — тебе не кажется? — что, купив первые девятнадцать книг серии, наш папа, которому тогда было двадцать семь, недавний выпускник университета, мог забыть приобрести именно этот, двадцатый том, по отзывам, одну из лучших книг его любимого автора. Между тем он все-таки его купил, потому что в книжном шкафу в его кабинете, где всегда стояла «Урания» (в инвентарной описи Браки за прошлый месяц этот книжный шкаф обозначен как «сборный стеллаж Серджесто», ты наверняка его помнишь, поскольку точно такой же стоял и до сих пор стоит в твоей комнате, заваленный комиксами, в основном о твоем любимом Тексе Уиллере), так вот, в книжном шкафу, где всегда находились книги «Урании», между предыдущим

номером 19, «Прелюдия к космосу» Артура Кларка, и следующим за ним номером 21 «Террор над миром» Джимми Гие, я обнаружил записку, на которой его рукой написано: «Дал почитать А.» и дата: «19 апреля 1970 г.». Под «А», ты наверняка со мной согласишься, имеется в виду Альдо Мансутти, или Альдино, как папа его называл, ты его помнишь, он погиб в той дикой катастрофе на мотоцикле, о которой дома столько говорили и которая настроила родителей против покупки нам скутера. Помню, как мы ходили на похороны этого Альдино, я тогда учился, наверное, уже в пятом классе, ну или только пошел в шестой, значит, это было где-то в 1970 году. Дело могло обстоять следующим образом: папа дал почитать этому Альдино книгу Азимова, положил на ее место записку, чтобы не забыть, — он очень дорожил своим собранием, но вскоре после этого Альдино погиб, и отец, разумеется, не посмел попросить у вдовы вернуть ему книжку — Титти, ты ее помнишь, Титти Мансутти, древнейшая старушенция, я с ней на днях встречался по другому поводу, но об этом позже. Тем более что к этому времени, то есть к 1970 году, коллекция, считай, была уже неполной — не хватало пяти других номеров: 203, 204, 449 и 451. Наберись тер-

пения, Джакомо, и дочитай до конца. Нам нужно выяснить, почему не хватает именно этих пяти книг.

№ 203. Чарльз Эрик Мэйн. «Морской вампир». 10 мая 1959 г. и № 204. Гордон Р. Диксон. «Человечество в бегах». 24 мая 1959 г.

На месте этих книг не было никаких записок, выходит, отец никому их не давал, а просто не купил. Разобравшись в датах, я, кажется, понял причину. Ты помнишь, как тогда Ирена грохнулась с высокого стула? Нам рассказывали об этом тысячу раз: как Ирена падает с высокого стула на кухне старого дома на площади Далмации, ударяется затылком, два дня лежит в коме в больнице Мейера, как мама клянется, что бросит курить, если ребенок выздоровеет, Ирена выздоравливает, мама курить не бросает, Ирена полностью восстанавливается, но впоследствии этим падением объясняет все свои недуги… Мы-то с тобой тогда еще не родились, но все равно должны согласиться, что самым драматичным событием в нашей семье, вплоть до смерти Ирены, было это ее падение с высокого стула. До того драматичным, что папа — здесь-то и зарыта собака — два раза, то есть в течение 28 дней, не су-

мел купить двух новых томов из серии любимых романов. Сейчас уже никто не скажет, в какое время года это случилось, но если ты помнишь, история становилась еще драматичнее, потому что мама тогда носила меня. (Драматичным, если угодно, был и тот факт, что она не бросила курить, даже будучи на сносях.)

Я всегда представлял, как она ходит с огромным животом, а тут вдруг эта беда, ребенок падает со стула и теряет сознание, потом она везет ее на машине «Скорой помощи», потом сидит в больнице у ее кроватки, хотя если допустить, что она была на втором месяце беременности, то все прекрасным образом сходится. Я родился 2 декабря, правильно? Это означает, что я был зачат в начале марта. Две недостающие книги вышли в мае, что соответствует примерно второму-третьему месяцу беременности матери. Следовательно, никакого живота у нее еще не было, и это объясняет, почему папа не купил те две книги: Ирена лежала в реанимации, потом в реабилитации, потом ее выписали домой, потом, когда где-то через месяц опасность миновала, он снова стал покупать романы (№ 205. Роберт Рэндалл. «Рассветный свет». 7 июня 1959 г.), и дальше в течение последующих семи лет не пропустил

ни одной книжки. И здесь мы с тобой подошли к трем другим недостающим выпускам, а именно:

№ 449. Томас М. Диш. «Содом и его окрестности». 20 ноября 1966 г., № 450. «Война идет всегда», авторский сборник (Вальтер Муди, Пол Андерсон, Роберт Э. Маргрофф, Пирс Энтони, Эндрю Дж. Оффутт), 4 декабря 1966 г., и № 451. Мак Рейнольдс. «И он проклял скандал» 18 декабря 1966 г.

Здесь все понятно: наводнение[21]*, папа плывет на надувной лодке мэрии по затопленной равнине, спасает сперва животных, а затем вылавливает книги и «ангелов грязи» из Национальной библиотеки. Ты, естественно, спросишь, почему же он не смог купить эти три тома, если ухитрился купить номер № 448 — роман Джона Уиндема «Куколки». 6 ноября 1966 г., когда наводнение еще не спало и Флоренция буквально лежала под водой? И вот тут, дорогой Джакомо, чтобы это объяснить, мы должны перейти к доводам, согласно*

---

[21] Примечания: 21

Имеется в виду наводнение 3–6 ноября 1966 г. — самое разрушительное во Флоренции с 1557 г. В результате разлива реки Арно погибли 34 человека, 5000 семей остались без крова, было повреждено множество предметов искусства, испорчены или утеряны музейные коллекции картин, рукописей и редких книг из флорентийской Национальной библиотеки.

которым, по моему твердому убеждению, эти книги должны принадлежать тебе. Обнаружил я это совершенно случайно, и именно в этом ценность моей находки. Короче, дело было так. Когда я пробегал глазами по названиям книг, выстроившихся в безупречном порядке на полках сборного стеллажа «Серджесто», то наткнулся на название и автора, которые были мне известны и раньше: «Космический патруль» Роберта Энсона Хайнлайна. Хайнлайн — один из немногих фантастов, которых я читал, название показалось мне знакомым, я когда-то вроде бы видел фильм, снятый по ее мотивам. Вынул книгу, чтобы проверить, — оригинальное название действительно было Starship Troopers, по которой в конце девяностых был снят бездарный фильм, вышедший в итальянском прокате под тем же названием «Космический патруль». Но дело в том, что я увидел и кое-что еще на предыдущей странице, то есть на первой, как же она называется, та, что идет сразу после обложки, где повторяется имя автора, название и издательство, как же она называется? Где писатели ставят автографы? Титул, что ли? Сейчас проверим. Да, он самый, титул, «начальная страница книги, — говорится в «Википедии», — эту страницу читатель видит,

открыв обложку». Как раз она нам и нужна. Так вот, я говорил, что на титуле папиным почерком кое-что написано карандашом. Всего несколько строчек, привожу их полностью: «Здравствуйте, синьоры и синьоры! Хочу представить вам своего нового друга… или нет, скорее подругу… синьорина Джованна… или же синьор Джакомо, пока еще неизвестно… Внимание, акушерка… пока ее еще плохо видно… вот она наклоняется… Синьоры и синьоры, встречайте, синьор Джакомо!»

Разве не фантастика? Мама только что тебя родила, он был в роддоме, молодой, задыхающийся от счастья, курил в коридоре свои «Муратти» и записывал эти волнующие строчки на титуле книги из своей «Урании».

Вот поэтому, мне кажется, собрание должно стоять в твоем доме в Чапел-Хилле, который я видел со спутника на Google Earth.

Теперь мы с тобой приходим к пониманию того, как появился тот том от 6 ноября 1966 г.: когда на титуле я расшифровал надпись, сделанную папиным почерком, то закрыл книгу, застыл у полок и тупо уставился в пустоту (помнишь, кто так любил говорить?); потом очнулся, закрыл томик, и взгляд мой упал на красный квадратик внизу на обложке, там, где

обычно стоит цена (150 лир), номер выпуска (276) и дата: 25 февраля 1962 г. Но ты же родился 12 февраля. Спрашивается, как у папы мог оказаться номер, который должен был выйти только через тринадцать дней? Я совершенно запутался, и тут меня осенило. Я вспомнил, что когда занимался теннисом, у меня была годовая подписка на журнал Match Ball, выходивший раз в две недели, а журнал ко мне приходил намного раньше указанной на обложке даты, и поэтому я долгое время думал, что это бонус за годовую подписку, пока однажды с большим огорчением не выяснил, что и в газетных киосках журналы Match Ball продавались раньше даты, указанной на обложке. Обнаружив это, я заметил, что то же самое происходит и с другими журналами, доставляемыми по почте, — «Панорама», «Экспресс», «Неделя кроссвордов». Наверное, это был чисто психологический ход — создать у читателя впечатление новизны, чтобы он не подумал, будто читает устаревшие новости, когда в его руки попадет журнал, вышедший на четыре-пять или даже шесть дней раньше обозначенного срока. Хотя это и лишено глубокого смысла, но по каким-то причинам тот же психологический ход использовало издательство «Мондадори» для

выпуска раз в две недели томиков «Урании», и значит, более чем вероятно, что дата на обложке соответствует последнему из тех четырнадцати дней, в течение которых журнал продается в киосках. Получается, роман, который папа захватил с собой в роддом, поскольку у мамы начались схватки 12 февраля 1962 г. (понедельник, я проверял по компьютеру), только что вышел из печати, но дата на нем указана с опережением на 13 дней; или же он просто купил его в газетном киоске роддома, когда маму увезли в палату.

Тем же объясняется и то, что у папы был номер от 6 ноября 1966 г., хотя в тот день он уже в течение двух суток плавал на резиновых лодках пожарной охраны и спасал животных с плотов, уносимых бурным течением: просто книга вышла из печати тринадцатью днями раньше.

После тех трех недостающих номеров за 1966 г. папа — что впечатляет, однако, — ни разу за 15 лет не пропустил ни единого нового выпуска, поскольку начиная с № 452 («На секретной службе», сборник рассказов Азимова, Такера, Ван Вогта, Мартино и Филипа К. Дика) его коллекция пополнялась непрерывно вплоть до 899-го номера, книги «Коммуна в 2000 году» Мака Рейнольдса, четыреста сорок семь выпусков без единого

пропуска, которые он купил, обернул веленевой бумагой, прочитал, а потом поставил на книжную полку, в то время как цена их возрастала с 200 до 1500 лир, а тем временем в мире, в Италии, во Флоренции и в той же нашей семье, в частности, происходило что-то неладное.

Заключительный номер отцовской коллекции я оставил на месте, потому что, по-моему, он является символом последнего павшего бастиона. В данный момент он лежит передо мной: белая обложка с красным кругом по центру, внутри иллюстрация (парень и девушка в парке разговаривают со старшим товарищем, который сидит на скамейке, все трое в чем мать родила, на заднем плане бродят другие голые люди), название: «Коммуна в 2000 году», автор: Мак Рейнольдс и напоследок дата: 23 августа 1981 г.

Но 23 августа 1981 года еще не наступил конец света. Однако этот номер, как мы видели, вышел на тринадцать дней раньше, то есть 10-го, когда конца света даже не предвиделось, и папа наверняка купил его накануне праздника Успения Богородицы, что отмечают 15 августа, в киоске Кастаньето, где обычно покупал газеты, и, как всегда, прочитал за пару дней, то лежа на пляже, то отдыхая в постели, отвернувшись от мамы

на правый бок в сторону тумбочки, поскольку в Больгери, куда мы все съезжались в августе, из-за тесноты они не могли спать в разных комнатах.

Но с понедельника 24 августа в киоски должен был поступить свежий номер (в Кастаньето, наверное, нет, он бы туда поступил во вторник или среду), но это, как и все остальное, вдруг потеряло для отца значение. И на этот раз навсегда. Поэтому «Коммуна в 2000 году» Мака Рейнольдса — последняя книга «Урании», которую папа купил и прочел, — последняя в его (почти) полной коллекции, от № 1 до № 899, последнего выпуска в его жизни.

Ладно, Джакомо, я свалил всю вину на тебя, ты не представляешь, каково мне было. Но послушай, братишка, прошло тридцать лет. Я прошу у тебя прощения за все, что тогда наговорил, за то, что по моей милости жизнь в нашей семье на многие дни стала невыносимой, они проходили, сливались один с другим, но все равно были слишком близки к той злополучной дате. Но ведь прошло уже тридцать лет. Мы были щенками, стали мужчинами. При всем желании мы не можем стать чужаками. Обычно братья ссорятся из-за наследства после смерти родителей: вот бы бы-

ло здорово, если бы из-за наследства мы с тобой помирились. Во всяком случае, для нашей семьи, где все шиворот-навыворот.

Жду твоего ответа.

Марко.

Господине-е-е-е! (1974)

Было воскресенье, раннее утро, но площади Савонаролы нигде не было — она исчезла. Исчезли деревья; небо исчезло; исчезли машины, вокруг пустота. Как в фильме, который они с мамой смотрели под Рождество, — там спускается туман, и старичок теряется возле дома — здесь тоже спустился туман, и Марко Каррера, как тот старичок, тоже потерялся возле дома. Туман во Флоренции — явление редкое, а такой — вообще редчайшее. Даже своих ботинок не видно.

Было воскресенье, раннее утро, и был совершенно абсурдный день. Ограничение движения транспорта — Austerity[22], как это назвали, — и одно это уже было форменным издевательством: год послушания родителям, год жизни без драк и без ссор с братом и сестрой, хорошие оценки в школе, проявления здравого смысла, рассудительность и толерантность — все, чтобы убедить

---

[22] Примечания: 22
Режим жесткой экономии, строгость (*англ.*).

родителей купить мотороллер «Веспа»[23], и вот пожалуйста, он одержал победу в день своего рождения, и именно в этот день вступил в силу закон, запрещающий ему ездить по воскресеньям. Но этого мало. Абсурдными были причины, по которым приняли этот закон: нефть и бензин стали отпускать по талонам — бац, ни с того ни с сего. То, что Марко Каррера слышал по телевизору, было лишено смысла. По его убеждению, чтобы дожить до нормированного распределения потребительских благ, необходимо пройти промежуточный этап, когда дефицит того или иного товара начинает ощущаться явно. А тогда все случилось с бухты-барахты: молниеносная война[24], решение стран ОПЕК сократить экспорт нефти, и поэтому всем следовало немедленно отключить рубильник. В течение месяца по ночам перестали зажигаться фонари, сократили вре-

---

[23] Примечания: 23

«*Веспа*» — культовый итальянский мотороллер. Производится концерном Piaggio с 1946 г. и до сих пор. Является родоначальником европейской конструкторской школы мотороллеров и первым успешным скутером в мире.

[24] Примечания: 24

Молниеносная война, или война «Судного дня», Шестидневная война — четвертая арабо-израильская война, начавшаяся в день праздника Йом-Кипур 6 октября 1973 г. Проигравшие арабские страны — поставщики нефти применили меры экономического воздействия на союзников Израиля — ввели эмбарго на продажу нефти странам Западной Европы и повысили цену на сырую нефть втрое.

мя телевещания, дома запретили пользоваться обогревательными приборами — и никаких автомобилей по воскресеньям, включая мотороллеры «Веспа». Что ж получается, его цивилизацию ничего не стоит поставить на колени? И именно по достижении им четырнадцати лет, когда он стоит на пороге взрослого мира? Именно тогда, когда он перестал участвовать в соревнованиях по горным лыжам, чтобы по полной программе наслаждаться своей «Веспой» даже по воскресеньям и даже зимой, вместо тренировок в Абетоне, куда нужно было ездить и зимой, и весной каждые выходные, — тренировки и соревнования, тренировки и соревнования только для того, чтобы потом увидеть местных, летящих стрелой и показывающих двое-втрое лучшее время?

Пешкодралом. Без разговоров. А в тот день был еще и туман.

Было воскресенье, раннее утро. Марко Каррера сделал несколько шагов и уже в нескольких метрах от дома испытал неуверенность, поскольку не мог сориентироваться в пространстве. Где он находится? На тротуаре или на проезжей части? Где находится его дом? Справа или слева? Спереди или сзади? Не слышно было даже шума машин, которые могли бы дать представление о месте,

где он находился.

В половине девятого у него была назначена встреча на вокзале, откуда они с Пелледжеро, Верди и сестрами-близняшками Соллима должны были ехать в Лукку на финальные соревнования первого тосканского чемпионата в групповых играх в закрытых помещениях в возрастной категории «учеников», в сопровождении учителя и представителя руководства. (Это, кстати, еще одна причина, чтобы забросить лыжи: начиная с этого года, благодаря повсеместному переходу на мячи из вулканизированной резины можно было проводить теннисные турниры даже в зимнее время, а для Марко Карреры было гораздо важнее сосредоточиться на теннисе в течение всего года, нежели разбрасываться между теннисом и лыжами. Несмотря на то что его рост не увеличивался, в теннисе он с каждым годом становился сильнее, был метким и агрессивным, а это в совокупности с тем фактом, что противники недооценивали его из-за роста, в прошлом году позволило ему добиться потрясающих результатов. В лыжах не было психологии, стратегии, соперника, которого видишь на корте: там была только сила гравитации, и его рост — метр пятьдесят, а главное, вес — сорок восемь килограммов — были непреодо-

лимым препятствием.)

Короче, было воскресенье, раннее утро, и все фонари на площади были погашены из-за строжайшего режима Austerity. Вокруг — ни души, только клубы тумана. Надо было дойти до улицы Джакомини и сесть на автобус до вокзала Санта-Мария-Новелла, но вдруг оказалось, что это непросто. В самом деле, где находится улица Джакомини? Обычно с другой стороны площади относительно его дома, вдоль бокового фасада церкви Святого Франциска, но опять же вопрос: где находится его дом? Где находится площадь? Где находится церковь?

Чудовищная авария произошла внезапно, как все аварии. За минуту до этого Марко Каррера потерялся в тумане, вокруг ни души, ни звуков, ни ориентиров, а минутой позже все уже случилось: рев мотора, удар, надрывно загудевший клаксон, который заклинило от столкновения, и даже первые крики. Все, казалось, произошло одновременно, без какой-либо хронологической последовательности. Впрочем, там, где нет пространства, там нет и времени, как говаривал дядюшка Альберт.

Первые крики состояли всего лишь из одного слова, которого Марко до сих пор не слышал.

— Господине-е-е-е!

Всего лишь одно слово, которого Марко никогда раньше не слышал, выпущенное в туман, словно сигнальная ракета. Оно как будто говорило (конечно, ему, Марко, потому что вокруг не было ни души): «На помощь! Мы здесь! Авария здесь!»

Здесь, но где?

— Господине-е-е-е!

В общем, Марко направился туда, откуда доносился крик. Он сделал пару шагов, и время, кажется, ожило: застрявший клаксон умолк. Скрежет железа. Другие непонятные слова, явно произнесенные мужчиной, — голос, что кричал «Господине-е-е-е!», был женским.

Вдруг из стены тумана возникла женщина, она была до ужаса близко. Цыганка. Лицо в крови и искажено криками «Господине-е-е-е!». Звуки мужского голоса тоже слышались где-то поблизости, но самого мужчины было не видно. Появился человек — старый цыган, у которого кровь стекала со лба на шею, — но это не он бормотал. Рядом с ним стоял «Форд Таурус», дверцы распахнуты настежь, из капота валит дым. Марко кое-как продвигался в этой молочной каше, не понимая, что ему делать, и не соображая, что же он ищет. Может, другую машину? Он искал другую маши-

ну? Может, у него было предчувствие? Может, он узнал ее по гудку?

— Господине-е-е-е!!

Вот она, другая машина. Врезалась в фонарь, практически без носа. Похожа на «Пежо-504», машину его отца. Серый металлик — в точности как у него. И еще один цыган, моложе первого, с виду без телесных повреждений; это он открыл дверцу и что-то бурчал, пытаясь вытащить из машины человека. Человека без сознания, а возможно, и мертвого.

Похоже, это была девушка.

Похожая на Ирену, его сестру.

— Господине-е-е-е!!

Папа, я возьму твою машину? Ирена, не начинай. Но мне нужно съездить в Абетоне, потом в Больгери, потом на вечеринку в Импрунету, как я туда, по-твоему, доберусь? Попроси кого-нибудь подкинуть. Ни за что на свете! Ирена, у тебя нет еще водительских прав. Зато есть «розовая карточка». С ней ты не можешь ездить без сопровождения. Мои подруги ездят. А ты не будешь. Ну, папочка, перестань, клянусь, я буду осторожна. Нет. Боишься, меня остановят? Да. Ну, пожалуйста, папа! Ирена, я сказал нет. Я все равно возьму. Только попробуй…

Сколько раз за последние недели Марко слышал пререкания отца и Ирены. И сколько раз он вставал на сторону своей самой умной и самой неспокойной сестры — его полярной звезды, его эталона молодости и жизни, взбалмошной, вечно подавленной и озлобленной, с голубой жилкой, пульсирующей на виске, делавшей ее особой, ни на кого не похожей — благородной бунтаркой, высшим авторитетом. Сейчас она лежит на земле, куда ее уложил молодой цыган, пробовавший ее реанимировать — в нарушение элементарных правил оказания экстренной помощи пострадавшим, но этого никто не видел. Он делал это с явным наслаждением: бледная, без видимых повреждений и без сознания. Ирена. Она умерла?

— Господине-е-е-е!

Нет, она не умерла и даже не поцарапалась, только лишилась чувств, и Марко Каррера узнает об этом буквально через минуту. Но взгляд, который он не отводил от нее в продолжение этой минуты, был в точности тот же, которым он будет смотреть на нее в больничном морге через семь лет, в семь утра, в больнице городка Чичина: полный отчаяния, жалости, ярости, ужаса, бессилия и нежности. Взгляд, которым — он знал это каким-то таинственным образом — он

должен будет ее окинуть, если правда то, что ему рассказывали, будто в ночь на святого Лаврентия, в Больгери, на том же пляже, где она погибнет, он — ему тогда еще и пяти не было — по совету мамы, маминой подруги, дочерей маминой подруги и самой Ирены — загадал желание, как только увидел падающую голубую звезду, не понимая даже смысла сказанных им в ту минуту слов: «Чтобы Ирена никогда *с собой не покончила*».

Ирена, его миф. Она не подпускала его к себе, как, впрочем, и других членов семейства, отчего уже в восемнадцать стала крестом, который им приходилось нести, не говоря уже о том, что она как будто сеяла вокруг себя всевозможные несчастья — падения, аварии, переломы, ссоры, депрессии, наркотики, сеансы психотерапии, — складывавшиеся в терпеливое и обобщенное сострадание к ней, чувство, которое ее брату Марко — единственному человеку на свете — всегда было чуждо, поэтому он продолжал ее понимать, оправдывать, держать ее сторону и *любить*, несмотря на все ее многочисленные глупости. Если все их классифицировать, то в то туманное утро она совершила глупость номер один.

Через много лет после этой аварии, после множества других ее сумасбродств, включая суицид,

через много лет после смерти его родителей и — страшно сказать — через много лет после смерти, как ни старайся, не выговорить… его дочери… вот, кажется, получилось; через много лет после всего, можно сказать, Марко Каррера, почти старик, почти одинокий, почти уже одной ногой в могиле, подчеркнет следующие слова в романе, который тогда лежал перед ним: «в нем была потерянность и кромешная мгла». Он думал о ней, об Ирене, которая не погибла в тот раз в тумане, как и во многих других случаях, когда могла бы погибнуть, но в конце концов все же погибла молодой — рано, слишком рано, увы.

Было воскресенье, раннее утро. *Господине* на сербо-хорватском означает: «О Господи».

Второе письмо о колибри (2005)

Марко Каррере
ул. Форначчи, 117/b
поселок Вилла Ле Сабине
57022 Кастаньето-Кардуччи (Ливорно)
Италия

Кастеллорицо, 8 августа 2005 г.

Вообрази, что я говорю лето,
напиши на бумаге слово «колибри»,
заклей его в конверт,
отнеси к почтовому ящику, спустившись с косогора.
Когда ты откроешь письмо и прочтешь,
На память придут те дни, и ты поймешь, до чего
Я крепко-крепко тебя люблю.

~~Раймонд Карвер~~[25]
Луиза.

---

[25] Примечания: 25
Раймонд Карвер (1938–1988) — американский поэт и новеллист, один из крупнейших мастеров англоязычной короткой прозы второй половины XX века.

Веревочка, маг, три трещины (1992–1995)

Никому не известно — а должно быть известно всем, — что судьба отношений между людьми решается в самом начале, в момент их зарождения, раз и навсегда, навечно, и чтобы знать заранее, чем они закончатся, достаточно взглянуть, с чего они начинались. Ибо в момент зарождения отношений происходит внезапное озарение, в котором можно даже увидеть их развитие, продолжительность, то, чем они станут и чем закончатся, — все вместе сразу. Это видно как раз потому, что все основное заключается в самом начале, как любая законченная форма, которая намечена уже в ее первом наброске. Но речь идет лишь о мгновении, после которого это озарение исчезает само либо вытесняется нами, и именно поэтому, говоря об истории отношений, люди впоследствии рассказывают о неожиданных поворотах, потерях, радостях или непредвиденной боли. Мы это знали, знали в краткий миг озарения, в самом начале, ну а потом, к сожалению, до конца своих дней забыли. Это похоже на то,

когда просыпаешься среди ночи и, пошатываясь, ищешь путь в туалет, теряешься в темноте, на долю секунды включаешь свет и тут же его гасишь, но эта вспышка показывает нам дорогу до ванной и обратно. В следующий раз повторяется то же самое.

Когда у Адели, дочери Марко Карреры, примерно в три года впервые обнаружилось расстройство восприятия, в его глазах полыхнула эта яркая вспышка, и он увидел все разом, но это было совершенно невыносимо — напоминало почему-то об Ирене, — и он недолго думая вытеснил видение и продолжил жить дальше, словно ничего не было. Возможно, с помощью психоаналитика он мог бы восстановить миг прозрения, но так как вокруг него были лишь люди, которые без психоанализа не могли прожить, они внушили ему непреодолимое отвращение к последователям Фрейда. Так, во всяком случае, он сам говорил. Но психоаналитик наверняка бы изрек, что его отвращение было защитным механизмом вытеснения. Факт же состоит в том, что вытеснение случилось немедленно и было очень глубоким, настолько глубоким, что больше это видение не повторялось, даже после того, как все пошло, как пошло и как должно было пойти, — как на долю

секунды Марко увидел, а потом больше нет, ни разу в жизни — до скончания его дней.

Учитывая возраст девочки, вполне можно сказать, что первое проявление ее психического расстройства совпало с началом ее отношений с отцом, до той поры весьма и весьма неопределенных, и определила это совпадение она сама, приняв, по всей вероятности, первое самостоятельное решение в жизни. Действительно, одним ясным воскресным утром в августе, пока Марко завтракал с ней вдвоем на кухне их дома в Больгери, а мама решила еще поваляться в постели, Адель Каррера сообщила ему, что из ее спины растет веревочка. Несмотря на свой возраст, она объяснила все очень толково: веревочка шла от ее спины, чтобы прикрепиться к ближайшей стенке. По каким-то неясным причинам веревочка была невидимой, и поэтому Адель всегда должна была стоять, прислонившись к стенке, чтобы люди в ней не запутались или не споткнулись. А если ты не можешь прислониться к стене? — спросил у нее Марко. Адель ответила, что в таких случаях ей приходится быть крайне осмотрительной, и если кто-то проходит у нее за спиной и путается в веревке, она должна обойти вокруг него и распутать, и показала Марку, как

это делается. Марко продолжил задавать ей вопросы. А такая веревочка есть у всех или только у нее? Только у нее. А ей не кажется это странным? Да, ей это кажется странным. Ей кажется странным, что только у нее есть веревочка или что у других ее нет? Ей кажется странным, что у других ее нет. А как она поступает дома или в церкви? С мамой, с ним? Но ты, ответила ему девочка, *никогда* не проходишь у меня за спиной. Именно в эту минуту столь неожиданного откровения — он никогда не проходит за спиной своей дочери — у Марко Карреры пробежал мороз по коже, и с этой минуты начались его отношения с дочерью. Именно в этот момент он все увидел, узнал и испугался, а потом сразу же все забыл: то, что видел, то, что узнал, и то, чего испугался.

До конца того лета эта веревочка была их секретом. На самом деле Марко сразу рассказал обо всем Марине, взяв с нее обещание ничего не говорить малышке, поскольку та просила никому не рассказывать. Марина тем августом старалась не ходить за спиной дочурки — ни дома, ни в саду, ни на пляже, — однако без больших успехов, поскольку вспоминала об этом, когда было уже поздно. В этих случаях она наблюдала, как малышка обходит ее спереди в противоположном

направлении, чтобы бережно и аккуратно выпутать ее из трудной ситуации, — и умилялась. Потом наблюдала за непосвященными бабушкой и дедушкой, которые *всегда* проходили за спиной ребенка как будто нарочно, и за малышкой, точно так же обходившей их в обратном направлении с той же тщательностью и аккуратностью, и вновь умилялась. Потом наблюдала за только что установившимися отношениями между дочерью и отцом, восхищаясь его инстинктивным умением не проходить никогда — что правда, то правда, — *никогда* у нее за спиной, и опять умилялась. Марко смотрел, как она умиляется, и умилялся тоже. Для обоих это было лето полного умиления. Обеспокоиться не пришло в голову ни одному.

С сентября девочка должна была пойти в детский сад, Марко воспользовался случаем и убедил ее в необходимости рассказать о веревочке маме. Адель повторила ей на кухне то же самое, о чем пару месяцев назад рассказала ему. Марина опять умилилась. Она тоже задала дочурке пару вопросов, но это были не такие вопросы, которые задавал ей папа, — более практичные и не столь романтичные — и поэтому более трудные для ребенка: когда она заметила у себя веревочку? Из чего веревочка сделана? Могла ли она порваться?

Из путаных объяснений дочери Марко и Марина поняли, что мысль о веревочке за спиной пришла ей в голову, когда они вместе с ней смотрели по телевизору соревнования по фехтованию на Олимпийских играх в Барселоне: Триллини[26], женская команда рапиристок, провод, прикрепленный к спине, передающий на дисплей рефери сигнал об уколах соперниц, потом победа, золотые медали, триумф, маски роботов, из которых вдруг появлялись лица девушек, их улыбки, волосы — все это, как они поняли, произвело сильнейшее впечатление на ребенка. И никакого беспокойства в связи с этим они снова не испытали.

Велели дочке не говорить об этом воспитательницам в детском саду, во всяком случае, если ничего не случится. Ничего и не случилось. Детский сад был маленький, помещался в обычной квартире в проезде Кьярини, вблизи пирамиды Цестия, где можно было сколько угодно простоять у стены, не привлекая к себе внимания. Проблемы Адели были такие же, как и у всех де-

[26] Примечания: 26

Имеется в виду Джованна Триллини — итальянская рапиристка, выигравшая рекордное число золотых олимпийских медалей (четыре) в личном и командном первенстве, девятикратная чемпионка мира. Первую золотую медаль выиграла на Олимпийских играх в Барселоне в 1992 г.

тишек, — расставание с родителями, адаптация, новые привычки. Веревочки никто не заметил. Впрочем, Адель вела себя очень спокойно, когда кто-то проходил у нее за спиной: освобождая этого человека, взрослого или ребенка, она обходила его в обратную сторону так осторожно, что никто ничего не замечал. А дома папа и мама играли с ней в веревочку. Марко перепрыгивал через нее как через скакалку либо запутывался и падал. Марина развешивала на ней свежевыстиранное белье. В течение всего того года — он оказался счастливым — родители ничуть не беспокоились. И в следующем году все шло как по маслу, не считая одного случая, когда детский сад выехал на экскурсию в Маккарезе[27], на сельскохозяйственную ферму, и Адель отказалась выходить из автобуса. Обычно она не испытывала проблем на открытом воздухе, как-то умела справляться со своей веревочкой, но тут заупрямилась, и одной из двух воспитательниц пришлось на время экскурсии остаться с ней в автобусе. Когда Марина приехала забрать дочь и ей сообщили о произошедшем, она сразу же поняла причину того, что воспитательницы называли капризом, но тогда

[27] Примечания: 27

Городок в сельской местности, расположенной в области Лацио, вблизи Фьюмичино.

она очень спешила и не сочла уместным рассказывать им историю про веревочку. В машине она все же спросила у дочери, было ли ее решение не выходить из автобуса связано с веревочкой, и девочка ответила, что да: в том месте было много животных, а с веревочкой и с животными очень опасно. Все это она пояснила крайне спокойно и рассудительно, что свидетельствовало о ее осторожности, и Марина в очередной раз умилилась. Вечером она рассказала об этом Марко, и он тоже умилился. Родители стали играть с ней в веревочку. Причин для беспокойства не было.

Поменяли квартиру, а после летних каникул и детский садик. Он был расположен не близко, а как раз наоборот — за районом Тор-Маранча на улице Тор-Карбоне, между Аппиевой и Ардеатинской дорогами, практически в деревне, но был намного лучше и красивей, воздух чище, размещался в бывшей вилле Анны Маньяни — так, во всяком случае, считала Марина. По мнению Марко, это бессмысленно осложняло их жизнь (вечно нужно было что-то менять, улучшать, расширяться, непрерывно расти), новый детский сад находился у черта на куличках, воздух все равно вонючий, и стоило это гораздо дороже. Возобладало мнение Марины, поскольку

она бралась отвозить девочку в детский садик и привозить обратно *ежедневно*, — и это была первая серьезная трещина в их отношениях, кровоточащая рана на гладкой, ничем еще не поврежденной поверхности их брака, ибо понятно, что возить ее ежедневно Марина как раз и не могла, поэтому Марко приходилось проводить три четверти часа в безумных пробках, чтобы отвезти ребенка в садик или привезти обратно, отсюда разногласия и взаимные упреки: она инкриминировала Марко, что тот не уделяет внимания дому и нисколько ей не помогает, а он — что она не соблюдает условия их договора. В придачу в новом детском саду немедленно вскрылась проблема Адели. Девочка не захотела туда ходить. Когда за ней приезжали, она стояла одна-одинешенька в углу и горько рыдала. Марко интерпретировал это как доказательство того, что он был прав, менять садик было ошибкой, ребенок страдал из-за отрыва от прежней среды, из-за отсутствия знакомых воспитательниц, подружек и так далее, но Марина при нем спросила у девочки, правда ли, что ей так плохо в детском садике из-за веревочки, и дочь ответила «да», но ничего больше не добавила. Не успели они записаться на прием к директрисе, как та сама

вызвала их на беседу. Не дав возможности директрисе объяснить им причину приглашения, они сами рассказали ей о веревочке. Директриса пришла в негодование. Она была возмущена, что от нее скрыли столь серьезную проблему, а когда Марко и Марина попытались ее заверить, что все это лишь какая-то ерунда, тем самым доказав, насколько халатно и безответственно в течение двух лет они относились к серьезной проблеме, она задала им хорошую головомойку. Директриса заявила, что речь идет о болезни, о более чем очевидном расстройстве восприятия галлюцинаторно-бредовой этиологии, которую надо лечить, а не пестовать, как делали они. Она дипломированный специалист в области детской психологии, сказала она, и знает, что говорит. Директриса назвала безголовым родителям имя специалиста, с которым нужно связаться, и как можно быстрее. Так в жизни дочери Марко Карреры впервые появился психотерапевт, доктор Ночетти. Это был своего рода мужчина-ребенок неопределенного возраста, с понурыми старческими плечами и седыми, пепельными, слабыми и редкими волосами, с живыми глазами ребенка и на удивление гладкой кожей. У него на шее висели очки на тесемке, которыми он не пользо-

вался. И хотя было ясно, что перед ними человек с высоким уровнем интеллекта, в его способе рассуждения Марко не улавливал ничего общего с собственным: казалось, будто доктор жил в другом мире, читал исключительно те книги, о которых Марко никогда не слышал, смотрел фильмы, которые Марко никогда не видел, слушал музыку, которую Марко никогда слышал, и наоборот. При таких условиях не представлялось возможным установить с ним какие-либо иные отношения, кроме тех, которые устанавливались сами по себе, и это облегчало дело. Конечно, при полном неприятии психотерапевтов, характерном для Марко, чтобы доверить этому человеку дочурку, Марко пришлось приложить немало усилий. Прежде всего потребовалось поверить директрисе сада, которая направила их сюда, дипломам и аттестатам, развешенным на стене кабинета доктора Ночетти, расположенного на улице Колли-делла-Фарнезина (спрашивается, как туда добраться на машине), и главное, поверить в интуицию Марины, которая сразу же заявила, что совершенно уверена в этом до крайности странном человеке. Но когда Марко приложил усилия и поверил, ситуация упростилась: они стали возить Адель на сеансы в

его кабинет два раза в неделю (Марина почти всегда, Марко почти никогда), и чувство, которое они испытали перед директрисой детского сада — стыд за собственную глупость и безответственность, — стало понемногу исчезать.

Тем не менее в первые месяцы Адель не изменила своего отношения к садику, и поездка туда по утрам была настоящей трагедией; но девочка с большим удовольствием ездила два раза в неделю на сеансы с магом Манфротто — так доктор Ночетти велел называть себя своим маленьким пациентам (вот тоже: что это за имя? Где он его выкопал?); и когда дома с величайшими предосторожностями ее спрашивали, чем они занимаются с магом Манфротто, запершись в кабинете на целые пятьдесят минут, Адель, не задумываясь, отвечала: «Играем». Больше она ничего не добавляла и не уточняла, в какие именно игры они играют. Незадолго до Рождества Марко и Марину попросили зайти в кабинет на улице Колли-делла-Фарнезина — обоих, было подчеркнуто, и без ребенка. Отметая полностью теорию фехтования на Олимпийских играх и не давая объяснений, на чем построено его собственное заключение, доктор Ночетти проинформировал их, что, по его мнению, эта веревочка привязыва-

ла Адель не к стенкам, как она сама говорила, а к папе: она создала особую тесную связь с отцом, вероятно, в силу того, что боялась его лишиться.

Хоть и неожиданно, но эта интерпретация веревочки Адели показалась им обоим довольно здравой, и вместо того, чтобы возразить или попросить объяснить подробнее, Марко и Марина задали доктору одновременно один и тот же вопрос: так что же теперь? А теперь, не моргнув глазом отвечал маг Манфротто, будет гораздо лучше, если Адель будет проводить гораздо больше времени с отцом. По возможности как можно больше. Идеальным было бы, добавил он, если бы ребенок проводил меньше времени с матерью и больше с отцом. По возможности как можно больше, снова повторил он. Еще бы, конечно, возможно, Марко был счастлив, когда оставался с дочерью, но это означало, что они должны были провести революцию в своей семье и в своих отношениях; в самом деле, их семья была устроена по старинке: отец играет меньшую роль в жизни ребенка по сравнению с матерью. И хотя все что угодно можно было сказать по этому поводу, кроме того, что такую модель жизненного уклада Марко позаимствовал у своей семьи, она, надо признать, для него как для мужчины была весьма

удобной: не надо было размениваться по мелочам, он имел больше времени для реализации своих многочисленных интересов, и, наконец, эта модель предусматривает, что посуду всегда моет Марина. Но чего не сделаешь ради дочери? Если надо, расшибешься в лепешку.

Итак, они действительно устроили революцию в своей жизни. Марко смирился и два раза в день проводил по три четверти часа в машине, добираясь до улицы Тор-Карбоне — без стенаний, поскольку речь шла о пользе Адели, — и занимался теми ее делами, которыми до сих пор занималась мать. Он стал проводить больше времени дома, решительно сократил количество своих хобби (фотография, теннис, покер), а также пересмотрел свое рабочее расписание специалиста-офтальмолога, отказавшись от научных симпозиумов и конференций и от нескольких лестных предложений, но, к своему удивлению, не воспринял это как жертву, а напротив, почувствовал, что живет гораздо лучше, чем прежде. В жизни Марины, лишившейся всех этих мелких забот и проблем, наоборот, разверзлась глубокая пропасть, и стоит заметить, что к этой революции она была подготовлена меньше, поскольку впервые в жизни у нее появилась бездна свободного

времени, а свободное время — коварная вещь для таких, как она, людей неустойчивых. И это, безусловно, предопределило вторую трещину в их отношениях, ибо истина, что праздные руки (если слегка переврать народную поговорку) — пособники дьявола, во всяком случае, для этой истории как нельзя справедлива. Но пагубные последствия для их союза проявятся еще не скоро: пока нас интересует то, что случилось с веревочкой Адели, а случилось с ней то, что она исчезла.

Случилось то, что, перейдя от роли родителя, возвращающегося домой около восьми вечера, к роли того, кто постоянно занимается девочкой, то есть того, кто участвует в автомобильных родео, чтобы отвезти ее в сад, к магу Манфротто, к педиатру и так далее, того, кто покупает ей одежду, моет в ванне и готовит еду, Марко понял, что обладает решающим словом в выборе ее занятий. Он решил, например, отдать ее на следующий год в первый класс обычной школы, находящейся по соседству с домом, школы имени Витторино да Фельтре, расположенной на одноименной улице в квартале Монти, и Марина была вынуждена согласиться с его решением, несмотря на то что ей это не нравилось (она выступала за частную школу), точно так же как Марко в свое

время был вынужден согласиться на детский сад в конце Ардеатинской дороги, несмотря на то что сначала возражал жене. Уход за ребенком гарантировал власть — это главное открытие, и, находясь при исполнении своих обязанностей, Марко Каррера окончательно прозрел, когда решил записать ребенка в секцию фехтования. Подумал и сделал это одним январским коротким и мутно-молочным днем: пробное занятие, и вперед, без предварительных обсуждений с женой: записал дочь в секцию фехтования и стал возить два раза в неделю на тренировки, поставив Марину перед свершившимся фактом. Впрочем, что в этом плохого? Даже если бы его мысль оказалась ошибочной, что плохого в том, что девочка немного займется спортом? Но решение оказалось правильным, оно сработало, и веревочка почти сразу исчезла. Правда, детям не давали электрифицированную экипировку, поэтому она не пропала, ведь Адель действительно ее чувствовала, чего Марко больше всего опасался; но маски они надевали, и, начиная с первых занятий, Адель столкнулась с миром масок, гнущихся шпаг, молниеносных ударов и выброса адреналина, из которого, как они поняли в свое время, и произрастала веревочка. Итак,

фехтование, тот вид спорта, о котором Марко понятия не имел, решило проблему веревочки за спиной его дочери, и решило радикальным образом, которым решаются все детские проблемы — если вообще решаются, — то есть как будто их и не бывало. Не говоря никому ни слова, Адель в один прекрасный день перестала обходить людей, когда они проскальзывали за ее спиной. Кончено. Дома девочка перестала о ней говорить. Кончено. Перестала капризничать, не желая идти в детский сад, и в детском саду перестала стоять в уголке и горько плакать. Кончено.

Однако, к большому удивлению Марко, маг Манфротто не вычеркнул ни одной запятой из своей теории веревочки: по его словам, фехтование тут ни при чем, веревочка исчезла, поскольку в ней отпала необходимость благодаря постоянному присутствию отца в жизни девочки. Марина также заявила, вопреки своему недавнему согласию с теорией фехтования Марко, что она разделяет мнение доктора: то, что веревочка исчезла, когда девочка стала посещать спортивный зал, было чистым совпадением. Ладно, в конце концов, вопрос с веревочкой на спине ребенка был решен положительным образом и как раз вовремя, то есть до того, как Адель начала

посещать первый класс начальной школы, где все могло только осложниться; и это, безусловно, было успехом и большим облегчением для всех, но его моральную цену — вопрос заключается в этом — заплатил один только Марко, поскольку дело ушло в архив согласно одной-единственной версии, которая гласила, что веревка появилась потому, что он мало времени проводил с дочкой (то есть все произошло по его вине), и исчезла не потому, что он отвозил малышку в фантастический мир, из которого она возникла (то есть и тут нет никакой его заслуги), а только благодаря интуиции доктора Ночетти. Ладно, подумал Марко Каррера, это неправда, но с этой версией можно согласиться. Ничего не стоит принести себя в жертву. Дело в конечном счете касалось лишь нескольких человек (его жены, доктора Ночетти, директрисы детского сада и его самого), и оставлять спорный вопрос открытым не имело смысла. Поэтому он не стал возражать и отблагодарил мага Манфротто. Ради всеобщего согласия. Ради здоровья ребенка. Ну что вы, какие обиды.

И это привело к появлению третьей трещины.

Несравненные (2008)

Кому: Джакомо — jackcarr62@yahoo.com
Отправлено — Gmail — 12 декабря 2008 г. 23:31
Тема: Несравненные
От: Марко Карреры

В сегодняшнем письме хочу рассказать тебе, дорогой братишка, как я пристроил три макета папиных поездов. Скажу прямо, это было непросто, но все-таки я преуспел. Без проблем удалось пристроить его архитектурные макеты: модель Индийского моста[28], которую подарили ему разработчики после того, как выиграли конкурс, я подарил инженерному факультету, где его установили в актовом зале. Макет виллы Мансутти в Пунта-Але[29] я отнес Титти, жене Альдино, которая жива и в здравом уме. Я ее не

---

[28] Примечания: 28

Имеется в виду мост во Флоренции, возведенный в 1972–1978 гг. через реку Арно вблизи памятника Раджараму Чатрапати — правителю индийского государства маратхов, внезапно скончавшемуся во Флоренции в возрасте 21 года в 1870 г.

[29] Примечания: 29

Знаменитое место элитного отдыха и летних резиденций, расположенное на северных склонах одноименного мыса в Тоскане на Тирренском море.

видел, по-моему, лет тридцать-сорок, и хотя они давным-давно продали свою виллу, она взяла ее макет, растрогалась и даже поблагодарила. Большой макет купола Брунеллески, а не тот маленький, который папа уж не знаю кому подарил, большой купол, ты должен его помнить, поскольку тебе однажды влетело за то, что ты играл в нем в солдатики, я отнес во Флорентийскую коллегию инженеров в качестве подарка, от которого они обалдели. Взамен я попросил у них не присылать мне уведомлений и напоминаний об уплате ежегодных членских взносов. Макет знаменитой незаконной пристройки в Больгери я оставил себе, хотя он не такой уж и красивый. Ну и потом еще кукольный дом над водопадом, который папа сделал для Ирены, точная копия с Райта[30], я оставил в ее комнате, когда продадим дом, решим, что делать. Короче, эти модели ничего не стоило пристроить.

Иначе обстояло дело с папиными поездами. Один состав ты даже не видел, отец его сделал,

---

[30] Примечания: 30

Имеется в виду Фрэнк Ллойд Райт (1867–1959) — выдающийся американский архитектор XX века, создатель «органической архитектуры». В 1935–1939 гг. построил загородный дом для богатого торговца из Питсбурга Э. Кауфмана в живописной местности со скалистым уступом и водопадом, так называемый «Дом над водопадом» — воплощение его романтической идеи единства архитектуры и окружающей среды.

когда ты уже уехал: минималистический, чертовски хитроумный, длиной три с половиной метра, шириной всего шестьдесят сантиметров, тащит одновременно до одиннадцати вагонов, просто какое-то чудо. Хотя секрет его, в сущности, очень простой: он двухъярусный, верхний этаж виден, нижний — нет, поскольку вмонтирован в основание, поэтому вагончики, доехав до конца железнодорожного пути, въезжают в туннель, меняют направление движения и переводом стрелки спускаются вниз, исчезая из вида, а потом выскакивают обратно с другой стороны из того же туннеля, снова поменяв направление пути, наподобие Станлио в той комедии, где он появляется с лестницей на плече, потом шагает одна только лестница, длинная-предлинная, потом опять появляется Станлио, несущий ее на плече с другой стороны. Словом, бесценная вещь, которую жалко выбрасывать. Да и два других, которые ты должен помнить, — огромный поезд шестидесятых годов и тот, который взбирается в гору через ущелье Питеччо-делла-Порретта-на, слишком хороши, чтобы их выкидывать. Но только хочу заметить, что дом с этими монстрами, занимающими целую комнату, мы с тобой вовек не продадим. Я стал думать, кому

их подарить, где найти настоящих ценителей. Вспомнил, что незадолго до того, как отцу стало хуже, он часто говорил о каком-то выдающемся макете, созданном в подземельях Клуба железнодорожников, под Кашинами, где раньше были теннисные корты, представляешь где? Именно в этом месте. Поехал я, значит, туда, где в последний раз был, наверное, еще парнишкой, лет сорок назад. Все, конечно же, очень изменилось. Пришлось потратить кучу времени на то, чтобы найти хоть кого-нибудь, кто бы понимал, о чем я вообще веду разговор. Видишь ли, мастера моделирования какие-то неуловимые, как призраки, они не собираются по установленным дням и часам, а когда их нет, подземелье закрыто, и ни один человек из других членов клуба о них ничего не знает. Я писал им в течение месяца и наконец в субботу утром застал президента ассоциации модельщиков, некоего Беппе, который резался в рамс с другими членами клуба. Стоило мне назвать папино имя, как он бросил карты и повел меня в запертое подземелье, и должен признаться, Джакомо, папа был прав: его макет, стоявший в этом зале, — это что-то невиданное. Специально для меня Беппе привел его в движение, и клянусь тебе, зрелище было умопомрачитель-

ное: это макет железной дороги размерами с комнату, с городскими домами в уменьшенном масштабе, улицами, машинами, людьми и всем чем угодно. Короче, я объяснил ему причину своего визита, и он согласился, что наши макеты не могут быть уничтожены — вот так, прямо с ходу, хотя он ни разу в жизни в глаза их не видел. Он говорил о папе с огромным почтением, это надо заметить, хотя папа наверняка общался и с ним в присущей ему манере крайней сдержанности, едва упоминая его макеты и говоря о них в основном с технической точки зрения, поэтому Беппе понятия не имел, о чем я с ним толкую. Мы договорились, что он приедет посмотреть их как можно быстрее — через месяц, не спрашивай почему. Когда пришел, он опешил, особенно от Порреттаны и от двух других тоже, и сказал, что они забирают все. Под «они» он подразумевал ассоциацию модельщиков, президентом которой он является. Один макет, которого он никогда не видел, пригодится, сказал он, для школы — прикинь, у них даже школа есть, — где молодежь обучается строить макеты поездов. Словом, этот Беппе был вне себя от счастья, вопрос теперь заключался в том, где взять большой фургон для их перевозки. Мы обменялись с ним номера-

ми телефонов, после чего он исчез в буквальном смысле на два месяца. Я несколько раз пробовал до него дозвониться, но телефон был отключен. Я снова сходил в клуб справиться о нем — поди знай, с человеком всякое могло случиться, — но там никто ничего не знал. А тут две недели назад он сам объявился, позвонил и сказал, что нашел подходящий фургон. Мы договорились о дне, и на прошлой неделе он прибыл со своими «ребятами», всем хорошо за пятьдесят. Ты не представляешь, Джакомо, с каким уважением эти «ребята» относились к папе: их было шестеро, включая Беппе, все сняли шляпы (типа «борсалино»[31]*, бывшие одно время в моде, не спрашивай почему), застыв с блестящими глазами перед папиными работами пятидесятилетней давности. Один заверил меня, заикаясь, что для него большая честь оказаться в нашем доме и даже получить в наследство произведения Инженера, как все называли папу: это был вышедший на пенсию бывший владелец магазина, где папа покупал макеты поездов и обсуждал с ним кое-какие технические детали,*

[31] Примечания: 31

Знаменитая модель мужской фетровой шляпы, названной по имени ее изобретателя и производителя Джузеппе Борсалино, основавшего в 1857 г. в городе Алессандрия на севере Италии, в Пьемонте, одноименную мануфактуру, существующую до сих пор.

он признался, что всегда мечтал увидеть папины работы, но настолько робел перед ним, что ни разу не осмелился попросить об этом. Тут я снова констатировал, что папа держал всех на почтительном расстоянии и никто не осмеливался его сократить. Хотя в них пылала общая страсть и они питали огромное уважение друг к другу, они десятки лет жили в параллельных мирах, пересекавшихся лишь в редких случаях. А Флоренция, как ты понимаешь, не Токио. Покончив с церемониями, они принялись за работу: закрепили тисками на каждом макете соответствующие — даже не знаю, как их назвать, — прокладки, что ли, которые должны были их защищать (нечто вроде гнутой фанеры, напоминающей картонки, которые в кондитерских кладут на блюдо со сладостями, чтобы не прилипали), потом обернули их в три слоя пузырчатой пленкой и взвалили на плечи. Один макет не проходил в дверь, так его спустили на тросах через окно. Полчаса на это угрохали. Наконец, растроганные, поблагодарили меня и отбыли, Беппе за водителя, двое рядом с ним, а остальные трое в кузове фургона поддерживали большой макет, выступавший на метр, чтобы он не выпал. В знак уважения к папиной сдержанности в отношениях с этими типами

надеюсь, что больше никогда их не увижу. Чтобы ты понял, что это за тайная секта, послушай: вчера, в воскресенье, захожу в нашу закусочную как обычно за курицей гриль и вижу — один из местных поваров, с которым я знаком целую вечность, самый старый из них, худой как щепка, с гнилыми зубами и будто резиновой рожей, подходит ко мне и шепчет на ухо: «Я знаю, что к тебе приходили ребята». Я не понял, о чем он, и тогда он хитро подмигнул и чуть слышно произнес, словно это было секретом, который другие посетители не должны были даже краем уха услышать: «Говорят, макеты твоего отца — несравненные». Он так и сказал: «несравненные». Понятно, что у нас тут происходит? Нет, ты, наверное, не понял. Но это моя вина, что не смог объяснить. Моя и только моя. Счастливого Рождества.

Марко.

Fatalities[32] (1979)

Ни одного выжившего. Таков был итог «трагедии в Ларнаке», как ее окрестили. Или хуже того, в лингвистическом смысле, «94 fatalities» — название, под которым она была зарегистрирована и встречается в отчетах руководства надзора в области гражданской авиации.

Поскольку самолет вылетал из аэропорта Пизы, большинство этих fatalities были итальянцы, поэтому газеты и телевидение набросились на них всей сворой; но другие роковые события, понимаемые в другом значении этого слова (случайности, совпадения), не замедлили ослабить внимание к «трагедии в Ларнаке», которого она заслуживала. Прежде всего другая авиакатастрофа, произошедшая буквально через пару часов, самая страшная в американской истории (самолет DC-10 компании «Американ Эрлайнз», рухнувший при взлете в аэропорту Чикаго, 271 fatalities), о которой также следовало оповестить, и она мгновенно все перепутала, подтолкнув

---

[32] Примечания: 32

Fatalities (*англ.*) — роковые обстоятельства, последствия. Здесь: жертвы, погибшие.

журналистов — это к вопросу о том, как работают средства массовой информации, — к неудержимой попытке смешать два эти события в единый клубок ужаса, хотя в действительности между ними ничего общего не было, не считая марки самолетов, кстати, разных моделей. Но главное, что тремя днями позже внимание всей страны было приковано к аресту Валерио Моруччи[33] и Адрианы Фаранды из «Красных бригад», двух самых разыскиваемых преступников в Италии. Еще через пять дней состоялись досрочные выборы в Законодательное собрание Италии, а еще через неделю последовали первые европейские выборы. Прощайте и не поминайте лихом. В результате всего этого у журналистов не осталось времени на расследование деталей и сбор свидетельств крушения самолета в Ларнаке, что не позволило им выйти на Марко Карреру и Неназываемого, покинувших самолет на взлетной площадке. Было не до них, попросту говоря. Много внимания уделили «загубленным жизням»,

[33] Примечания: 33

Валерио Моруччи (р. 1949) — террорист из группы «Красные бригады». Один из идеологов и организатор похищения Альдо Моро (16 марта 1978), президента правящей Христианско-демократической партии. Является автором «Меморандума Моруччи», написанного в соавторстве с Адрианой Фарандой (р. 1950), также участницей «Красных бригад». Отбыв тюремное наказание, оба вышли на свободу в 1994 г.

особенно юных бойскаутов, летевших на свой всемирный слет в замке Любляны, но на этом все закончилось; не успели даже как следует рассказать о похоронах погибших по прибытии на родину их тел, о «черном ящике», найденном на дне Киликийского моря, поскольку трагедия в Ларнаке через два дня была вынесена в раздел второстепенных событий, где пространство газетного листа неизбежно сжимается.

Как повернулась бы судьба Марко Карреры, если бы у средств массовой информации было больше времени, чтобы установить, что он выжил в этой трагедии, и превратить его в публичную фигуру? Как бы все сложилось, если бы его обнаружили следователи прокуратуры? Но в действительности того, что ожидал Марко утром, когда в ужасе узнал о катастрофе, — толп журналистов под окнами их дома, вызовов в прокуратуру, — не произошло. И если причины, по которым газетчики устремили свое внимание в другом направлении, нам ясны, то причины, по которым к нему и к Неназываемому так и не заявились следователи прокуратуры и Генеральной дирекции гражданской авиации Министерства транспорта, совершенно неизвестны. По крайней мере до тех пор, пока по черному

ящику не установили причины аварии — речь шла о структурных неполадках, — в те мрачные времена терроризма двое сбегающих с самолета парней за два часа до того, как тот ушел под воду, были следом, который бы стоило рассмотреть. Но ничего такого не произошло. Ровным счетом ничего. Одна из многочисленных итальянских загадок — маленькая, в сравнении с другими, но решающая для будущего обоих парней.

Вышло так, что, оказавшись выброшенными из события, в которое, как они считали, будут вовлечены (ибо они в него были действительно вовлечены), ни один из них никому ничего не рассказывал. И поскольку они молчали в течение двух, трех, четырех, пяти дней, им показалось невозможным спустя столько времени неожиданно заявить, что они сошли с самолета в последнюю минуту. Была вероятность, что им бы просто не поверили.

Однако существовала и другая причина, вынуждавшая их помалкивать и удивляться в те дни, когда они опасались, что станут центром внимания: что будет с Неназываемым, если узнают об инциденте в том самолете? Даже если утаить правду о страшном проклятии, которое он наслал на этих несчастных; даже если просто

сказать, что они покинули самолет из-за легкого недомогания, как после этого Дуччо Киллери сможет подойти к кому-нибудь в этом городе, чтобы тот, увидев его, не бросился наутек с криком «террористы»? Это же станет окончательным подтверждением всех россказней о его дурном глазе, и тот факт, что Марко еще находится на этом свете, станет научным доказательством теории глаза циклона. Поэтому парни не смогли договориться даже между собой: два-три раза, когда они пробовали было начать разговор, их охватывало чувство неловкости и смущение, из-за чего они замолкали. Имплицитное брало верх над эксплицитным.

Хотя, по правде сказать, случай с кем-нибудь поговорить об этом представился Марко, потому что Ирена благодаря своей нечеловеческой, как он считал, интуиции поняла все, что произошло. Скажи только честно: это был самолет, на котором вы собирались лететь? — спросила она нежданно-негаданно через несколько дней, войдя без стука в его комнату, в то время как он, лежа на кровати, слушал Laughing Дэвида Кросби. Как она это сообразила, осталось для Марко еще одной загадкой, поскольку дома он никому не говорил, что собирается в Любляну с посадкой в

Ларнаке играть в азартные игры, напротив, он всем сообщил, что летел в Барселону с туристическими целями. То, что сестра постоянно за ним следила, как за всеми членами семьи, что подслушивала за дверью его телефонные разговоры или даже снимала трубку параллельного аппарата на кухне в то время, как он разговаривал с Дуччо из своей комнаты, и, значит, с самого начала была в курсе, куда и зачем он летит, Марко даже в голову не приходило. Впав в шок, он стал размышлять об особых способностях своей сестры и испугался еще больше. Испугался, а значит, стал отрицать. Ирена настаивала: почему ты не хочешь сказать? Тебе станет легче. Но Марко снова отверг ее предложение, хотя решил, что, если она его еще раз спросит, он выложит все как на духу, но вот только Ирена — тоже фатальность — не стала задавать ему больше вопросов: она развернулась и быстро вышла, точно так же, как вошла, оставив его валяться на кровати, и он был не состоянии встать и перевернуть пластинку на патефоне, поскольку Laughing закончился и иголка безжалостно царапала последнюю канавку долгоиграющей пластинки (If I Could Only

Remember My Name[34]).

Шширр. Шширр. Шширр.

Как сложилась бы его жизнь, если бы он ответил на вопросы Ирены или если бы она задала еще один, последний? И, главное, как сложилась бы жизнь Дуччо Киллери?

В самом деле, потому что возможно, *возможно*, разговор с Иреной об этом безумном случае не позволил бы ему в дальнейшем говорить о нем с кем-либо другим; если бы он признался ей, единственной, умнейшей на свете, в своих сомнениях о существовании мира оккультных сил, к которому имел отношение его друг детства, возможно, это помогло бы ему их развеять. Марко ждал, что на днях сестра вернется к разговору, но напрасно — Ирену это больше не интересовало. Он ждал, что на его след выйдут, что его допросят власти и журналисты, и тогда об этом совпадении станет известно всем, неважно, хочет он того или нет, но никто в связи с этим так и не объявился. Он попробовал отыскать слова, чтобы по крайней мере поговорить со своим другом, но таких слов не существовало, и друг его перестал быть ему другом. Наконец он попробовал сам нести это бремя, но,

---

[34] Примечания: 34

«Если бы я только мог вспомнить свое имя» (*англ.*).

увы, и здесь не преуспел. Перед тем как уехать на каникулы, рассказал обо всем двум старым общим друзьям — подленько и неуклюже, — ребят этих в последнее время он почти не видел, но ради такого дела как бы случайно встретил — хотя, конечно, это была не случайность. После ужина пошел специально в бар на площади Кармине, где, как он знал, они собирались, и выложил им все в каком-то исступленном восторге, как бывший наркоман, решивший вернуться на иглу. Двум старым друзьям, с которыми можно было поговорить лишь об общем прошлом, о старых забавах, о пламенных увлечениях, о давних бравадах Неназываемого… Правильно поступить он не смог, поэтому совершил ошибку. Худшую из возможных.

Что же он натворил?

Ошеломив их и даже больше — приведя их в состояние шока, — он рассказал то, что скрывал уже два месяца, чего никому не говорил; а им рассказывал запросто, словно они из одной компании, словно он был с ними всегда заодно — как будто не он неустанно боролся с их суеверием и цинизмом, превратившими Дуччо Киллери в человека с дурным глазом. Он в точности повторил слова, которые Неназываемый произнес

тогда в самолете («Вы все покойники и хотите моей погибели»); с невероятным состраданием изобразил летальный вздох облегчения ничего не ведавших стюардесс, когда они выпускали их из самолета; нарисовал самого себя как человека, пережившего глубочайшее духовное потрясение — того, кто-получил-божественный-знак. Все это было на него непохоже, и действительно, он вовсе не собирался этого делать или, во всяком случае, не для этого сюда явился, но в тот вечер, разговаривая с двумя старыми друзьями и переваливая на них свою ношу, он удивлял их, как никогда еще никого не удивлял, и преуспел. Тем самым он сдал друга, спасшего ему жизнь, бросил на произвол судьбы, с которой годами боролся и которую всячески отрицал, — судьбы, от которой Дуччо Киллери не отделается с той минуты до конца своих дней.

На следующий день, ощущая себя мерзко и невероятно легко, он уехал на море, где влюбился в Луизу Латтес.

Досадная описка (2009)

ср., 20 мая

Добрый вечер, прощу прощения за беспокойство,
скажите, это по-прежнему номер
доктора Марко Карреры?

20:44

Да, это мой номер. С кем имею честь?

20:44

Приветствую вас, доктор Каррера! Это Карладори, бывший психотерапевт вашей, надеюсь, бывшей жены. Надеюсь, что не беспокою вас спустя столько времени, но если это так, то прошу сказать мне об этом откровенно и считать, что я вам никогда не писал. Но если это не так, я бы вас очень просил указать мне удобное время, когда вам можно позвонить, завтра или послезавтра, или когда вам будет удобно, хотелось бы перекинутся

парой слов

20:45

Можете позвонить мне завтра ок. 9.30, но при одном условии

20:49

Каком?

20:49

Верните мягкий знак в слово «перекинуться»

20:50

Я по-дружески, не обижайтесь

20:50

Прошу прощения. Описка
До завтра. Спасибо

20:54

До завтра

20:54

Как оно было (2010)

— Слушаю вас.

— Здравствуйте, доктор, это звонит Каррадори.

— Здравствуйте.

— Можете сейчас говорить?

— Сейчас могу.

— Я вас действительно не беспокою?

— Нисколько. Как поживаете?

— Неплохо. А вы?

— Я тоже неплохо. Мда…

— Отлично! Я рад и счастлив.

— Скажите мне вот что, доктор Каррадори, вы вчера не обиделись на мое замечание о мягком знаке? Я пошутил, но с этими мессенджерами не разберешься, когда человек шутит и когда говорит серьезно.

— Ну что вы! Мне стало стыдно, это точно, я вообще-то грамотно пишу, а вчера невесть почему вышла ошибка.

— Бывает, ничего страшного. Я поразмышлял над своим замечанием, и оно показалось мне довольно грубым, мы ведь почти не знакомы.

— Не беспокойтесь, я даже не подумал обижать-

ся. Вы же мне сами сказали, что это была шутка.

— Тем лучше. Чем могу быть полезен?

— Ну чтобы не тянуть кота за хвост, расскажите мне лучше, как оно было, если вы, конечно, не против.

— «Оно» что?

— Ваша жизнь. Жизнь вашей семьи все эти годы.

— Ничего себе.

— Да. Хотя, наверное, будет лучше, если я расскажу о себе. Годится?

— Да, конечно.

— Дело в том, что через несколько месяцев после того, как я… короче, после нашей встречи, десять лет назад, я бросил свою профессию. Раз и навсегда. Как ножом отрезал. Строго говоря, это называется выгоранием. Упрощая, могу сказать, что мне не удалось вписаться заново в систему правил, которые я нарушил, явившись тогда к вам на работу.

— Выходит, в этом моя вина.

— Нет, это ваша заслуга. Представляете, я больше не понимаю, как можно быть психоаналитиком. Я был несвободен. Психоанализ — это ловушка.

— Это вы мне говорите? И чем занимаетесь

теперь?

— Неотложной психологической помощью. Работаю в программе ВОЗ, которая обеспечивает психологической помощью страны, пострадавшие в результате природных катастроф.

— Ничего себе! Любопытно.

— За все эти годы я очень мало бывал в Италии.

— Счастливчик!

— Только что вернулся с Гаити, к слову сказать. Через две недели возвращаюсь обратно.

— Жуткое дело — это их землетрясение.

— Мало сказать, самое страшное в современной истории, невозможно даже представить.

— Представляю. Впрочем, нет, конечно…

— Это и есть настоящая работа, доктор Каррера, она действительно приносит пользу. Люди, потерявшие все, старики, дети, оставшиеся совершенно одни, а ведь им надо как-то выжить, несмотря на такой поворот судьбы. Вопрос не только в материальной помощи, им надо помочь понять, как они будут жить. Вероятно, большей пользы, чем эта, я и не мог принести.

— Охотно верю.

— Но признаюсь вам откровенно: все эти годы, несмотря на завалы работы, трудности, лишения

и обиды, потому что во многих случаях от помощи психолога отказываются те, кто больше всего в ней нуждается, — словом, несмотря на бьющую через край жизнь, я очень часто все эти годы думал о вас, клянусь.

— Неужели? С чего бы?

— Ну, во-первых, как я уже говорил, вы непосредственно связаны с причиной, по которой я оставил свою профессию. Короче, не приди я к вам в тот день, не решись нарушить установленные правила, которые до тех пор свято чтил, и жизнь моя осталась бы прежней, без перемен, но Бог свидетель, как я в них нуждался. Но главное, о чем я чаще всего думал, что ничего не знаю о вас, о вашей дочери, о жене… бывшей, верно? Вы в результате развелись? Я даже этого не знаю.

— Да, да, еще как развелись!

— Видите, доктор: вне правил, налагаемых профессией, которую я практиковал, пустота, подобная этой, невыносима. Мне необходимо знать, что случилось с вашей жизнью, поскольку я активно в нее вмешался вместо того, чтобы остаться сторонним наблюдателем, как от меня требовалось. Так что же с вами со всеми сталось?

— Как видите, она меня не убила.

— Ну это уже немало.

— Я ее тоже.

— Прекрасно. Так что же все-таки произошло?

— Эх, легко сказать, что произошло… Всякое произошло, все, что можно было… Выяснилось, что ей все было известно, а я представления не имел, и мы развелись. Лучше поздно, чем никогда. Произошло то, что она вылила на меня ведро помоев, чтобы оправдать измену, и переехала в Германию с тем типом, про которого вы, наверное, знаете больше меня.

— А девочка?

— Девочку, которой сейчас ровно двадцать один год, она увезла с собой. Но это, скажем так, не сработало, и через год моя дочь вернулась в Италию и живет со мной.

— Слава богу. Я всячески старался внушить ей эту мысль, когда она разрабатывала планы, о которых я вам тогда сообщил. Я настаивал, чтобы она оставила вам дочь и устраивала жизнь со своим мужчиной без ребенка. А другой ребенок? Который должен был родиться, когда она прервала со мной сеансы, что с ним?

— Появился на свет в Мюнхене, то есть *появилась*, поскольку это девочка. Грета. Она-то ее и попутала. Не считая Адели, которая тоже внесла свою лепту…

— То есть?

— То есть к ней вернулась веревочка. Помните, в детстве у нее за спиной была веревочка, Марина вам не рассказывала?

— Естественно, рассказывала.

— Потом она пропала с помощью вашего коллеги, перед первым классом начальной школы, а в Германии опять вернулась, и дочь больше не выходила из дома. Поэтому я перевез ее в Италию, к себе.

— И веревочка снова пропала?

— Разумеется. Годами я думал, что это результат ее занятий фехтованием, но оказался прав ваш коллега: с фехтованием это никак не связано, связано только со мной.

— Понятно. А как она сейчас?

— Адель?

— Да.

— Хорошо. Очень даже неплохо.

— А ваша бывшая жена?

— А вот с ней есть проблемы. Она живет в Монако, с отцом второго ребенка рассталась. Не в состоянии больше работать, периодически лежит в больницах. Проходит довольно серьезное лечение.

— Насколько серьезное?

— Честно говоря, не знаю. Но серьезное, судя по всему. С некоторых пор, например, она стала видеться с Адель, но только раз в год, летом, проводила с ней две недели в каком-то санатории в Австрии. Однако вот уже который год как они не видятся вообще.

— Значит, случилось худшее.

— Боюсь, что да. Она стала призраком. Несмотря на все, что она мне сделала, я не держу на нее зла, ибо она сама распалась на части.

— А вы? Как вам удалось в одиночку справиться с девочкой? Вы остались в Риме или переехали?

— Доктор Каррадори, как можно рассказать по телефону, что произошло за десять лет?

— Вы правы. Ответьте мне тогда на один вопрос: вы очень страдали?

— Порядочно. Мало не казалось.

— Справились? По крайней мере с глубокой болью, вы оба, с дочерью? Потому что, боюсь, у вашей бывшей жены она останется навечно.

— Доктор Каррадори…

— Скажите мне только про вас: у вас и у дочери все нормально? Мне только это хотелось бы знать.

— Ну да. Все, в общем, нормально.

— Вы победили.

— Это трудно утверждать, но, в общем-то, да, если я правильно понимаю, что вы имеете в виду: мы выстояли.

— Спасибо, доктор Каррера.

— За что?

— За все, что мне рассказали. Серьезно. И простите за назойливость.

— Какая уж тут назойливость. Рад был вас услышать. Просто по телефону невозможно рассказать про все эти годы.

— Я и не собираюсь вас больше ни о чем расспрашивать. Скажу только, что меня беспокоили главным образом вы и ваша дочь, поскольку по поводу вашей бывшей жены я не строил себе иллюзий. К моему величайшему сожалению.

— М-да.

— Могу я вас спросить еще об одном, доктор Каррера? К нашему разговору это не относится, но не выходит у меня из головы с тех пор, как мы увиделись десять лет назад.

— Ради бога.

— На самом деле это пустяки…

— Валяйте.

— Вас ведь зовут Марко, верно? Марко Каррера. Вы 1959 года, как я. Верно?

— Да.

— Вы из Флоренции.

— Да.

— И в детстве вы играли в теннис?

— Да.

— Участвовали в турнирах?

— Да.

— В Роверетто?[35] Не участвовали никогда в турнире Роверетто, в 1973–1974 годах?

— Еще как участвовал! Это был очень важный турнир.

— Тогда это именно вы. В Роверетто, в 1973-м или 1974 году, точно в каком, не помню. Первый сет. Каррера Марко выигрывает у Карладори Даниеля 6: 0, 6: 1.

— Быть не может…

— Мне всегда думалось, что вы великодушно дали мне выиграть последний гейм, чтобы не было всухую 6: 0, 6: 0. Не помните, правда?

— Сказать по совести, нет.

— Еще бы. Между нами была большая разница. И знаете что еще? Вы меня заставили бросить теннис.

— Да вы что? Неужели?

— Поверьте. После того разгрома в первом сете

---

[35] Примечания: 35

Итальянский город в провинции Тренто, 40 тыс. жителей. Крупный индустриальный, культурный туристический центр.

с одним выигранным по милости противника геймом я понял, что с теннисом мне не сладить. Во всяком случае, на соревнованиях такого уровня. И я перестал суетиться, бросил тренировки, турниры. И это тоже было освобождением.

— Понимаю.

— Похоже, вы тот, кто высвобождает меня из ловушек.

— Я буду этим гордиться. Спортивный теннис — убийственная ловушка, я с ним покончил два года спустя, проиграв 6: 0, 6: 0 в первом сете юношеского турнира. Мой противник не уступил мне ни одного гейма.

— Черт побери!

— И знаете, кто это был?

— Кто?

— Иван Лендл[36].

— Поверить не могу.

— Он был даже на год моложе меня. Сухой, как щепка, у него даже сменной формы не было, только та, в которой он играл против меня. Думаю,

---

[36] Примечания: 36

Чехословацкий, затем американский профессиональный теннисист, легенда тенниса, первая ракетка мира. Восьмикратный чемпион турниров Большого шлема в одиночном разряде. Пятикратный победитель турнира Мастерс. Обладатель Кубка Дэвиса 1980 г. и Кубка наций 1981 г. в составе сборной команды Чехословакии. Первая ракетка мира с 28 февраля 1983 г., сохранял титул в течение 270 недель.

потом амброзианцы[37] подарили ему новый комплект, причем не один. Он выиграл тот турнир.

— Вот так история! Вы не шутите?

— Клянусь.

— Ну тогда она бросает отблеск славы и на мою карьеру теннисиста. Всего лишь одна ступенька отделяет меня от Лендла. Благодарю, что рассказали.

— Не за что, обычная история. Вопрос в том, как узнать, чем все закончится.

— Совершенно верно. Я вас благодарю.

— Стало быть, вы возвращаетесь на Гаити?

— Через две недели. Бывает работа, которую нельзя прерывать более чем на пятнадцать дней.

— Тогда желаю вам успешной работы.

— Взаимно. Благодарю вас еще раз.

— Не за что. Объявитесь, когда вернетесь.

— Если вы попросите, то непременно.

— Я только что это сделал.

— Тогда всенепременно.

— До свидания!

— До встречи!

---

[37] Примечания: 37

Имеются в виду члены миланского спортивного клуба Ambrosiano, где проводится знаменитый теннисный «Турнир будущего».

Тебя там не было (2005)

Луизе Латтес
21, ул. Ла-Перуз
75016 Париж
Франция

Флоренция, 13 апреля 2005 г.

Дорогая Луиза!

Я только что проснулся, мне снился совершенно невероятный сон, и единственное, что я сейчас в состоянии сделать, — это рассказать его.

Мы были совсем молодыми, и все происходило в каком-то месте, напоминающем Больгери, но это было не Больгери, ничуточки на него не похоже, хотя мы все чувствовали себя как дома. Я говорю «мы все», потому что во сне мелькают разные люди, но я остаюсь всегда одиноким, с самого начала и до конца. Это было у моря, но опять-таки самого моря не было: все скорее напоминало пейзаж американской осени: невероятно длинная, спускающаяся вниз дорога, усаженная деревьями в темно-оранжевых листьях, а вся земля покрыта толстым ковром лепестков. Я

спускался по этой дороге, в одиночестве, точнее, бежал по ней, нарядно одетый, в замшевой куртке: справа от меня тянулись сады и виллы, слева — деревья, за ними море — но его не было видно, оно даже не ощущалось, сказать по правде, поэтому, значит, его и не было. В конце дороги, где заканчивался спуск, стоял твой дом, и там собралось много ребят, приглашенных поплавать у вас в бассейне, хотя бассейна тоже не было. Ребята — из тех, с которыми ты дружила, когда мы с тобой сошлись, отпрыски знатных флорентийских семейств, двадцатилетние пижоны, весельчаки, но это были не они. Однозначно я не оказался в числе приглашенных. А вот моего брата Джакомо позвали, и он входил через калитку с полотенцем на плече и смотрел на меня снисходительно. Но главное, Луиза, что там была ты, ты была повсюду, ты сама была это место, ты была всем — дорогой от ее начала и до конца, до тех самых темно-оранжевых деревьев и безумно роскошного ковра из лепестков, по которому все ступали, — и твой голос назначал мне свидание в позднее время, по окончании праздника, на который я не был зван, «без четверти восемь»; и все же, Луиза, тебя, как и Больгери, и бассейна, и моря не было. Я был раздвоен, разделен на две ча-

сти: с одной стороны, огорчен из-за отсутствия приглашения на праздник в бассейне, с другой — испытал облегчение, узнав, что никакого бассейна не было и, по всей вероятности, праздника тоже; с одной стороны, я поклонялся тебе, ибо ты была повсюду и делала это место сказочным, с другой — я огорчался, что тебя там не было; с одной стороны, абсурдная надежда получить у тебя то, что мне причиталось на свидании «без четверти восемь», с другой — сожаление, охватившее меня, когда я смотрел, как Джакомо и другие парни входят в твой сад, в который меня не пускают. Твой голос, Луиза, скреплял все между собой, включая меня и мою жизнь, он был как закадровый голос, который описывал всю ту красоту, в которой тебя, увы, не было. Не было. Не было.

Я резко проснулся, вскочил как ошпаренный ровно пять минут назад и сразу же бросился писать, потому что у меня нет другого способа рассказать тебе, как я поживаю. Я до сих пор раздвоен, Луиза, хотя уже не сплю, но все еще разделен на части: с одной стороны, я счастлив, что есть место, где ты получишь это письмо, с другой — глубоко несчастен, что это место не там, где я просыпаюсь, где пишу, где живу и где буду жить.

Целую.

Марко.

Разве что только (1988–1999)

Как можно рассказать о вспышке огромной любви, зная, что она закончилась в клоаке? И как написать портрет одного из двоих, того, которого оставляют с носом, — ибо все всегда начинается с обмана, — чтобы он не выглядел по-дурацки? Тем не менее придется рассказать о том, как Марко и Марина познакомились, влюбились друг в друга, стали жить вместе, поженились, — правда, желательно не увлекаться этой историей, поскольку с какого-то момента она становится другой. Вот как все было на самом деле. Вот как все — решительно все, за исключением одного, точнее, *одной* — считали, как все это было.

Все началось с участия бывшей бортпроводницы обанкротившейся югославской авиакомпании «Копер Авиопромет» в передаче центрального телевидения «Утро на Первом канале» весной 1988 года, в ходе которой молодая женщина Марина Молитор (словенка с итальянским гражданством, к тому времени перешедшая в «Люфтганзу» в отдел наземного обслуживания пассажиров в аэропорту Леонардо да Винчи в

Риме) рассказала трогательную историю. Это она, а не ее коллега Тина Доленц, должна была оказаться на борту самолета «DC-9-30», упавшего в море девятью годами ранее при чудовищной трагедии в Ларнаке, но в последнюю минуту Тина ее заменила, чтобы Марина, согласившаяся стать донором, смогла в тот день пойти на трансплантацию костного мозга своей старшей сестре, больной лейкемией, в римской больнице «Форланини». Этот акт великодушия (шуточное ли дело — пожертвовать собственным костным мозгом для трансплантации, особенно в те годы), предпринятый для спасения сестры, позволил уцелеть ей самой в первую очередь и стоил не одной, а сразу двух жизней: жизни вышеназванной коллеги и той сестры Марины, все равно умершей спустя несколько месяцев из-за отторжения организмом донорского материала, отчего сама трансплантация оказалась совершенно напрасной. Молодая женщина плакала, рассказывая свою историю перед камерами. Разве что только…

Случаю было угодно, чтобы у Марко Карреры, непримиримого ненавистника телевизора, в то утро поднялась температура, тридцать восемь с половиной, и вместо того, чтобы, как каждое утро,

пойти на службу в офтальмологическую больницу на площади Героев, куда он попал, выиграв конкурс сразу после завершения специализации, он рухнул на диван в своей двухкомнатной квартире на площади Джованни Лоренцо Бернини в квартале Сан-Саба, накачанный антибиотиками, и подремывал перед телевизором. Опять же, случаю было угодно, чтобы его почти всегда выключенный телевизор оказался настроен в тот день на Первый канал. И опять же, случай распорядился так, чтобы Марко Каррера вышел из сонной оторопи именно в тот момент, когда Марина Молитор рассказывала свою историю. Ну, в общем, ни один человек никогда не становился необходим другому быстрее, чем в нашем случае. Два других убийственных совпадения (оба потеряли старшую сестру, оба избежали злополучной воздушной аварии) привели к тому, что Марко Каррера немедленно влюбился в заплаканную молодую женщину (волнующая красота которой тоже сыграла в этом деле свою роль, можно не сомневаться).

На следующий день, наглотавшись парацетамола, он с легкостью нашел ее в аэропорту, за билетной стойкой «Люфтганзы», где, по ее словам, она работала (не имея в виду конкретную

работу, которую выполняла и о которой на телевидении соврала), чтобы сыграть с ней партию в покер, раз уж судьбе так было угодно. Результат: они оба испытали сильнейшее потрясение, хотя и прежде жизнь их серьезно испытывала. Были и другие волшебные совпадения, открытые ими друг в друге в течение второй половины дня, и, конечно, присутствовало неудержимое физическое влечение; с той минуты они забыли про время, стали жить вместе, зачали дочку, потом ее родили, поженились, все как-то одновременно, в течение двенадцати месяцев. Разве что только…

Квартирка на площади Бернини, их любовное гнездышко, потом квартира на площади Николозо-да-Рекко с террасой и видом на Рим, их дальнейшее сближение, их сообщничество, все более тесная близость, зимние воскресенья, проведенные в постели, в играх с ребенком, а когда ребенок засыпал, они занимались любовью, проводили весенние воскресенья в поездках в Кастелли, на озеро Браччано, во Фриджене, в Бомарцо или просто устраивали пикники в парках виллы Дориа-Памфили, Виллы Ада и Виллы Боргезе и даже совершали короткие поездки в Европу по льготным ценам, на которые Марина имела право, — в Прагу, Вену, Берлин.

Их довольно скромная жизнь, с двумя зарплатами, позволявшими им небольшие роскошества, например, няню или уборщицу и повариху в лице жены привратника, Рождество во Флоренции, на развалинах семьи Марко, которую тот напрасно пытался расшевелить своим счастьем, даже если это было не так, недели в Каподистрии[38], у матери Марины, вдовы полицейского, обожествлявшей Марко как спасителя, героя, дар небес, и это должно было его насторожить, но не насторожило. Девочка, которая подрастала и становилась похожа на обоих, от Марины взяла цвет и разрез глаз, от Марко — мягкие кудри и форму носа, потом она начала говорить, следом за этим ходить, потом у нее появилась веревочка, растущая из спины, — возникли первые проблемы, которые они решали достойно, сохраняя твердость духа, веру в будущее и готовность пожертвовать собой в любую минуту, лишь бы их союз окреп и закалился, поскольку наша сила в единстве, вместе мы решаем любые проблемы, а посему для укрепления брачного союза нет ничего лучше, чем куча проблем.

---

[38] Примечания: 38

Итальянское название словенского города Ко́пер, расположенного на юго-западе Словении, на полуострове Истрия, на побережье залива Копер Адриатического моря.

Разве что только…

Разве что только все это было неправильно, с самого начала, одно сплошное вранье. Так часто бывает, когда образуются пары, а затем формируются семьи, — разве что только в данном случае вранья было слишком много, и оно было патологическим, и крушение было неизбежным. Ни один из двоих не был невинен, это следует заметить. И как раз веревочка, выросшая из спины ребенка, и путь, проделанный ими под руководством доктора Ночетти с целью ее ликвидации, разрушили защищавший их кокон, в котором они до тех пор жили. Перемена ролей в семье, которая хоть и помогла исцелению ребенка — отец занимается дочерью, мать — собой, — породила трещины, обрушившие здание. Но даже если бы не она стала причиной, нашлась бы наверняка какая-нибудь другая, ибо этот союз был лишен основания, и там, где Марко виделась иллюзия будущего, никакого будущего не было.

Ни один из двоих не был невинен. Во всяком случае, не Марко, который в своем стремлении к счастью годами недооценивал, что происходило у него перед глазами, не замечал ни одного сигнала, причем систематически. И речь не только о том, что он не видел крушения, к кото-

рому мчался на всех парах: его ответственность простиралась до вздорного убеждения, что некоторые его поступки, особенно разрушительные, начавшиеся с телефонного звонка, который он точно не должен был делать, человеку, которого он не должен был видеть, — не повлекут за собой последствий. А они повлекли, да еще сколько. Однажды на конференции в Париже Марко Каррера подумал о Луизе. Не то чтобы в эти годы он не думал о ней, еще как думал, практически каждый день, но речь шла о неопределенных и смиренных мыслях о том, что могло бы быть и чего не было, о мыслях, измотанных расстоянием и слабеющих еще больше каждым летом в Больгери, в августе, когда Луиза возникала перед ним на пляже с мужем и двумя детьми — сначала с одним, потом с обоими — далекая, удалявшаяся с каждым годом от того существа, которое Марко обожал в самый трагический период своей жизни. Но тогда, во второй половине дня, когда небо было высоким, он подумал о ней как о чем-то близком, о чем-то возможном и позвонил ей из своего отеля «Лютеция», воспользовавшись перерывом в заседании конференции. Он прибег к своим романтическим заклинаниям, которые никогда не срабатывали: если номер изменился,

или если она мне не ответит, или если ответит, но не захочет встретиться, я никогда в жизни больше ей не позвоню. Не сработало, потому что номер был прежний, Луиза ответила со второго гудка, а через полчаса уже входила в бар отеля «Лютеция», где он предложил ей встретиться, — радостная, целомудренная, словно возникла из далекого прошлого. Марко не видел ее с августа прошлого года, хотя не разговаривал с ней с тех пор, как они прекратили переписываться, еще до появления Марины, когда его столкновение с властями Итальянской республики в попытке встретиться с ней в Париже (провалившейся, так как Марко приняли тогда за беглого террориста-однофамильца, члена группировки «Вооруженные пролетарии за коммунизм», высадили из «Палатинского экспресса» в час ночи на итало-французской границе, посадили в каземат финансовой полиции Бардонеккьи[39], в специальном фургоне перевезли в Рим под охраной четырех вооруженных карабинеров, посадили в тюрьму «Реджина Чели», допрашивали, невзирая на отсутствие адвоката, двое заместителей

[39] Примечания: 39

Бардоне́ккъя — небольшой город в 90 км от Турина, в Пьемонте, в котором берет начало с итальянской стороны альпийский железнодорожный туннель «Фрежюс» (1832), связывающий Италию и Францию.

прокурора, казавшиеся двумя мышатами из истории дзен, — один высокий, второй маленький, один с Севера, второй с Юга, один старый, второй молодой, один светлый, второй темный, — и напоследок изгнали пинком под зад, даже без извинений), когда то столкновение на границе, как говорилось, убедило обоих, что судьба будет против любой их попытки сближения, их общение прекратилось. Хотя верно, что, если любовная история не заканчивается или, как в данном случае, даже не начинается, она будет преследовать героев всю жизнь пустотой несказанных слов, несовершенных поступков, нецелованных губ. Это верно всегда, а в данном случае верно вдвойне, ибо после того полудня, после той прогулки по улице д'Ассас и той невинной беседы Марко и Луиза возобновили общение, а это в их случае означало возобновление переписки; они писали друг другу часто, страстно, как в девятнадцатом веке, как до этого десятью годами раньше, а потом перестали. И это совершенно невозможно счесть чем-то невинным, поскольку они оба были женаты, у обоих подрастали дети, и оба они должны были лгать. И нисколько не важно, что вспышка страсти, разгоревшаяся в той второй половине дня, остановилась за шаг

до ее удовлетворения, которое бы радикально изменило их жизнь: то был лишь акт мазохизма. Нет, невинности при их встречах, если она и была когда-нибудь, больше не существовало. Они стали видеться в течение года, поскольку Марко постарался участвовать только в тех конференциях, которые проводились в радиусе не более четырехсот километров от Парижа (Брюгге, Сент-Этьен, Лион, Левен), куда Луиза легко могла добраться. Как ей это удавалось, что она говорила мужу, останется вечной загадкой; сперва они останавливались в двух разных отелях, потом стали брать два номера в одном, пока роковым образом не провели ночь вместе в одном, в Лионе, 28 июня 1998 года: в то время как на местном стадионе «Жерлан» французская сборная побеждала Данию и выигрывала финальный матч мирового чемпионата, они, запершись в номере 554 отеля «Коллеж» на площади Сен-Поль, дом номер 5, сидя на кровати, поедали многослойные сэндвичи и смотрели на канале «Арт» старый фильм Жана Ренуара; по окончании фильма, пока французы гоняли как сумасшедшие на машинах под их окнами, отмечая победу, они скрепляли свою невозможную любовь величайшим мазохистским актом, *обетом невинности*, совершенным

с нездоровым вдохновением, пока оба слушали на кассетнике Луизы, в наушниках по одному на каждого, душераздирающую версию Sacrifice[40] в исполнении Шинейд О'Коннор — *and it's no sacrifice / just a simple word / it's two hearts living / in two separate worlds*[41], — пребывая в иллюзии, что, жертвуя собой, они ничего дурного не делают, никого не обманывают и ничего не разрушают. Они никогда не занимались сексом и дали друг другу слово, что никогда заниматься им не будут. Они лишь целовались всю ночь — в *ту* ночь — семнадцать лет назад, в то время как Ирена тонула в море, рядом с Мулинелли, — и поклялись, что никогда этого делать больше не будут. Тридцать девять лет ему, тридцать два — ей, они способны спать в одной постели и не заниматься тем, чем им больше всего хотелось, годами не целоваться, не обниматься и даже не прикасаться друг к другу. Два полных придурка. Но если Луиза осознавала, что ее брак обречен и все, что бы она ни предпринимала для его распада, пусть бы даже вернувшись к прежней страсти

---

[40] Примечания: 40

Sacrifice — жертва (*англ.*).

[41] Примечания: 41

И это не жертва, это только слово, это два сердца, живущие в двух разных мирах (*англ.*).

к Марко и подпитывая ее детской риторикой о воздержании, устремляло ее к новой жизни, то Марко искренне верил, что можно сохранить в неприкосновенности две свои большие любви, он искренне думал, что они совместимы. Он действительно думал, что если не будет спать с Луизой, то его супружеским отношениям с Мариной ничего не грозит, и это было его глубочайшей ошибкой, наивностью столь колоссальной, что стало виной. И полагать, что такая грандиозная история не оставит никаких следов — припрятанных писем, которые только того и хотели, чтобы их нашли, счетов по кредитным карточкам, которые только и ждали, что их проверят, а в дальнейшем имейлов, скрытых в папке «Медколлегия», эсэмэсок, не всегда стертых, всплывавших как трупы при случайном прикосновении пальца к какой-нибудь иконке, — и полагать, что такая масса документов останется не замеченной такой женщиной, как Марина Молитор, безусловно, было с его стороны невероятным просчетом. Но Марко Каррера его совершил, и все продолжалось до финального крушения, хотя он был твердо убежден, что единственной опасностью, угрожавшей будущему его семьи, была его страсть к Луизе Латтес, но он держит ее под контролем.

Если верно, что никто не заслуживает постигшей его участи, то верно также и то, что он почти что ее заслужил.

О Марине рассказывать намного легче. Достаточно поставить частицу «не» перед всем, что она говорила и рассказывала о себе по телевизору, и дело сделано: ее *не* заменяла никакая коллега на борту самолета, потерпевшего аварию, — в тот день у Марины попросту был выходной; она *не* отдавала свой костный мозг сестре для трансплантации, поскольку они были несовместимы; она *не* влюбилась в Марко Карреру, она стала жертвой своих же выдумок; она отнюдь *не* была счастлива, когда забеременела, — она лишь гордилась тем, что подарит любимой матери внучку; она *не* была счастлива с Марко, ни разу за все эти годы, напротив, в ней копилась глухая и скрытая неприязнь к нему; она никогда *не* была ему верна, еще до роковой ее связи; ну и так далее. Попросту она была не той, кем пыталась казаться, ежедневно борясь с собой. Каждое утро Марина вставала с постели и начинала бороться. Каждый день. С самой собой, со своими пристрастиями. Каждый божий день. Годами. Кокон, даривший ее мужу иллюзию счастья, ей самой обеспечивал защиту от монстра, который стремился ее со-

жрать. Время от времени названия этого монстра и кокона изменялись в зависимости от профиля психоаналитика, который в данный момент ее лечил. Если воспользоваться терминологией ее последнего итальянского психотерапевта, доктора Каррадори, кокон будет называться *дискурсом*, а монстр — тем, что находится *вне дискурса*. В общем, эти ребята, дискурс и вне дискурса, давно уже ею управляли, когда еще девочкой она порой заявляла своей учительнице, или матери своей подруги, или преподавателю катехизиса, что ее мать и сестра умерли и она осталась в мире одна-одинешенька. Траур был ее дискурсом. Депрессия, мазохизм, агрессивность и зависимость (от наркотиков и секса) были тем, что выходило за его рамки. Поэтому после бурной юности, которая не помешала Марине завоевать титул «Мисс Каподистрия-1977» и годом позже стать самой молодой стюардессой небольшой местной авиакомпании, — единственный спокойный период в ее жизни был связан с реальной смертью старшей сестры, действительно болевшей лейкемией и действительно скончавшейся от этого недуга. За этой трагедией последовали годы настоящего траура, а поскольку траур для Марины был дискурсом, то это были самые счастливые

годы в ее жизни. Дни траура — самые счастливые, вдумаемся в эти слова. Но траур хочешь не хочешь остается позади, как ни старайся его продлить, и через пару лет монстр снова объявился и стал снова ее терзать. Снова наркотики. Снова секс. Увольнение с работы за прогулы — из «Люфтганзы», куда она тем временем перешла. Нужно было что-то делать. Случайное знакомство с журналисткой телепрограммы «Утро на Первом канале» предоставило удачный шанс: история, которую Марина должна была повторить перед телекамерой, была волнующей и правдоподобной; двойной траур, о котором она вещала с телеэкрана, стал ее новым дискурсом. Марина хотела только одного — траура, в котором она могла бы укрыться, — а вместо этого появление на экране катапультировало ее в новый дискурс, на этот раз более солидный, более проработанный и даже по-своему удивительный, о котором она раньше и не помышляла, — замужество. Поскольку, как уже было сказано, никто не невинен, следует уточнить, что мать Марины была в курсе ее отклонений, но как всякая уважающая себя представительница мелкой словенской буржуазии, она считала избавлением от всех болезней выдать дочку за медика и

поэтому ничего не сказала Марко Каррере. Ей даже в голову не пришло это сделать. Она просто увидела спасение в этом человеке и была готова на него молиться. То, что мать молится на Марко, придавало Марине храбрости вставать каждое утро и начинать бороться, чтобы осчастливить ее. Разве что только…

Разве что только ее матери однажды не стало — умерла раньше срока, всего в шестьдесят шесть лет от рака печени. Прекрасно, хотелось бы сказать: новый траур для Марины, настоящий, реальный, благодаря которому можно было бы продержаться долго, если не всю жизнь. Но этого не произошло: тяжелая потеря, смерть единственного человека, которого Марина Молитор когда-либо любила, подкосила ее. Никакого траура, одно озлобление. Все жертвы, принесенные ею ради счастья матери, казались отныне напрасными, загубленными трусливым материнским бегством. Как она позволила себе умереть? И как теперь Марина могла следовать ее советам, если дискурс, в пределах которого она была вынуждена каждый день оставаться, — этот злосчастный брак, который она на себе тянула, чтобы все были счастливы, — напоминал ей ни много ни мало материнский приказ?

Марина была ослепительно красива и окружена толпами воздыхателей, в основном на работе, в школьном дворе, когда забирала Адель, пока еще занималась ею, или в тренажерном зале, куда она стала ходить, когда из-за веревочки дочерью стал заниматься Марко. Какой теперь имело смысл оставаться *добродетельной*, когда мать лежала в земле и кормила червей? Марина стала трахаться с кем ни попадя. Можно не сомневаться, что потрахаться — по-быстрому, в какой-нибудь пустой нотариальной конторе или в гостиничном номере, или же (в дискурсе она была гетеросексуальна, но за его пределами — бисекс) достичь фантастических оргазмов в обеденный перерыв со своей косметологиней по имени Бьяджа, прелестной малышкой, сплошь в татуировках, узницей улицы Мандрионе[42] — приносило Марине настоящее ощущение жизни, по ее понятиям, чувство риска, распада, помимо всех ее распроклятых коконов; но то, что она мать, ее сдерживало, порой ее передергивало от мысли, что своими сексуальными утехами она оскверняет поцелуи в лобик дочери, привязанной

[42] Примечания: 42

Имеется в виду многокилометровая улица в римском районе, воспетом Пьером Паоло Пазолини, здесь до сих пор в лачугах ютятся люмпены времен «экономического бума» и внутренней миграции.

к веревочке, как марионетка. Поэтому она приложила усилия к тому, чтобы сменить дискурс, чтобы вернуться в надежное укрытие, чтобы держать себя под контролем. Постоянная связь. Да, ей нужна постоянная связь с каким-нибудь поклонником чином повыше, как подсказала бы ей покойная мать, загорелым и с легкой проседью, капитаном «Люфтганзы», налетавшим 25 000 часов, с женой и двумя дочерьми подросткового возраста, живущими в баварском Мюнхене, и владеющим еще одним домом в Риме и другим в Австрийских Альпах, и, кроме того, обладающим заразительной страстью к бандажу в эротических играх. Они виделись раз, максимум два раза в неделю согласно расписанию его полетов средней дальности, как правило, в Риме, во второй половине дня, в его доме на улице Боскетто — и они развлекались, о да, развлекались по полной. Марина с полнейшим бесстыдством рассказывала обо всем доктору Каррадори, который в силу ее откровенности счел, что сумеет уберечь ее от угрожавших ей тяжелых последствий. Порой он устраивал ей грандиозную головомойку, иногда поражал ее, слушая молча сальные подробности ее похождений, но то, что он ей верил — это точно: он был убежден, что установлен бесценный

канал доверия с этой женщиной, разговаривавшей на созданном ею самой языке притворства и лжи, и что этот канал представляет собой единственный настоящий дискурс, в который Марину можно направить с надеждой, что она навсегда останется в нем. Впрочем, эта жалкая ситуация казалась устойчивой: год, два года, два с половиной года. Разве что только…

Разве что только Марко Каррера ничего этого не видел, не замечал, не подозревал, позволял себя обманывать, и раздумывая над причиной, почему он так поступает, такая женщина, как Марина, без особого труда дала ответ на вопрос. Она стала искать и с легкостью обнаружила письма: этот придурок их прятал в коробке, где лежала урна с прахом Ирены (который ему удалось раздобыть в морге на флорентийском кладбище Треспиано, где всем известный служащий по имени Аделено за пятьдесят тысяч лир готов был нарушить закон, вскрыть запечатанную урну, поступившую из печи крематория, и незаконно разделить прах покойного между родственниками, которые к нему обращались). То есть ни одного прокола, попадание в точку с первого раза, а в дальнейшем новые доказательства: электронная почта, платежи по кредитным кар-

точкам, счета из гостиниц — короче, масса всего. Так вот почему Марко ничего не замечал: этот подонок занимался любовью со своей шлюхой у Марины под носом. Годами, черт побери. Годами. Они пользовались почтой «До востребования», как в девятнадцатом веке. Летом в Больгери вели себя тише воды ниже травы, едва разговаривали, чтобы не бросаться в глаза, но в течение года встречались еще сколько, будь здоров. Думали друг о друге, мечтали друг о друге, цитировали стихи и песни, ворковали как голубки — они любили друг друга практически с восемнадцати лет, думая, что все обойдется, потому что не занимались сексом. Сучонок. Сучка. Ублюдки. А она, Марина, чувствовала за собой вину…

Идем дальше. Даже как-то неловко сравнивать то, что Марина скрывала от Марко, с тем, что он скрывал от нее: это даже не история человека с карабином против вооруженного револьвером — здесь речь идет о праще против бомбы. И тем не менее открытие его измены — неважно, что эти двое придурков и не думали трахаться, все равно это была измена, в письмах с их любовной блевотиной, — наполнило Марину такой яростью, какой она еще никогда не испытывала, и сделало ее крайне опасной. Она вновь была выброшена из

своего дискурса, и сеть, раскинутая доктором Карадори, не смогла ее удержать: мазохизм слился с агрессивностью, разум с безумием, порядочность с низостью, и Марина сделала то, что она сделала, а то, что она сделала, было менее страшно, чем то, что чудом не получилось. Она была по природе дикая, эта Марина, дикая и необузданная: окончательный выход из какого-либо дискурса означал для нее возвращение домой после прожитой в изгнании жизни, и ударная волна, поднятая этим возвращением, не пощадила никого, кто находился в радиусе ее боли. Потому что одно не вызывает сомнений: Марина страдала. Она жутко страдала из-за смерти матери, страдала, узнав об измене Марко. Страдала из-за того, что сделала вслед за этим, страдала еще больше из-за того, что задуманное вышло не так, как ей бы хотелось, и, наконец, по окончании всего страдала в неописуемом страхе и без какой-либо надежды выхода, когда очутилась одна в центре кратера, образованного вулканом ее бешенства.

Разве что только Марко поймет это спустя долгие годы, когда ему станет все ясно, но будет уже ни к чему. Он поймет, что виноват был он. Она лишь выдумала траур, он же свалился ей на голову и одурманил сказочной выдумкой, будто они

созданы друг для друга. Они не были созданы друг для друга. Никто не создан ни для кого, сказать по правде, а такие люди, как Марина Молитор, не созданы даже для себя. Она просто искала укрытия, дискурса, чтобы протянуть какое-то время; он искал счастья — ни больше ни меньше. Она ему вечно врала, это верно и крайне нехорошо, ибо вранье — раковая опухоль, пускающая метастазы той же субстанции, что и органы, которые они пожирают, но он поступил еще хуже: он ей поверил.

Прежде остановись (2001)

Луизе Латтес
21, ул. Ла-Перуз
75016 Париж
Франция

Флоренция, 7 сентября 2001 г.

Луиза!

Скажи на милость, ты передумала потому, что Сорбонна предложила тебе контракт, или потому, что я несгибаемый абсолютист? Какими словами я должен тебе напомнить: «я тебя люблю, но делать этого не умею» или «каждый мужчина должен стремиться к тому, чтобы желание женщины совпадало с его собственным»? Не знаю, заметила ли ты, но ты меня бросила, если допустить, что мы живем вместе, и бросила, использовав два языка, две причины, двойную силу удара. Ты бросала меня практически дважды, и, по-моему, это уже слишком.

Почему бы нам не сказать, что после этого дикого г., когда мы с тобой были вместе, поправ все запреты, которые сами же и установили, и

стремительно мчались к поставленной цели, центром которой были мы оба, Луиза, ты и я, вместе, ты и я, СЧАСТЛИВЫЕ вместе, но когда подошло время возвращаться, так сказать, в клетку, мы с тобой потерялись? Мы с тобой потерялись из-за возникших бытовых вопросов, с которыми в течение последних двадцати лет ни разу не сталкивались? Мы преуспели в том, чтобы не быть вместе, когда же наконец представилась возможность соединиться, мы ее упустили. Почему бы так не сказать?

Я: я был в отчаянии весь прошлый год, как случайно выживший в катастрофе, блуждал по Европе, как Вечный жид, чтобы провести уик-энд с дочерью: Рим, Флоренция, Мюнхен, Париж, где именно — не имело значения, потому что мне нечего было терять. Мной двигала простая и чистая сила отчаяния, огромная и дикая сила, как ты могла заметить, ибо вся она была направлена на тебя.

Ты: ты была в клетке и не могла из нее выйти. У тебя получалось только лгать, самой себе, своему мужу, своим детям, и ложь держала тебя взаперти. Но ты спасла мне жизнь в тот год — те понедельники, которые мы проводили вместе в Париже, тот август в Больгери буквально

спасли мне жизнь, и одновременно с тем, когда ты меня спасала, ты перестала лгать, бросила мужа, сделала все, на что не решалась всю жизнь. Ты вышла из клетки.

Я никогда не испытывал большего счастья, чем когда был с тобой, находясь в полном отчаянии; если бы ты мне тогда сказала то, что сказала вчера, я бы, клянусь, прямиком направился к Мулинелли вслед за Иреной. Но сказать мне все это тогда у тебя даже в мыслях не было, ты говорила мне самые прекрасные слова, которые я когда-либо слышал, и ты прекрасно понимала, что никто тебя не любил и никогда не полюбит, как я в то невыносимо отчаянное и восхитительное время. Кончено. Почему бы так не сказать?

Я тебя по-прежнему люблю, Луиза, я всегда тебя любил, и у меня буквально сжимается сердце при мысли, что я тебя вновь потеряю, но я понимаю, что случилось, понимаю, что происходит, понимаю и не могу оспорить. Разве что только принять твое решение: со мной теперь снова моя дочь, поэтому я обязан соглашаться с любым решением. Но все же прошу тебя, давай на этом остановимся. Не говори мне, будто причина, по которой ты меня бросаешь, во мне, как ты вчера попыталась сделать, обратив меня в бегство;

даже если это так, умоляю тебя, Луиза, не будь столь искренней, прежде остановись. Не разрушай все, что у нас есть, Луиза, только потому, что больше не желаешь разделять со мной свою жизнь. Мы говорили об этом в те счастливые часы, когда оба были совершенно несчастны, но ты мне никогда ничего не обещала, поэтому не вини себя. Сейчас ты свободна и можешь войти в любые двери, уйти или остаться, менять решения как тебе вздумается, но ничего не разрушать. Достаточно контракта, который тебе предложили; достаточно твоих детей, которым во Флоренции было бы скучно; достаточно того, что я не могу перебраться в Париж. Прошу тебя, не добивай меня окончательно.

Слова, которые ты мне шептала еще несколько месяцев назад, — самое прекрасное, что мне выпало в жизни. Оставь мне их, пожалуйста.

Вспомни, Луиза, что ты добрая по натуре. Остановись, прежде чем станешь плохой.

Твой

Марко.

О росте и форме (1973–1974)

Как-то раз вечером в доме на площади Савонаролы Марко, Ирена и Джакомо Каррера услышали, как их родители ссорились. Такого еще не было, чтобы они ссорились открыто, обычно они это делали тайно, шепотом, чтобы дети не слышали, но в результате их слышала Ирена, поскольку она за ними шпионила. Марко и Джакомо впервые стали тому свидетелями. Предметом спора был Марко, но ни он, ни его брат этого не поняли: поняла одна Ирена, ведь она подслушивала с самого начала, а они двое подбежали к маминой комнате, перед дверью которой она стояла, когда оттуда уже понеслись крики. Дело в том, что Марко отставал в росте: начиная с первого года рождения его физическое развитие достигало самых низких показателей роста, а с трех лет он недотягивал ни до одной диаграммы. Тем не менее он был хорош собой и сложен пропорционально, что, по мнению Летиции, ясно говорило об особом отношении к нему природы — выделить его из толпы, отличить, показать всем наглядно, что ее ребенок от рождения наде-

лен редкими дарами. Гармония, которую, по ее мнению, всегда воплощал в себе этот ребенок — пусть миниатюрный, но все же статный и, можно сказать, хотя и с преувеличением для ребенка его возраста, *мужественный*, — была сообразна совершенно другому ритму роста, и действительно, даже молочные зубы выпали у него поздно. Беспокоиться было не о чем. Кстати, как только этот дефицит стал заметен, она придумала своему малышу самое обнадеживающее прозвище — *Колибри*, совмещавшее сходство не только Марко с этой маленькой птичкой, но и с ее красотой в первую очередь, а также с резвостью, причем очень значительной, — она способствовала его успехам в спорте. Марко также обладал изрядной резвостью ума, проявлявшейся главным образом в учебе и социальной жизни. Поэтому она из года в год пела свою мантру: беспокоиться не о чем, беспокоиться не о чем, беспокоиться не о чем.

Пробо, напротив, обеспокоился сразу. Пока Марко был маленьким, он, хотя и с большими усилиями, верил утешительным словам жены, но когда сын достиг подросткового возраста, а тело его по-прежнему не проявляло признаков нормального роста, ощутил в этом свою вину. Как они оба могли довериться природе? При чем

тут вообще колибри? Это болезнь, а они двое были безумцами, поскольку своевременно не спохватились. Что не в порядке у Марко? Пробо обратился к медицине, сперва задавая общие вопросы, чтобы не вовлекать сына, но когда тому исполнилось четырнадцать, а он видел, что ребенок ездит на своей «Веспе», как бедуин на верблюде, пришлось привлечь и его. Результатом стала серия консультаций, анализов для уточнения диагноза, и в итоге было установлено: Марко страдает гипоэволюционизмом (спасибо большое, и без того видно) умеренной, не тяжелой формы (слава богу, это тоже заметно), что связано с недостаточностью гормона роста. Вопрос заключался в том, что в то время эту болезнь лечить не умели: существовали экспериментальные протоколы, но они затрагивали в основном тяжелые случаи гипоэволюции роста — нанизм. Только один специалист из всех, которых они обошли, педиатр-эндокринолог из Милана по фамилии Вавассори, заявил, что может им помочь, и предложил разработанную им несколько лет назад программу, которая, как он признал, давала весьма обнадеживающие результаты. Из-за этого начался скандал. Пробо сообщил Летиции, что собирается отдать Марко на экспериментальное

лечение, а та отвечала, что это безумие, Пробо возразил, что безумием было все эти годы не обращать внимания на проблему ребенка, но Летиция настаивала на своем — на гармонии и сходстве с колибри, — и вплоть до этого пункта они дискутировали, как обычно, тихо, и лишь одна Ирена их слышала. Скандал перешел в новую фазу, когда Летиция для подкрепления своего тезиса о недопустимости вмешательства в природу сослалась на книгу, но не просто книгу, а *культовую*, фетиш ее поколения архитекторов или во всяком случае тех, с кем она общалась, наиболее умных и соответствующих международным стандартам, поскольку читать ее приходилось по-английски, так как на итальянский она не переводилась: On Growth and Form[43] Дарси Томпсона. В этот момент стены большого дома на площади Савонаролы, обычно спокойного и тихого, сотряслись от звериного рева, который отчетливо услышали двое братьев, смотревших передачу по телевизору: «ЗАСУНЬ СВОЕГО ТОМПСОНА В ЗАДНИЦУ, ПОНЯТНО?!!?»

Далее спор продолжался как академическая дискуссия, но на повышенных тонах и на кри-

[43] Примечания: 43
«О росте и форме» (*англ.*).

ке с переходом на личности: братья ничего не понимали, Ирена подхихикивала и ничего им не объясняла. Летиция обозвала Пробо жалким дерьмом, Пробо отвечал ей, что она даже не держала в руках эту говенную книгу, которую цитировала, точно так же, как ее не читал ни один из ее гребаных профессоров, ссылавшихся на нее через слово; тогда Летиция была вынуждена доходчиво объяснить умственно отсталому мужу смысл главы Magnitude[44], в которой *математически* доказывалось, что в природе форма и развитие неразделимо связаны и переплетены между собой законом гармонии, а Пробо назвал ее пустомелей, поскольку она всегда цитировала эту главу, первую и единственную в книге, которую читала; ну и так далее в том же духе. Спор продолжался еще долго, уйдя в сторону от искры, которая его разожгла, затронув, с стороны Летиции, идеи и понятия, которые жалкий инженер-неудачник не в состоянии был понять, типа юнгианской мандалы и штейнеровского искусства арт-терапии, а со стороны Пробо — повторение уже прозвучавшего призыва засунуть свою мандалу и арт-терапию вместе с Юнгом и

[44] Примечания: 44
«Величина» (*англ.*).

Штайнером в то же самое анальное отверстие, ранее предназначавшееся томпсоновской книге о росте, или еще подальше. Все, Летиция больше не могла, ей это до смерти надоело, она больше не в силах. Что ей, спрашивается, надоело? Выносить такого мудилу, как он. А знала бы она, как его задрочили ее закидоны. А пошел бы ты на х… А не пошла бы ты сама. Мальчишки перепугались: похоже, родители собираются разводиться. Но Ирена не теряла времени попусту. «Что за херню вы несете? — крикнула она из-за двери. — Прекратите!» Братья сбежали в гостиную, но Ирена не сдала позиций и осталась на карауле у двери, чтобы охладить страсти. Она была уже совершеннолетняя: по ее мнению, никому раньше ее самой не дозволено уйти из этого дома, поэтому — никаких разводов. Мать выглянула из-за двери, извинилась, за ней последовал отец, извинившись в свою очередь. Ирена посмотрела на них с презрением и сказала только, что Марко, к счастью, не понял причины их ссоры, и этого оказалось достаточно, чтобы определить будущее (это можно утверждать лишь задним числом, но все же можно) по меньшей мере трех членов их семьи, если не четырех или даже не всех пятерых, но будущее родителей и Марко — точно.

В итоге после встряски, устроенной дочерью, Пробо и Летиция почувствовали себя до крайней степени виновными эгоистами и быстро заделали дыру, образованную этим спором в паутине лжи, сотканной с огромным усердием за долгие годы совместной жизни вокруг их семейного гнезда. Действительно, в их союзе было что-то несгибаемо твердое и неизменное, чего они сами не могли объяснить: ни Летиция своей психологине во время бурных сеансов, годами сосредоточенных на ее неспособности бросить Пробо, ни Пробо самому себе, за долгие дни, проведенные в одиночестве за рабочим столом, — уверенная рука, острый глаз и свистящее дыхание, как у заядлого курильщика, и мысли, блуждавшие так далеко, что охватывали целиком все его беспредельное несчастье. Почему они продолжали жить вместе? Почему, если на референдуме о разводе[45] несколькими месяцами раньше оба с готовностью проголосовали за? Почему, если они больше не могли терпеть друг друга? *Почему*? Страх, наверное, но страх чего? Страх, конечно,

[45] Примечания: 45

12 мая 1974 г. в Италии прошел референдум о разводе, инициированный правящей христианско-демократической партией, противившейся принятию закона Фортуна-Базилини (1970), устанавливавшего в стране этот гражданский институт вопреки действовавшему церковному разводу. Большинство населения проголосовало за гражданский развод.

присутствовал, но боялись они разного, и значит, страх разделял их тоже. Было что-то другое, неизвестное и неизречимое, державшее их вместе, — единственная загадочная точка контакта, сохранявшая в неизменном виде обещание, которое они дали друг другу раньше, двадцать лет назад, *когда распускались фиалки*, как поется в песне Фабрицио Де Андрй, вышедшей недавно — недавно не относительно скандала, а обещания, данного ими намного раньше, которое звучало доподлинно так: «Мы не расстанемся с тобой никогда, никогда, до конца нашей жизни». Впрочем, даже эта песня, в которой говорилось о них, их разделяла, и как все остальное, что их разделяло, казалось, она разделяла даже семью, ибо Летиция и Марко слушали ее (но порознь, на разных проигрывателях и каждый свою пластинку, даже не подозревая об этом), Джакомо и Ирена — нет (один — поскольку был еще слишком маленький, другая — поскольку находила ее тошнотворной), а Пробо в своем простодушии вообще не слышал о ней. Ну да ладно: они оставались вместе, семья не распадалась, и узел их брака не собирался развязываться. Хит назывался «Песня о потерянной любви», но их любовь не терялась ни разу; он заканчивался словами «ради новой любви», но

новой любви для них не было предусмотрено.

Наверняка вмешательство Ирены в скандал сплотило родителей. Наверняка, как уже говорилось, определило их будущее и будущее Марко, поскольку с тех пор стала превалировать осторожность, жалость, стремление отказывать себе во всем ради так называемого блага детей. Вряд ли это могло сработать, Летиция и Пробо были достаточно умны, чтобы этого не понять: несчастье остается несчастьем, даже когда становится выбором, и если с определенного времени оно оказывается единственным результатом супружеской жизни, то передается детям. Но именно здравый смысл уберег их от самообмана, будто несчастье — это беда, невесть откуда свалившаяся на голову, потому что если заглянуть в их прошлое с кристальной честностью, то каждый из них должен был признать, что даже тени счастья они не видели, оба были несчастны уже до того, как встретились, они всегда вырабатывали несчастье, автономно, как некоторые организмы вырабатывают холестерин, и единственный краткий перерыв на счастье, которое они познали в своей жизни, был прожит ими в начале брака, когда они влюбились, поженились и завели детей. Они моментально перестали ругаться

в тот вечер, но остались жить вместе, чтобы не выносить друг друга и дальше, обижать, ранить и скандалить шепотом до скончания своих дней.

Что касается Марко, они постарались пойти навстречу друг другу. Летиция усиленно над собой работала, желая отказаться от того, что ее психологиня называла *мифом колибри* (мальчик, остающийся маленьким, его красота и грация недоступны ни одной, кроме нее, женщине, и так далее), и согласиться с точкой зрения Пробо, согласно которой необходимо сделать все, на что способна наука, лишь бы помочь ему вырасти, — принеся на жертвенный алтарь блестящие убеждения о росте и форме, вызревшие с чтением (полностью, что бы там ни говорил Пробо) книги Дарси Уэнтуорта Томпсона. Пробо воспользовался этой уступкой, но не для самоутверждения, сделавшего бы его еще более одиноким, а как неожиданно представившимся случаем разделить нечто важное с супругой, которую, несмотря ни на что, он по-прежнему любил. Поэтому он отвез Летицию в Милан к доктору Вавассори, чтобы она познакомилась с ним и составила представление о серьезности его метода, предоставил ей возможность самостоятельно проверить надежность способа лечения, на которое надеялся,

и обязался не сбрасывать со счетов ее мнение в ходе принятия их окончательного решения. Летиция повторила самостоятельно, как и Пробо в предшествующие месяцы, все изыскания и убедилась, что протокол миланского специалиста был действительно единственной серьезной возможностью, которую могло предложить научное сообщество на тот момент, чтобы помочь Марко Каррере вырасти. Конечно, нельзя сказать, что супруги пришли к общему решению совместно, но, по крайней мере, впервые за долгое время оказались на одном и том же пути.

Первое письмо о колибри (2005)

Марко Каррере
ул. Фолько Портинари, 44
50122 Флоренция
Париж, 21 января 2005 г.
Привет, Марко!

Как поживаешь? Не считай меня сумасшедшей, лгуньей или того хуже — особой, появляющейся неожиданно из ниоткуда, как будто ничего и не было. Тебя мне недостает. Не хватает. Достаточно было одного лета, когда я не поехала в Больгери, и я стала задыхаться. Я поняла, что даже увидеть тебя мельком, как бывало всегда, каждый год, в августе, последние двадцать пять лет, даже перемолвиться парой слов на пляже, мне позарез необходимо. Пиши мне, я в этом нуждаюсь. Я выдержала три г., все, больше не могу: сам решай, ответишь ты мне или нет. Но знай, что, если не напишешь, я тебя пойму, поскольку это я тебя бросила. Не думай, что я забыла. Но я пишу тебе не об этом, Марко. Пишу, потому что на прошлой неделе у меня на пару дней остановилась моя подруга по дороге в Нью-Йорк и привезла

с собой номер «Манифеста» двухнедельной давности, потому что там напечатана статья о выставке «Империя ацтеков» в Музее Гуггенхайма, на которую она летит. Очень хорошая статья, рассказывает о священных животных, человеческих жертвоприношениях и о том, что для ацтеков конец вселенной был неизбежен и близок, но мог быть отсрочен приношением в жертву богам человеческой жизни. И в конце я неожиданно натыкаюсь на абзац, от которого у меня мороз по коже: в нем говорится о тебе.

«В отличие от индуизма, ислама и христианства, в которых судьба человека после смерти (реинкарнации, перенесения в рай или ад) зависит от того, как он жил, у ацтеков, не считая царей, которые почитались богами, внеземная жизнь зависела от того, как и когда человек умер. Самой несчастной считалась судьба тех, кто умирал от старости или от болезни: душа их низвергалась в девятый, самый последний уровень ада, в темный и пыльный Миктлан, где ей было назначено оставаться до скончания веков. Кто утонул либо был сражен молнией, тот отправлялся в Тлалокан, царство бога дождей Тлалока, где ему была уготована жизнь среди пиршеств и несметных богатств. Женщины, умиравшие при родах,

то есть производившие на свет будущих воинов, соединялись с солнцем на четыре г., но потом становились страшными духами, бродившими в вечности по ночам. Наконец, воины, погибшие в сражении, и люди, принесенные в жертву, присоединялись к помощникам солнца в его ежедневной борьбе с силами тьмы, но через четыре года превращались в бабочек или в колибри.

Сегодня, когда цивилизация ацтеков погрузилась в Миктлан, мы по-прежнему задаемся вопросом, что это был за народ, чьим величайшим устремлением было превратиться в колибри».

Извини меня, Марко, я черт знает что натворила.

Извини.

Луиза.

⊠⊠⊠ (2010)

Мирайдзин, что по-японски значит Человек Будущего, родился 20 октября 2010 года. Иначе говоря, для тех, кто в этом усматривает нечто особенное — а его мать, Адель Каррера, усматривала, и еще как, — 20.10.2010. Это имя и дата рождения были выбраны, когда Адель сообщила отцу, что ожидает ребенка. «Это будет новый человек, папб, — сказала она (потому что выросла в Риме и потому говорила «папб») — это будет Человек Будущего. И появится он на свет в особенный день». «Я понял, — ответил Марко Каррера. — А кто отец?» Адель отказалась называть имя. Ну как же, ну почему, да что это вообще такое, и как ты рассчитываешь… Ничегошеньки, молчок. Адель была личностью цельной, чистой — что с учетом пережитого ею было чудом, — но в то же время упрямой, и если принимала решение, то становилась непреклонной. В данном случае она приняла решение: отца не было, и точка. Марко Каррера понял, что нет смысла настаивать, требовать, диктовать свою волю: не в первый раз в жизни он сталкивался с непредвиденным и знал, что его

следует безоговорочно принимать. Но это было непросто. Он вырастил дочь, стараясь привить ей чувство свободы, умение вырабатывать свою точку зрения по тому или иному вопросу, представляя себе, что скоро она улетит, — он к этому был подготовлен. Однако в тот день с удивлением открыл, что улетать она вовсе не собиралась: она хотела оставаться с ним. Адель сказала об этом прямо и отчетливо, с несколько смутившим его пылом: я не собираюсь уезжать от тебя, папб, ты был прекрасным отцом для меня, ты им и остаешься и будешь таким же для Мирайдзин, Человека Будущего. Да что ты, да при чем тут это, да это же совсем другое: ничегошеньки, молчок.

Марко испытывал сложные чувства по отношению к дочери: он любил ее, безусловно, больше всех на свете, и действительно, когда забрал ее к себе, то целиком отдался ее воспитанию, пожертвовав практически всем; но ему также было ее безмерно жаль, когда он думал о ее матери и о том, до чего та докатилась; он испытывал неизменное чувство вины, что не сумел обеспечить дочери нормальную жизнь, на которую имеет право каждый ребенок; он постоянно волновался о ней, о стабильности ее здоровья, хотя веревочка, появившаяся в Мюнхене снова в течение того

чудовищного года — annus horribilis, — быстро и бесследно исчезла, как только дочь переехала во Флоренцию, и в последующие девять лет Адель не выказывала никаких признаков утраты контакта с действительностью. Марко прожил эти девять лет будто на одном дыхании, и, если подумать, казались невероятными чувства легкости и оптимизма, которые он испытывал, при том, что за эти годы он потерял Луизу, отказался от академической карьеры, один за другим заболели и умерли его родители, он снова обрел Луизу, окончательно порвал с братом и опять ее потерял. Эти годы спрессовались в единый потрясающий блок времени, прожитый им как одно мгновение: подниматься ни свет ни заря, не покладая рук работать, ходить за покупками, готовить, заниматься миллионом будничных мелочей, заботиться о дочери, ухаживать за матерью, за отцом и за всем поголовьем окружавших его вещей. Марко держал на своих плечах маленький хрупкий мир, который без него распался бы на части, улетел, как пушинка от дуновения ветра, и это придавало ему силы и внушало гордость, чего он в прошлом не знал; он подготовился также к тому, что этот мир все равно распадется, ибо todo ternima — все кончается, и это было ему

известно, и что Венеция в течение тысячелетия полностью скроется под водой, ибо todo cambia — все меняется, это тоже было ему известно, и что в течение тринадцати тысяч лет по причине феномена, называемого предварением равноденствий, на Северный полюс в небесной сфере будет указывать уже не Полярная звезда, а Вега. Но есть разные способы заканчивать и менять, ему выпал жребий быть пастырем, сопровождающим людей и вещи на пути к достойному завершению и справедливым переменам. И это в течение девяти лет.

В течение этих девяти лет не было ни дня, прожитого впустую, ни одного евро, потраченного зря, ни единой жертвы, принесенной понапрасну. Несмотря на чрезвычайную занятость, Марко научился выкраивать в этом блоке спрессованного времени минуты абсолютного покоя и чистого развлечения, передав, например, дочери свою страсть к морю — в Больгери, несмотря на тяжесть воспоминаний, связанных с этим местом, в которых все осталось по-прежнему, как сорок лет назад, — и к горам — спускаться зимой на лыжах по крутизне заснеженных гор, но не как он мальчишкой, на соревнованиях, которые к тому же проигрывал, а получая удовольствие от

спуска, отдавшись силе земного притяжения и умело объезжая деревья во избежание возможности столкновения; и летом бродить по тем же лесистым горам, чего не делал ни разу в детстве, охотясь за дикими животными с фотоаппаратом, стараясь по возможности щелкнуть их в тот кратчайший и единственный миг, когда они удостаивают человека взглядом перед тем, как отнести его к числу чего-то малоинтересного и обратить внимание на что-нибудь более привлекательное, например, на камни, поросшие мхом, земляные норы или опавшие с деревьев листья. Адель не обманывала его ожиданий, она росла здоровой и жизнелюбивой, успешно училась в тех же школах, где когда-то учился он, избегала опасностей, подстерегающих молодых людей ее возраста, и много занималась спортом. Но не обычными видами спорта. Бросив фехтование, она отдалась чистому атлетизму, не предполагавшему участия в соревнованиях, направив две основные страсти своего отца — к морю и горам — в область практики, извлекая из них совершенно определенную философию жизни, — сёрфинг и свободное скалолазание, к которым она обнаружила необычайную склонность. Это с ранней юности привело ее в те сообщества, из которых

уже не выходишь, ибо это ментальные общества, собирающие в свои стаи всех выпадающих из понятия нормы со всех сторон мира, — а Адель из нее выпадала с детства, — ищущих пляжи и отвесные скалы, волны и захватывающие дух взлеты, но главное, соблюдающих ту дистанцию от буржуазных забот, которая уменьшает склонность к несчастью. Пока Адель была несовершеннолетней, Марко со всей тактичностью сопровождал ее в красивейшие и чрезвычайно опасные места — Капо-Манну, Ля-Гравьер, Вердонское ущелье, — целые дни проводя в одиночестве, фотографируя животных или издали наблюдая за компаниями молодых людей, среди которых была и его дочь, борющихся с волнами или рывками взбирающихся к вершине скалы, изредка присоединяясь к ним за ужином, но чаще ужиная в одиночку в каком-нибудь ресторанчике, найденном в его Guide Bleu[46], и дожидаясь возвращения доченьки в номер пансиона, и Адель всегда возвращалась, сама, без напоминаний, инстинктивно, неизменно собранная и осведомленная об осторожности, которую ее шестнадцать лет призывали сочетать

[46] Примечания: 46

«*Голубой гид*» (*фр.*). Серия туристических путеводителей, которые с 1916 г. выпускает изд-во «Ашетт».

со свободой. Потом, став постарше, Адель стала ездить на встречи с друзьями сама, а Марко научился проводить время ее отсутствия в тревоге и ощущении одиночества и радоваться ее благодарности по возвращении домой, когда начинались занятия и работа. Адель училась и одновременно работала. Она поступила на спортивный факультет, который по совпадению размещался в здании напротив офтальмологической клиники больницы «Кареджи», где работал Марко, поэтому они часто виделись и вместе обедали; она начала работать part-time[47] в спортивном зале, где сама занималась, вела курс аэробики для дам возраста Марко, а когда спортивный зал разжился скалодромной стенкой, стала вести курс скалолазания для начинающих и детей. Бесспорно, зарабатывала она немного, но наверняка гораздо больше, чем Марко в ее возрасте выигрывал в азартные игры вместе с Неназываемым, в любом случае вполне достаточно для того, чтобы самостоятельно одеваться, заправлять бензином свою «Твинго» и оплачивать непременного, но в ее случае, возможно, даже необходимого психоаналитика. Она вправду была славной девушкой,

[47] Примечания: 47
Part-time — неполный рабочий день (*англ.*).

лучшей дочери он и не мог бы желать, и очень красивой — волнующей и захватывающей красотой, как у матери, слегка, однако, смягченной очаровательными несовершенствами. Итак, все это подготовило его к тому, что скоро она упорхнет. Он даже закончил проект подготовки к их разлуке: приготовился содержать ее долгие годы — накопил для этого денег, — чтобы обеспечить ее средствами и временем, необходимыми для удовлетворения ее интересов и дальнейшей научной специализации, не испытывая финансовых затруднений; он подготовился даже к тому, что однажды она задумает покинуть Флоренцию, или Италию, или Европу, возможно, для того, чтобы поселиться в каком-нибудь райском уголке на краю света, теша себя мыслью, что он здесь все бросит и однажды воссоединится с ней в том прекрасном месте; он даже подготовился к тому, что она может забеременеть в раннем возрасте, что и случилось, и не будет показывать дикого возмущения, когда она ему об этом скажет, держа за руку одного из идеально сложенных парней их молодого племени. Тем не менее как бывает, когда заранее готовишься к грядущим событиям и думаешь, что не упустил ни одной детали, как вот тебе — Адель сообщает ему о том, к чему он

не был подготовлен. «Папб, это будет Человек Будущего». — «Я понял, но кто отец?» Ничегошеньки, молчок. Человек Будущего появится на свет без отца, а Адель станет матерью-одиночкой, радостной и полной жизненных сил, она не будет ни о чем сожалеть и волноваться. Что касается *функции отца*, то она предназначалась ему, Марко, ведь он уже проявил себя на этом поприще.

Хорошо, с одной стороны, это было самое сильное признание в любви, которое Марко Каррера когда-либо слышал из чьих-либо уст, и он не преминул испытать глубочайшее удовольствие, от которого у него задрожали ноги. Но, с другой стороны, было понятно, что во всем этом есть нечто тревожное. Не было даже необходимости беспокоить веревочку за спиной, чтобы сразу догадаться: связь между ним и дочерью оказывалась перенасыщенной, извращенной, и психоаналитическая оболочка, которой Марко был застрахован еще с пеленок, хоть и отказывался это признать, прохудилась и дала о себе знать. Не смахивает ли это на болезнь? Не так ли это *нездорово*? А что, если за этим отказом Адели дать отца собственному ребенку кроются последствия детской травмы, нанесенной ей матерью и отцом? Или, может, это провал на личном фронте, о

котором она промолчала, как случилось когда-то с Иреной, но этого никто не заметил, — резкий разрыв отношений или просто отказ биологического отца взять на себя ответственность за ребенка, скрытый за ее горделивым заявлением об автаркии? А что, если Адель унаследовала от матери тенденцию отвергать действительность и скрываться в коконе вымыслов и обманов? А что, если за содержание этого кокона он, Марко Каррера, вновь был обязан нести ответственность? А если он не справится снова? И вообще, как вырастет этот новый человек, воспитанный двадцатилетней матерью и пятидесятилетним дедом? Если речь шла о коконе, то как долго это продлится?

Через несколько лет судьба даст единственный четкий ответ на все его вопросы, но в тот момент отвечать дочери должен был он, Марко Каррера, и ответ его не мог быть туманным. Он последовал велению сердца и принял все, согласившись тем самым, что и он верит в историю с новым человеком. В конечном счете, сказал он себе, почему бы и нет? Должен ведь когда-нибудь прийти в этот мир новый человек откуда-нибудь, с какой-нибудь стороны? Он вспомнил стих Джованни делла Кроче, который процитировала Луиза в

одном из своих давних прощальных писем (в каком-то одном, из многочисленных): «Чтобы прийти, куда не знаешь, ты должен пройти через то, что не представляешь». Марко Каррера не знал, куда он придет, и не имел ни малейшего представления, через что ему предстояло пройти, но любовь к дочери заставила его пройти и добраться. После этого все стало гораздо проще: сроки и их исполнение были предоставлены природе, неделя за неделей, и Марко Каррера должен был лишь найти правильную дистанцию между собой и тем, что происходило в теле его дочери. В его опыте была только беременность Марины, и он взял ее за целое, из которого методом вычитания мог извлекать подходящую случаю роль. Ходить с ней на приемы к врачу — да. На курсы молодых матерей — нет. Положить ей на живот руку, чтобы почувствовать, как шевелится ребенок, — да. Запретить ей в это время заниматься сёрфингом и скалолазанием — да. Освободить ее от всех хлопот по дому — да. Потворствовать капризам беременной женщины — нет. Амнио-

центез[48] — нет (Адель была против). Узнать пол ребенка с помощью эхографии — нет (по той же причине). Никакого списка теннисистов, чтобы принять решение насчет имени (имя Адель было выбрано именно этим способом, победив в финале Лару, Марко бы предпочел его, поскольку даже выбрал специализацию в офтальмологии после «Доктора Живаго», хотя никому об этом не говорил), потому что имя было выбрано изначально. Решительное «да» за роды в воде в присутствии акушерки — некой Нормы — и в соответствующей структуре — больнице Благовещения Пресвятой Богородицы, также решительно выбранных Аделью; и посему никакой больницы «Кареджи», где тоже можно было рожать в воде и где Марко мог обеспечить дочери некоторые привилегии, и «да» тому факту, что в биографии Мирайдзин Карреры, Человека Будущего, в зависимости от степени географической точности, которую требовалось достичь, должно было бы быть написано «родился в Понте-а-Никкери», или «родился в Понте-а-Эмма», или с большей

[48] Примечания: 48

Инвазивная процедура, заключающаяся в пункции амниотической (водной) оболочки с целью получения образца околоплодных вод для последующего лабораторного исследования или введения в амниотический пузырь лекарственных средств.

бюрократичностью «родился в Баньо-а-Риполи», на административной территории которого расположена выбранная больница.

Конечно, «да» тому, чтобы посвящать время и уделять внимание этому имени — Мирайдзин, его происхождению, относительно которого Адель могла полностью удовлетворить любопытство своего отца. Для начала — оно было составлено из кандзи ☒☒ (транслитерированных по системе Хэпберна[49] в «mirai», «будущее, будущая жизнь», в свою очередь составленных из сочетания ☒ — «еще нет» и ☒ — «пришел»), а также ☒ («jin», «мужчина, человек»). Получается — человек будущего. В северокитайском языке эти три кандзи становились wuilbi rǐn, на кантонском mei lai jan, на корейском mirae in, но значение имели то же самое. Адель выудила это имя в японской манге под названием Miraijin Chaos, созданной великим Осаму Тэдзука, то есть тем, как понял Марко, кого считают «Богом манги». Он был кумиром дочери, а Марко даже не знал, кто это такой, — пробел, который Адель заполнила вдохновляющим рассказом о его богатой биографии. (*Вот она, если кому-то интересно: ☒☒☒, то есть Осаму Тэдзука,*

[49] Примечания: 49

Система Хэпберна — набор правил для транскрипции японских слоговых скриптов в латинский алфавит.

родился в городе Тоенака, в префектуре Осаки, в 1928 г. и был прямым потомком легендарного самурая Хаттори Хандзо — 1541–1596 — период Сэнгоку, с раннего детства влюбившимся в фильмы Диснея, которые он смотрел и пересматривал десятки раз — больше всего «Бемби», *около восьмидесяти раз. Уже во втором классе увлекается рисованием комиксов, подписывая их псевдонимом «Осамуси», что означает «жужелица» и напоминает имя, данное ему при рождении, с которым он себя идентифицирует, уже тогда его персонажей отличает одна особенность, совершившая революцию в манге, то есть их «круглые глаза». Еще в детстве мальчик заболел редкой и мучительной болезнью — у него опухали руки, но он исцелился благодаря одному врачу, из-за чего сам захотел стать доктором. В 1944 г. в шестнадцатилетнем возрасте поступает работать на фабрику, чтобы быть полезным своей стране во время Второй мировой войны. В семнадцать лет, в то время как радиоактивные изотопы добивали выживших в Хиросиме и Нагасаки, публикует свои первые работы и поступает на медицинский факультет в Осаке; в восемнадцать лет добивается первых успехов, в особенности с публикацией* Shin Takarajima, *то есть* «Нового острова сокровищ»,

по мотивам романа Роберта Луиса Стивенсона, и одновременно с этим Тэдзука продолжает занятия медициной. В двадцать один год — в 1949 г. — он публикует свой общепризнанный шедевр, научно-фантастическую трилогию Zenseiki [Lost World[50]], Metoroporisu [Metropolis[51]] и Kitarubeki Sekai [Next World[52]]*; в двадцать три года получает медицинский диплом Университета Осаки и в то же время публикует* Ambassador Atom[53]*, где впервые появляется Астробой, мальчик-робот, который станет самым известным его персонажем. В дальнейшем он начинает выпускать свои манги серийно, что стало первым шагом его неизбежного сближения с анимационным кино, и в то же время продолжает изучать медицину и защищает магистерскую диссертацию. В тридцать один год, в 1959 г., Тэдзука женится на Эцуко Окаде, девушке из своей префектуры, но с большим опозданием является*

---

[50] Примечания: 50
«Затерянный мир» (*англ.*).

[51] Примечания: 51
«Метрополис» (*англ.*).

[52] Примечания: 52
«Следующий мир» (*англ.*).

[53] Примечания: 53
«Посол Атом» (*англ.*).

на собственную свадьбу, так как срочно заканчивает работу, которую ожидает издатель. В тридцать два года переезжает с женой на окраину Токио, где возводит просторный дом-студию, что позволяет ему собрать под одной крышей семью, дав кров даже своим пожилым родителям. В тридцать три года, в 1961 году, защищает докторскую диссертацию о сперматогенезе, получает звание кандидата медицинских наук в Наре, древней столице Японии, расположенной на острове Хонсю, присутствует при рождении своего первого ребенка, Макото, и приступает к строительству рядом с домом первого комплекса помещений своей студии анимации Mushi Productions. *Между тридцатью пятью и сорока годами, когда рождаются дочери Румико и Чиико, на небольшие средства своего независимого предприятия снимает для телевидения свою первую анимационную черно-белую мангу* «Астробой» *с декларацией, которая станет столь же знаменитой, как и ее автор: «Хорошая история может спасти плохую анимацию, но плохую историю не сумеет спасти даже превосходная анимация». Вскоре его учение проникает на Запад, где он становится известным, что приносит ему уважение и знакомство со многими знамените-*

стями: Уолт Дисней, с которым он встречается на Всемирной Нью-Йоркской выставке в 1964 г. и заручается его согласием на участие в так и не осуществленном научно-фантастическом проекте; Стэнли Кубрик предлагает ему стать художником-постановщиком фильма «2001-й год: Космическая одиссея», *от чего он с сожалением отказывается из-за невозможности забросить Mushi Productions и перебраться в Англию на целый год; позже, на фестивале во Франции, он знакомится с Мебиусом*[54] *— тот в восторге от его работ и соглашается приехать к нему в Японию в следующем году; но главное — это бразильский автор комиксов Маурисио де Соуза, который станет его ближайшим другом, в последующие годы стиль Тэдзуки окажет на бразильца решающее влияние, вплоть до того, что он включает в приквел своего самого знаменитого комикса* «Банда Моники» *некоторых из его персонажей, как, например, Астробоя, Принцессу Сапфир и Кимбу. Тэдзука публикует мангу про Мирайдзин в 1978 году, в трех томах, и она явно предвосхищает сюжет* «Без лица», *снятый Джоном Ву через двадцать лет. Это*

[54] Примечания: 54

Мебиус — настоящее имя Жан Жиро́ (1938–2012) — французский художник, автор комиксов.

история мальчика, убитого своим старшим другом, который занимает его место в космической программе, хотя сам он не прошел конкурс, но мальчика воскрешает загадочная девочка; и все же убийца, ставший к тому времени сверхмогущественным, ухитряется изловить соперника прежде, чем тот займет свое законное место, и сослать на темную планету Хаос. После героических сражений и суровых испытаний мальчику удастся оттуда вернуться, чтобы окончательно победить злобного противника и стать Человеком Будущего. Собиратель жуков, страстный любитель энтомологии, «Супермена», бейсбола и классической музыки, Осаму Тэдзука посвятил свои последние работы таким мастерам, как Бетховен, Моцарт и Чайковский. Он умер через три месяца после достижения семидесяти лет, в феврале 1989 г., от рака желудка, и его последние слова, по свидетельству собравшихся у его изголовья, были обращены к медсестре, уносившей его блокнот: «Прошу вас, дайте мне поработать».)

Марко Каррере понравился этот человек, как и его фотография, которую Адель хранила в записной книжке, — человек с красивым улыбающимся лицом, в темных очках в роговой оправе, которые Марко называл «тяжелыми очками»,

и черной шапочке на макушке. Его успокоило, что подобный человек связан с решением Адели произвести на свет сына — еще и потому, что, судя по году рождения, он имел непосредственное отношение к отцу, старому Пробо, с его огромным количеством книг из собрания «Урании». И все же эта симпатия к реальному человеку не заставила Марко — как советовала Адель — читать комиксы, во-первых, потому что они были на английском, а во-вторых, потому что манги ему никогда не нравились и он не собирался менять свои пристрастия.

В целом Япония во многом имела отношение к новому человеку, который вскоре собирался явиться на свет. Марко это понял, когда друзья его дочери по сёрфингу и скалолазанию, ввиду невозможности ее участия в их мероприятиях, стали навещать ее дома, иногда оставаясь ужинать. Раньше такого не было, поэтому Марко никогда не видел их в обычной одежде, в закрытом помещении, и это открытие тоже в конечном счете придавало ему уверенности, ведь они оказались вполне нормальными и разумными людьми: умели держаться в скучном мире окулистов и запеченной в духовке пасты — вот именно, — а не только разговаривать о физической подготовке и

поединках с природой. Они были воспитанные, вежливые. И очень хорошо относились к Адели. Один в особенности выделялся своей харизмой и компетентностью, это был некто Джорджо Дитмар фон Шмидвейллер по прозвищу Кроха: светловолосый и довольно красивый, с благородными, как его имя, манерами и не имеющий себе равных в скалолазании (чуть менее ловок он был в сёрфинге), но настолько в действительности маленький, щупленький и невесомый, что заслуживал своего почти унизительного прозвища, которое Марко не мог не связать со своим, Колибри, бывшим до сих пор в ходу среди старых друзей детства, несмотря на лечение гормонами, из-за которых он потом в два счета вымахал.

Этот Кроха мог часами говорить о самураях, сёгунах, книгах Мураками, фильмах Куросавы, восточных единоборствах, мангах, робототехнике, синтоизме, суши и чайной церемонии с таким видом, будто знал гораздо больше, чем говорил; у него был красивый голос и богатый язык, просто удовольствие было его слушать; он занимался инженерией, а не японистикой — знак того, что все свои знания о Японии он приобрел самостоятельно, следуя страсти, которая — как и любая страсть — передавалась другим. Однажды он ска-

зал такое, от чего Марко, кажется, наконец понял причину выбора своей дочери: чтобы продеть нитку в ушко иголки, мы на Западе протягиваем нитку от себя в сторону ушка, а в Японии наоборот — тянут к себе, с другой стороны ушка. Вся разница в этом, заметил Кроха: Запад = изнутри наружу, Япония = снаружи внутрь. Несомненно, этот Кроха заразил своей страстью к Японии всю компанию, и значит, в глазах Марко, искавших улики и после того, как он согласился с выбором дочери, этот парень был, так сказать, еще одним *крестным отцом*, еще одним мужчиной, имеющим отношение, помимо него самого и Осаму Тэдзуки, к его внуку, который скоро появится на свет безотцовщиной. По правде говоря, поначалу он было подумал, что это плод чресл Крохи, а так как тот был женихом Альфы, первой девушки в их группе, по имени Мириам, старше Адели и ее ближайшей подруги, это и была причина, по которой все держалось в строжайшей тайне, но позже Марко сообразил, что это не так, судя по тому, как естественно и непринужденно Кроха относился к беременности Адели. Он вопрошал себя: может, кто-то другой из них отец? Например, этот Иван с блестящей сережкой в ухе или другой, приходивший редко, Джованни, красивый как

бог, работавший на киностудии реквизитором, но и эти подозрения вскоре рассеялись, судя опять же по отношению этих ребят — парней и девушек — к Адели. Нет, отца среди них не было. Однако маловероятно, что они не осведомлены о нем, ибо *проступок*, как сказал бы Пробо Каррера, был совершен во время одной из их поездок на сёрфинг, в январе прошлого года, между Фаро и Сагреш, в Алгарве, южная Португалия, куда каждую зиму съезжались племена сёрфингистов со всей Европы, привлеченные идеальными условиями — комбинацией гигантских волн, поднятых атлантическими штормами, и защитой от них, которую обеспечивает мыс Сан-Висенте. Но даже если они, вероятно, и знали что-то, им, как и ей, личность отца представлялась маловажной, поэтому они об этом не говорили; им, как и ей, представлялось совершенно естественным и разумным, что девушка двадцати одного года рожает ребенка подобным образом. Марко Каррера попытался свыкнуться с подобной философией, хотя она и противоречила его видению мира. Он неоднократно мысленно повторял стих Джованни делла Кроче и даже однажды вечером прочитал его вслух всей компании как раз по поводу этого будущего, которое никто не знал как

улучшить: «Чтобы прийти, куда не знаешь, ты должен пройти через то, что не представляешь». Это произвело сильное впечатление, поскольку прекрасно вписывалось в их философию жизни, но Марко Каррера по-прежнему думал, что все гораздо сложнее.

Месяцы пролетели, и осталось, наконец, принять последнее решение: должен ли он садиться в ванну, поджав ноги и прижавшись к Адели во время схваток и родов, на место, причитающееся отцу ребенка, а не отцу роженицы, — да или нет? Адель не сомневалась: да. Ясно, что она говорила об этом со своим психиатром, уточнила она, показав тем самым, что проанализировала со своей точки зрения мотивы, по которым Марко должен быть рядом с ней и которые Марко со своей точки зрения рассмотрел бы с некоторым смущением. Но как всегда в решающий момент его отношений с женщинами, он почувствовал, что о нем говорили невесть сколько времени и в его отсутствие принимали решения, касающиеся непосредственно его; и как всегда, он уступил: да, сказал он, стараясь не показывать захлестнувшую его неуверенность в правомерности ситуации, из которой должен был с достоинством выбраться. Таким образом, в одиннадцать утра того 20 ок-

тября, в день, когда родилось не так-то и много великих исторических личностей — один Артюр Рембо и Андреа делла Роббиа, насколько Марко сумел выяснить в Википедии, — но который в том 2010 году, по глубокому убеждению Адели, становился ослепительно апотропическим[55] — предсказание, никем не оспоренное, относительно времени родов оказалось абсолютно точным, и Марко Каррера устроился, поджав ноги, в теплой ванне вместе с дочерью и акушеркой по имени Норма. Все произошло гораздо быстрее, чем Марко мог ожидать, памятуя о нескончаемых муках Марины двадцать один год назад. И, судя по слабым и нечастым стонам Адели, по ее плавным изгибам, помогающим схваткам, — не настолько болезненно. К своему удивлению, он не испытал никакой неловкости, обнимая ее и поддерживая под мышками, ни чувства бессилия, ассоциировавшегося у него с присутствием в родильном зале, в то время как Адель появлялась на свет под вопли и выделение кишечных газов Марины. Напротив, Марко почувствовал себя частью этого события, почувствовал себя полезным и содрогнулся при мысли, что рассматривал

[55] Примечания: 55
Апотропический — волшебный, магический, оберегающий от зла.

возможность не участвовать в нем. В точности как его дочь свято верила и хотела, все оказалось как нельзя более *натуральным*, в буквальном смысле этого слова, этимологически восходящего к «тому, что относится к способности рождения»; и когда младенец вышел, и акушерка держала его под водой еще секунд десять, двадцать, тридцать, он не испытывал никакого нетерпения, спешки или тоски: не столько потому, что ему было известно, что жидкость — среда обитания ребенка, а дыхание — рефлекс, активизирующийся, когда он из нее выходит, а потому, что он сам был погружен в эту жижу и всем своим увядающим телом ощущал то же облегчение, которое в те же минуты испытывало налитое, мускулистое тело его дочери, и нежное, новое, как цехин, тельце его Мирайдзин. Их скрепляла вода, она им говорила, вселяла уверенность и просвещала. Те полминуты стали самым ярким моментом его жизни. Та теплая жидкость, в которую они были погружены, — единственным счастливым опытом его семейной жизни.

В то время как новорожденного вынули из воды и вручили матери, Марко Каррера поймал себя на том, что занят переоценкой своей жизни новым мерилом переживаемого им сказочного

опыта, в прострации от чувства блаженства, которое испытывал там, где ему помнились только вопли, потуги и вся сопровождавшая их мерзость, и он вопросил себя, почему так редко принимают роды в воде, почему этого не делают *все* женщины. Он онемел, чтобы запечатлеть в памяти Мирайдзин в момент, когда ребенок сделает первый спокойный вздох, издаст первый крик, в первый раз откроет глаза (миндалевидные), и не заметил, что это оказалась девочка. Он понял это лишь позже, услышав Адель и первые произнесенные ею слова, пока все еще сидели в воде, с малышкой, прижатой к груди, и выражением блаженства, которое все отцы должны были бы видеть на лицах своих детей: «Видел, папб? Неплохое начало. Человек Будущего — женщина».

Вся жизнь (1998)

Марко Каррере
До востребования — Рим, Остьенсе
ул. Мармората 4–00153

Париж, 22 октября 1998 г.

Дорогой Марко!

У меня сложилось впечатление, что я никогда не расстанусь со своим Джорджо Манганелли[56].

Разгребала наконец-то свой письменный стол от завалов бумажек, книг и прочей дребедени, которая копилась здесь годами после защиты диплома. Не знаю, я почему-то стала читать ксерокопии, оказавшиеся в книжке «Центурия», которую я вдоль и поперек перелопатила, перечитав раз десять, когда работала над диссертацией. Это были три странички, три скопированных стихотворения, не предназначавшихся, разумеется, для исследования, к которому они не имели

---

[56] Примечания: 56

Джорджо Манганелли (1922–1990) — итальянский писатель, поэт, переводчик, литературный критик, журналист, один из наиболее последовательных теоретиков «неоавангарда». Его перу принадлежит роман «Центурия» (1979), состоящий из «потока ста маленьких романов».

отношения, просто лежали себе там, забытые и вчера обнаруженные, когда я решила выселить Манганелли со своего стола. Найдя стихи, я сразу вспомнила день, когда прочла их в книге моего профессора, и свое незамедлительное, неукротимое желание сделать с них ксероксы: именно с этих трех. Было это в году 1991-м или 1992-м, мы с тобой потерялись и уже порядочно времени не писали друг другу. Я только что вернулась в Париж из Больгери, был сентябрь, и, как всегда в сентябре, я жила под впечатлением от тебя, от тех абсурдных дней, проведенных в этом неладном месте, наполненных тобой и тобою же опустошенных. Я прочла эти стихи, и они запали мне в душу, потому что говорили о нас. Я сняла с них копии и вложила в книгу, с которой, как мне думалось в тот момент, не расстанусь вовеки. Потом наступил день, когда я о них забыла, потом наступил другой, когда я бросила копаться в «Центурии», хотя книга без всяких видимых причин продолжала оставаться на столе. И вот вчера наконец наступил тот день, когда я решила расчистить место и поставить книгу на полку рядом с другими, желая освободиться от своего идефикса — Манганелли, лошадки, на которой в Сорбонне далеко не уедешь. И как раз в момент

окончательного расставания эти три стихотворения выпали из книжки, и все началось по новой.

Вот они:

1.

Перед нами вся жизнь,
которую нам вместе НЕ прожить.
На книжных полках Господних
покрываются пылью возможные жесты:
наши объятия и наша нежность
засижены мухами-херувимами;
чучела набитых опилками чувств
сидят, нахохлившись, как сычи.
«Невостребованный товар!», – вскричит латунный ан-
гел – десять ящиков жизней возможных.
И явится за нами смерть, мы ведь должны умереть:
случайная смерть, ненужная,
рассеянная, и тебя рядом не будет.

2.

Мне хотелось тебя увидеть:
хочу запустить пальцы в копну твоих волос
и издавать вопли свободы
в текущие медленно дневные часы;
бунт твоих земных ладоней,
размахивающих полотнищами стягов
и осуждающих нерешительность,
осторожность отчаяния, время.
Мне нужно видеть вопль во взгляде,
и помимо тягот твоей жизни,
я требую еще твоего смеха.

3.

Я спасаюсь от тебя,
Идя на сговор с твоим присутствием:
Применяя дружеские, выверенные слова,
Я принуждаю тебя не быть.
Я не боюсь твоего лица.
Оно, как я знаю, сделано из ничего,
Случайный сгусток меня самого,
Ничего женственного:

Только так я спасаюсь от твоей крови;
Ибо ты пугаешь меня,
Приближаясь ниоткуда к чему-то.

Я понимаю, эта история кажется надуманной. Но ты меня знаешь и знаешь, что истории я выдумывать не умею из-за отсутствия воображения. Эта история, Марко, чистая правда, точно так же как внизу третьей страницы синей ручкой я переписала эти слова Дж. М., ставшего моим тюремщиком, — я точно помню, когда и почему это сделала, и что перед этим выпила, и какая стояла погода, но не буду тебя утомлять:

«Значит, тебе известно, что это описание нашей любви и что меня нет там, где есть ты, а тебя нет там, где есть я?»

Обнимаю тебя (в письме можно).

Луиза.

Мулинелли (1974)

Из всех мест Ирена Каррера выбрала Мулинелли однажды августовским вечером, и из всей семьи это понял один только Марко, которому было почти пятнадцать, хотя с виду можно было дать двенадцать из-за той гормональной недостаточности, о которой говорилось.

Впрочем, частые смены настроения Ирены, ее сцены, бунты, периоды мрачного молчания, ее мнимые воскрешения, любовные увлечения, приступы оптимизма, за которыми снова следовало уныние, ожесточение и глупые поступки, которые она совершала специально, чтобы привлечь к себе внимание, даже когда ей было шестнадцать, семнадцать, восемнадцать лет, еще сильнее насторожили ее и без того встревоженных родителей, привыкших к ее выходкам. Она находилась под наблюдением очень хорошего психотерапевта, доктора Зейхена из Флоренции, который в августе, однако, как все психотерапевты, отправился в отпуск. На самом деле он оставил Ирене свой номер, по которому она в случае необходимости могла его найти, но это

был заграничный номер с непонятным кодом страны, слишком *длинным*, отбивавшим охоту звонить. Август начался у Ирены неплохо, она попыталась им насладиться, запланировала поездку в Грецию с двумя подругами после сдачи выпускных экзаменов, но все сорвалось, так как одна из них завалила экзамен; задуманная вместо той поездка в Ирландию так и осталась на уровне обсуждения; огромное желание провести пару дней в тосканской Версилии, где можно было развлечься, по утверждению ее друзей, само по себе отпало, как бывало каждый год. Поэтому ближе к празднику Успения Богородицы Ирена оказалась в Больгери, чтобы задыхаться здесь от скуки; в Больгери, где она проводила каждое лето и откуда в тот год, став совершеннолетней, с аттестатом зрелости и удовлетворительными отметками, наивно надеялась сбежать. Но хватило провала подруги, чтобы сорвались все прожекты, обнажив внезапно узость круга ее социальных связей, что было одновременно и следствием, и причиной ее глубочайшей депрессии. Отец, который читал и стряпал, мать, которая загорала и тоже читала, двое маленьких, суперспортивных

братьев, выходы в море на старом «Ворьене»[57], разъеденном солью, местные друзья, заполнявшие ближайшие дискотеки, куда ей было противно войти, доктор Зейхен, скрытый за кодом неизвестной страны, и вдобавок еще и беспокойство за Марко, ее несмышленого братишку, которому в том году предстояло лечение сразу по окончании каникул, — придя к соглашению по этому вопросу, родители каждый божий вечер продолжали его обсуждать, а Ирена — их подслушивать.

Итак, в один из августовских вечеров, когда погода уже испортилась и по всему побережью дул юго-западный ветер, Ирена встала из-за стола после незатейливого ужина из остатков вчерашнего, сказав, что идет на пляж привязать к кабинке катер, поскольку ночью ожидается шторм. Выглядело это нормально — однако нормальным не было: их отец был сдвинут на этой лодке и сам следил за ее сохранностью, но никак не Ирена. Ничего не заподозривший отец сказал ей «молодчина» и отправился в свою комнату.

---

[57] Примечания: 57

Имеется в виду маленькая яхта, созданная во Франции в 1952 г. Модель приобрела большую популярность в Европе благодаря технологичной конструкции из морской фанеры с отличными мореходными качествами. Название построено на игре французских слов «vaut» и «rien» — «ничего не стоит».

Марко же сообразил, что Ирена собирается утопиться в этой короткой и самой опасной морской полосе, которую называли Мулинелли, напротив их пляжной кабинки, где вода всегда неспокойна, а течения тянут на дно даже в штиль. И что самое страшное, уже утонули четверо, с тех пор как Каррера обзавелись здесь летним домом, — все, по слухам, самоубийцы. В тот момент как Ирена выходила из дома, закинув на плечо свернутый пеньковый канат, Марко опешил, заметив, что ни мама, которая мыла посуду, ни Джакомо, который ее вытирал, не шелохнулись, не сделали ни единого движения, чтобы ее остановить. Он опешил, но тут же сообразил, что именно ему предстояло спасти сестру, и эта мысль внезапно придала ему храбрости. Не сказав никому ни слова, он выскользнул из кухни и вышел из дома.

Небо затянули тучи, вот-вот хлынет дождь. Дымчатый свет заката угасал, воздух был жарким и липким. Отчетливо слышался рокот взбесившегося моря. Марко выскочил бегом из сада и бросился по дорожке, ведущей к дюнам, в глубине которой мелькала белая майка Ирены. Марко прибавил ходу, стараясь нагнать сестру, но та его заметила и, не поворачиваясь, велела немедленно возвращаться домой. Марко не послушался

— напротив, поскольку она его заметила, он подбежал еще ближе. Если бы Ирена не собиралась топиться, она бы его подождала и была бы рада, что он решил помочь ей привязать «Ворьен» к кабинке, но она была отнюдь не рада и, повернувшись к нему, угрожающим тоном повторно приказала немедленно возвращаться домой. Марко все-таки не остановился, он стремительно шел за ней. Тогда остановилась она, дождалась его, а когда он приблизился и остановился рядом с ней, не зная, что делать дальше, она схватила его за плечи, резко развернула и поддала пинка, не ожидая которого, он упал. «Проваливай!» — закричала Ирена, развернулась и пошла, а потом побежала. Марко подхватился на ноги и бросился за ней. Несмотря на то что он был гораздо меньше ее — он, впрочем, всегда был меньше любого, — он ощущал в себе необычайную силу, которой хватило бы, чтобы помешать ей прыгнуть в пучину. Конечно, если бы рядом оказался кто-то еще, он бы для надежности позвал на помощь, но там не было ни одной живой души, а они уже почти подошли к дюне, и Марко готов был броситься на Ирену, скрутить ей за спину руки, а если понадобится — повалить и держать ее, прижимая к песку, пока она не сдастся. Он был легкий, про-

ворный, хорошо умел драться. Тот пинок был неожиданностью, такого больше не произойдет.

Перед дюной, где рев моря становился громче, Ирена снова остановилась и повернулась. Марко, следовавший за ней в двух шагах, тоже замер. Оба тяжело дышали. Пристально глядя на него с дьявольской ухмылкой, сестра дико вскрикнула, чем до смерти напугала его, и стала размахивать в воздухе концом пенькового каната, словно это был хлыст. Она пятилась назад, отмахивалась от него хлыстом, но он следовал за ней неотступно, не спуская глаз с конца каната, который свистел у него перед носом, едва не касаясь лица. Он не сводил глаз с этой раскачивающейся гидры, чтобы не смотреть на Ирену и не видеть бесовского выражения ее лица.

Приблизились к пляжу. Ирена перестала хлестать по воздуху канатом и подошла к катеру. Оставленный на берегу, он и вправду находился в опасности: вздувшись, море могло его унести. Вереди — воды Мулинелли, в морской темноте кипели их пенистые волны, а юго-западный ветер крепчал. Ирена всматривалась в них, став в стойку, как охотничья собака, Марко приготовился, чтобы прыгнуть на нее в нужный миг и не дать ей уйти из этого мира. Но Ирена сделала

шаг вбок и буквально обняла нос маленькой яхты, лаская разъеденную солью фанеру, как ласкают лошадиную гриву. Марко, по-прежнему весь как пружина, готовая разжаться, смотрел на нее, пока она набрасывала на мачту петлю, а другим концом каната опоясывала бедра. Он не шевельнулся, пока она втаскивала лодку к их пляжной кабинке, двигаясь спиной вперед, не подкладывая ни резиновых роликов, ни круглых деревяшек, рывками, полагаясь на свою силу. Когда «Ворьен» был надежно закреплен, Ирена отвязала от себя канат, привязала его морским узлом к кабинке и повернулась: на этот раз Марко посмотрел ей в лицо, пристально вглядываясь в сгущавшейся темноте, но того страшного выражения, с которым она хлестала воздух, не было.

Они вернулись домой, стараясь шагать в ногу, чтобы идти обнявшись, но вопреки принятым правилам: он, мужчина, обнимал ее за талию, а она, женщина, обнимала его за плечи. Время от времени она проводила средним пальцем по его шее, легонько-легонько, как муравей, между двумя нервами, расположенными у нас по краям позвонков.

Weltschmertz & Co. (2009)

Кому: Джакомо — jackcarr62@yahoo.com
Отправлено: Gmail — 12 декабря 2009 г. 19:14
Тема: Вселенская боль
От: Марко Карреры

Дорогой Джакомо!

Внезапно обнаружилась одна вещь, о которой я должен тебе рассказать, потому что ты единственный человек на свете, кого это может интересовать или, во всяком случае, хотя бы касаться.

Накануне я был в доме на площади Савонаролы, желая проверить, все ли там в порядке. Не спрашивай меня, зачем я это делаю. Время от времени хожу туда с проверкой. Дом потихоньку приходит в упадок, оттуда следовало бы все вынести, привести в порядок и хотя бы сдавать, поскольку продавать его сейчас, в период кризиса, не имеет смысла, и пока все, что я могу сделать, — это заглядывать туда время от времени, убеждаясь, что там нет протечек, поломок и потолок не обвалился. Короче, чтобы все это не рухнуло в

одночасье. Газ я отключил, а воду нет, иначе при желании невозможно будет сделать даже уборку. Я не хожу туда убирать, мне даже в голову такое не приходит (для кого там убирать?): хожу туда с проверками. Чтобы все это не рухнуло в одночасье. Ты меня понимаешь? Ты, заявивший, что ноги твоей здесь не будет, ты понимаешь? Скорей всего, нет. Но я хотел поговорить с тобой не об этом.

Короче, вчера я был в доме. И в какой-то момент мне вдруг захотелось войти в комнату Ирены, сам не знаю почему. Мне было известно, что там все осталось неизменным, я бывал в этой комнате неоднократно, когда еще там жил, и потом, когда приезжал на праздники из Рима. Я знал, что мать с отцом содержали ее в чистоте и неприкосновенности, кровать всегда застелена, словно Ирена должна явиться с минуты на минуту. Я открывал дверь, входил и смотрел: кровать, синее покрывало, на письменном столе порядок, на книжных полках полный беспорядок, красивая настольная лампа, некрасивая настольная лампа, на стене гитара, пластинки, проигрыватель, шкаф с афишей Жака Майоля и другой — с Лидией Ланч, кукольный «дом над водопадом», который папа специально для нее смастерил, абсолютный

его шедевр. Я входил в ее комнату, осматривал и выходил. По правде сказать, раньше я это делал чаще, чем теперь: сейчас, когда я появляюсь там, чтобы проверить, все ли в доме в порядке, я в нее никогда обычно не заглядываю, поскольку уверен, что с этой комнатой уже никогда не может быть никаких проблем. Это — почившая комната, если ты понимаешь, что я хочу этим сказать. Но вчера утром, непонятно почему, я в нее вошел. И не ограничился осмотром: уселся на кровати, измяв безупречно разглаженное синее покрывало. Включил красивую настольную лампу. Сел за письменный стол. Так вот, если бы за все эти годы, а их прошло немало, ты меня спросил, что находилось на письменном столе Ирены в ее почившей комнате, я бы тебе ответил «ничего». То есть что там была красивая лампа, карта мира из журнала «Нэшнл джиографик» на стене под стеклом, взятый в рамку барельеф «Шоу ужасов Рокки Хоррора»[58]*, который Ирена никогда бы не повесила на стену, то есть, собственно, практически ничего. И тем не менее там что-то было, было всегда и до сих пор находится там. Книга. Одна из тех старых, которые*

---

[58] Примечания: 58

Имеется в виду мюзикл «Шоу ужасов Рокки Хоррора» английского композитора и актера Ричарда О'Брайена в постановке Джима Шермана.

берегут, обложка без иллюстрации, обернутая для сохранности в целлофановую пленку, как папины книги «Урании». Видимо, из-за того, что она сливалась по цвету со столом, я ее никогда не замечал. Это сборник стихотворений, называется «Много сезонов», автор — Джакомо Прамполини[59]*, я о таком никогда не слышал. Я взял ее и погладил, словно сама целлофановая обертка об этом просила. Потом я раскрыл книгу наугад. То есть на той странице, на которой она сама захотела открыться, а именно на странице 25, где лежал сложенный вдвое листок из школьной тетради, который выпал из нее на стол. Прежде чем его открыть, я прочитал стихотворение, напечатанное на той странице. Вот оно:*

Брошенная тобой,
я сломаюсь, ты знаешь,
у тебя на это расчет, ты думаешь:
без нее я стану сильнее.

Полна уверенности наша любовь!

Но у любой твоей неудачи

---

[59] Примечания: 59

Джакомо Прамполини (1898–1975) — итальянский поэт, переводчик, полиглот (знал 60 языков), лингвист и литературовед.

будет мое имя и то, что я значу,
я разделю твою боль
без улыбки надежды.

Равнодушные кроны тополей
раскачиваются на заре от ветра,
мужчина и женщина уходят,
две первые и вечные фигуры времени.

Не знаю, Джакомо, как тебе, но, по-моему, это самые грустные стихи, когда-либо написанные. Потом я развернул листок бумаги, упавший на пол. Он был исписан почерком Ирены синими чернилами. Я прочел:

Июнь 1981 года

Weltschmertz & Co.

Weltschmertz (подчеркнуто) — Вселенская Боль. Усталость мира. Жан Поль. Толкин. Эльфы. Джакомо Прамполини, «Много сезонов».

Аномия (подчеркнуто) — Эмиль Дюркгейм, «Суицид» (1897)

Дуккха[60] *(подчеркнуто) — Санскрит. Условие страдания. Буквальный перевод: «трудно вынести» (подчеркнуто)*

Бхагаван[61] *был в Саватхи*[62] *и там говорил: «Бхикшу*[63]*, я поведаю вам о происхождении дуккхи и об исчезновении дуккхи. Внемлите мне, сосредоточьте все внимание на моих словах, и я поведаю вам».*

«Очень хорошо, досточтимый», — ответили бхикшу, и бхагаван посвятил их в свое учение.

«Из чего, о бхикшу, возникает дуккха?»

«В зависимости от глаза и зримых предметов возникает окулярное сознание; из встречи этих трех элементов возникает контакт, в зависимости от контакта возникает ощущение; в зависимости от ощущения возникает страст-

---

[60] Примечания: 60

Дуккха, ду́хкха — термин, который обычно переводится с санскрита как «страдание». Играет центральную роль в буддизме, где Четыре Благородные Истины о страдании преподаются как ключ для достижения конечной цели — нирваны, освобождения от страданий.

[61] Примечания: 61

В индуизме — имя-эпитет высших божеств, прежде всего Вишну. В буддизме этим титулом называют Гаутама Будду.

[62] Примечания: 62

В древности — индийский город в долине реки Ганг, столица государства Кошала. Согласно буддийской традиции Саватхи (совр. назв. Шравасти) — один из основных центров проповеднической деятельности Будды. Место паломничества буддистов.

[63] Примечания: 63
Высшая степень монашеского посвящения в буддизме.

ное желание. Это, о бхикшу, и есть источник дуккхи.

В зависимости от уха и звука возникает акустическое сознание; в зависимости от носа и запаха возникает обонятельное сознание; в зависимости от ума и предметов познания возникает ментальное сознание; из встречи этих трех элементов возникает контакт, в зависимости от контакта возникает ощущение; в зависимости от ощущения возникает страстное желание. Это, о бхикшу, и есть источник дуккхи».

«А что означает, о бхикшу, исчезновение дуккхи?»

«В зависимости от глаза и зримых предметов возникает окулярное сознание; из встречи этих трех элементов возникает контакт, в зависимости от контакта возникает ощущение; в зависимости от ощущения возникает страстное желание. Только лишь с полным завершением этого желания и достижения архата прекращается привязанность, с прекращением привязанности прекращается бхава[64]*, с прекращением бхавы прекращается реинкарнация, с*

---

[64] Примечания: 64

Бхава — жизнь, бытие, происхождение. В некоторых школах индийской философии бхава означает эмпирическое бытие, становление, противопоставляется неизменному и абсолютному сущностному Бытию.

прекращением реинкарнации прекращается старение и умирание, а значит, мучения, стенания, телесная боль, помрачение рассудка и агония прекращаются. В этой последовательности происходит прекращение всей массы дуккхи. Это, о бхикшу, и есть исчезновение дуккхи».

Ей было гораздо хуже, чем мы думали, Джакомо.

Я забрал книгу с собой и прочел ее залпом. Стихи на странице 25, несомненно, лучшие из всех и в то же время самые грустные. А в конце — я чуть было не прошляпил — под целлофановым клапаном обертки я нашел запись, перевернутую текстом наоборот, вероятно, чтобы никто не увидел, она написана крошечными буквами карандашом, вероятно, чтобы никто не прочел:

«Нужно быть крайне осмотрительными, Лоренцо, прежде чем изливать душу. Всегда».

Лоренцо?

Что еще за черт, кто такой этот Лоренцо? Кто теперь скажет?

Мы о ней не знали ничего, Джакомо. Она знала обо всех нас все, мы о ней — ничего.

Обнимаю дисплей.

Марко.

Gloomy Sunday (1981)[65]

Воскресенье, 23 августа 1981 года.

Больгери — это место или, точнее, часть побережья на юге Марина-ди-Биббона, которое одни называют Ренайоне, другие Палоне, а семья Каррера именует в широком смысле Больгери, подразумевая под этим названием не рядом находящееся поселение, что примыкает к замку рода Герардеска, а расположенный непосредственно ниже от него пляж и сосновый бор, тоже, впрочем, принадлежащие до сих пор этому благородному семейству. На диком участке побережья супруги Каррера в начале шестидесятых годов нашли возможность купить расположенный сразу за дюнами старый развалившийся хутор с небольшим сосняком вокруг. Имея двух маленьких детей и третьего на подходе, они намеревались превратить это место в символ счастья, которое, как им представлялось, они будут излучать вокруг себя и распространять по миру. Перестройкой руин занимались оба, в любви и согласии, Летиция отвечала за форму, Пробо — за размеры, и поэтому

[65] Примечания: 65
Мрачное воскресенье (*англ.*).

с годами дом расширился и вырос, с разрешениями или без оных, трансформировавшись из деревенской лачуги в элегантный загородный особняк — buen retiro[66] — в самом сердце Маремммы[67]. Жаль, что за это время любовь и согласие, царившие между Летицией и Пробо, исчезли, и поэтому их упорное желание проводить здесь каждое лето всем семейством очень напоминало акт мазохизма.

Другим местом, которое необходимо упомянуть в связи с сегодняшним вечером, является ресторан на пляже Сан-Винченцо, открывшийся едва ли год назад и успевший завоевать неслыханную популярность.

Еще одно место — залив Баратти, о котором много не скажешь: это просто одно из чудес света.

Члены семьи Каррера в полном составе собрались в доме в Больгери. Паста с рагу, приготовленная Пробо четыре дня назад, несколько раз подогревавшаяся в духовке и доведенная до точки, когда она, как кабан Одина, казалось,

---

[66] Примечания: 66

Благое уединение (*исп.*).

[67] Примечания: 67

Маремма — географическая область в Тоскане, полоса низменных, ранее заболоченных участков на западном побережье Италии.

сама по себе возрождалась, все же была съедена. Поскольку было воскресенье и синьора Ивана, приходившая к ним из Биббоны по будням стряпать и убирать, в этот день не явилась, ужинать было нечем. Двое членов семьи, которые обычно в подобных этому экстренных случаях занимаются решением вопроса, — Пробо и Марко — были заняты в тот вечер делами, не терпящими отлагательств. Пробо собирался с Летицией на ужин в Сан-Винченцо, в ресторан «Красный лобстер» праздновать пятидесятилетний юбилей вдовы его друга Альдино Мансутти: именно он, Пробо, обнаружил этот потрясающий приморский ресторанчик и убедил Титти приехать сюда из Пунта-Алы, а это три четверти часа езды на машине. Он заказал столик, он оплачивает ужин, поскольку это его вечер, хоть и виновница торжества она. Последнее, о чем он думал, — это о том, что дом остается пустым.

Марко вообще ожидало событие, которому предстояло изменить его жизнь: он пригласил на ужин Луизу Латтес, девушку из соседнего дома, в которую был уже два года влюблен, и она приняла его приглашение. Но это было не какое-то заурядное приглашение по крайней мере по трем причинам: 1) Луизе всего пятнадцать, тогда

как ему двадцать два, и это означает, что Марко влюбился в нее, когда ей было тринадцать; 2) его семья и семья Луизы уже долгие годы пребывают в раздоре, каждая из них убеждена, что играет роль жертвы в старой комедии о злых соседях; начало положил скандал, устроенный отцом Луизы (адвокатом гигантского роста, наглым реакционером, который в следующем году решится переехать с семьей в Париж «из опасения, что к власти придут коммунисты»), он много лет назад выдвинул против Летиции необоснованное обвинение, что она-де накормила отравленной котлетой его любимого пойнтера, безудержно лаявшего ночи напролет и, по правде сказать, всех доставшего. На самом деле в непримиримой вражде находились только Летиция с адвокатом: мамаша Латтес и Пробо Каррера, схожие по характеру, всегда держались в стороне, стараясь стерпеть вспышки ругани своих супругов, тогда как их дети сперва побратались, что вполне логично в столь унылом месте, как это, где нелегко найти альтернативу соседу по дому, — а потом тайно, или не очень, влюбились друг в друга. Конец изоляции положила Ирена, сойдясь четыре года назад со старшим братом Луизы — Карло, парнем, так сказать, обстоятельным — нака-

чанные мышцы, светлое волосяное покрытие и сыновняя почтительность, — на которого Ирена при нормальном положении вещей даже бы не взглянула, но в ситуации семейного раздора тот становился живым воплощением запретного плода, вкушаемого все лето на глазах у враждующих сторон, зеленеющих от злости; она выкинула его за ненадобностью, как мешок перегноя, во Флоренции, в сентябре, где их уже никто не видел. Позднее (два года назад, как мы говорили) словно ударом молнии был сражен Марко Каррера при виде Луизы, повзрослевшей в мгновение ока с прошлого лета, если не по возрасту — ей было только тринадцать, — то по меньшей мере физически, а также очевидно поумневшей, поскольку роковой взгляд Марко застиг ее за чтением «Доктора Живаго», его любимого произведения: она сидела на песке, прислонившись спиной к пляжной кабинке. Два года, прошедших с того самого взгляда, Марко прожил в чистом и простом ожидании, пока Луиза достигнет возраста, когда его интерес к ней не будет представляться ей нездоровым, и этим летом ему показалось очевидным, что ждать еще год до решительного шага означает уступить кому-то свой приоритет, назовем это

ius repertoris[68] — подобно приоритету его отца на «Красного лобстера» или Ирены на музыку Ника Дрейка. Однако решительно неловким это приглашение на ужин становится по причине номер 3, про которую Марко не знает, но знает Луиза: в то же самое утро Джакомо, вернувшийся из поездки по Португалии, где был со своей невестой после выпускных экзаменов — да, Джакомо, ретивый, мускулистый, раздражительный, великодушный младший братец Марко, столь на него непохожий, столь красивый, элегантный, загоревший и вместе с тем хрупкий и легкоранимый и тоже закомплексованный, — под конец идентичного годового ожидания сближения, в равной степени тайного и мучительного, даже еще более тайного и мучительного, если считать, что он уже два года был помолвлен, — тоже пригласил Луизу поужинать, и она, сделавшая свой выбор еще девочкой, то есть раньше их всех, ему отказала. И хотя, надо думать, Марко не говорил домашним, с кем он собирается провести сегодня вечер, Джакомо — весь как оголенный нерв после отказа — кое-что заподозрил: он видел, как Луиза и братец трещали на пляже подобно двум

[68] Примечания: 68
Здесь: Право открывателя (*лат.*). Термин придуман автором.

сорокам. Поэтому и у Джакомо не было никакого желания думать вечером о еде.

Ирена, со своей стороны, тоже была на пределе. Это было видно. Видно невооруженным глазом. Видно по впавшим глазам и темным глазницам, по вздувшейся на виске голубой жилке, по налету соли на волосах, даже не собранных в хвост, по ее бесцельному блужданию по дому тихой поступью призрака с плеером, в наушниках и, главное, по музыке, которую она слушает, если бы кто-то дал себе труд послушать: она слушает Gloomy Sunday, венгерскую песню самоубийц, сгубившую, согласно легенде, десятки жизней в Будапеште в тридцатые годы, по причине ее невыносимой грусти, тут звучащей в кислотном исполнении — хриплым шепотом, на диссонансе с отчаянием и без последней строфы, добавленной американцами, чтобы слегка подсластить пилюлю (dreaming, I was only dreaming — дескать, все было сном, поэтому герой не кончает с собой), недавно выпущенной Лидией Ланч, героиней Ирены, и маниакально переписанной ею на обе стороны кассеты, которую она слушает целыми днями, только ее одну, в красном плеере, подаренном ей на Рождество братьями. Да, эта песня — сигнал тревоги, звучащий уже давно, но ее

никто не слышит. Да, Ирена на пределе, но этого никто не видит.

Не видит даже Летиция, которой смертельно не хочется ехать с мужем на этот ужин, и если бы она это видела, то воспользовалась бы как отговоркой, чтобы остаться дома и приготовить дочери тарелку спагетти, после чего — если бы она видела, что Ирена на пределе, но она этого не видит, — попробовала бы с ней поговорить и услышать, как ее посылают подальше, что могло бы в данной ситуации оказаться спасительным. Но она не видит: Летиция не видит слона, несущегося на всех парах, который вот-вот вдребезги разнесет ее дом. Она, как всегда, недовольна, безвольна. У нее, как всегда, легкая головная боль. Ей до смерти не хочется делать то, что она собирается, но она, как всегда, это сделает.

Никто не думает о еде сегодня вечером в доме семьи Каррера, никто не думает об Ирене — и дом пустеет. Первым выходит Марко, которому предстоит совершить ложный маневр из-за войны между соседями. Он прощается со всеми и выходит, думая об уловке, которую они придумали с Луизой. Вскоре выедет и она, на велосипеде, и направится в сторону дома своей подруги Флорианы, которая является соучастницей сговора,

как кормилица Джульетты. Но в доме подруги Луиза не задержится, а прямиком проследует к «Красному дому», где Марко и будет ее ждать. Она оставит там свой велосипед и пересядет в его «Маджолино»[69], он уже решил, куда они поедут: в самое красивое место на свете. Впервые в свои двадцать два года Марко собирается узнать, что такое счастье, и готов к этому. И хотя они об этом еще не говорили, он не сомневается: Луиза отвечает на его любовь взаимностью. Он представляет — в общих чертах, — что произойдет, и ни о чем другом думать не может.

Затем выходят Пробо с Летицией, они красиво одеты, Пробо действительно в хорошем настроении, Летиция только делает вид, но, забравшись в машину, к своему великому удивлению, обнаруживает, что хорошее настроение мужа сегодня вечером заразительно. Пожалуй, действительно хорошее настроение — это перебор для нее, и то, что Летиция вдруг начинает испытывать, больше похоже на целебную сестринскую нежность к мужу, когда она видит его столь возбужденным, столь сконцентрированным на вечере, а ведь он никогда не бывает центром, в частности ее вни-

[69] Примечания: 69

Автомобиль концерна «Фольксваген», символ возрождающейся послевоенной немецкой экономики, выпускался до 2003 г.

мания, уже многие годы. Он им не будет и сегодня вечером, между прочим, поскольку центром внимания станет юбилярша, эта старая перечница, щеголяющая крикливыми драгоценностями, а неизменным предметом разговора станет ее Альдино, друг детства Пробо, погибший одиннадцать лет назад в той нелепой аварии. Аварии, неверно квалифицированной как «авария на дороге с участием мотоцикла» только потому, что он сидел на своем новеньком с иголочки двухколесном коне «Гуцци-V7 Спешиал» и ехал по государственной автостраде «Аурелия» на уровне церкви Сан-Леонардо, между Пизой и Ливорно, едва миновав мост через Арно, когда на него обрушился бак со 170 литрами воды, оторвавшийся от грузового крюка вертолета «Белл-206», называемого еще «Джет Рейнджер», приписанного к расположенной неподалеку американской военной базе Кэмп-Дарби и помогавшего итальянским пожарным тушить с воздуха обширные лесные пожары, вспыхнувшие на нижних пизанских холмах и угрожавшие жилому поселению Фаулья. Именно в связи с этой аварией, случившейся много лет назад, но все еще свежей в памяти и раздирающей ему сердце, именно сегодня, во время поездки в «Красный лобстер», когда

пришлось проехать по той же автостраде, на которой все и случилось (только на пятьдесят километров южнее), Пробо решается изложить Летиции свой собственный инженерный расчет концепции скорби, чем еще больше ее растрогает. В спустившихся сумерках, ведя машину, он рассказывает ей о том, о чем никогда не рассказывал, — об усилиях, предпринятых им, чтобы доказать алгебраическим способом абсурдность той жестокой и немыслимой гибели, — чтобы тем самым, хотя это звучит нелогично, принять ее и смириться. Он вбил себе в голову, продолжает он, рассчитать вероятностные характеристики этой аварии. Он раздобыл все данные, собранные в ходе следствия: маршрут вертолета, его скорость, высоту, вес бака, к которому нужно было прибавить вес зачерпнутой им воды, скорость ветра и скорость мотоцикла в момент столкновения. Таким образом, произведя сложные расчеты, он сделал выводы, утверждавшие прямо противоположное тому, что собирался доказать: вместо искомой невероятности происшествия цифры говорили, что речь идет о неизбежном результате взаимодействия поля сил, не оставлявшего иного выхода. Тогда, продолжает он, он изменил точку подхода, попытавшись поставить вопрос так,

как его бы поставила она, то есть не мудрствуя и креативно, — и тут Летиция еще больше расчувствовалась. Понадобился лишь простой расчет, один-единственный: сколько метров в секунду пролетал вертолет? Расчет плевый, поскольку Пробо располагал всеми данными: 43. Каждую секунду вертолет пролетал 43 метра. А Альдино? Какова была скорость Альдино в пересчете на метры в секунду? 23,5. Поскольку, объясняет он, все результаты его прежних расчетов оставались неизменными независимо от момента отрыва крюка, это означает, что если бы крюк оторвался секундой позже, бак с водой упал бы на 43 метра восточнее, прямо на церковь Сан-Леонардо (он проверял), а Альдино в любом случае проехал бы на 23 с половиной метра вперед. Иными словами, он не только бы не погиб, но даже, наверное, ничего не заметил и без всяких задних мыслей продолжил путь домой. Это если бы крюк оторвался на секунду позже. А что, если бы он оторвался на *десятую долю секунды* позже? В реальной жизни, продолжает он, десятая доля секунды — ничто, пустяк, своего рода абстракция, моргание ресниц, но если бы в тот день крюк оборвался на десятую долю секунды позже, бак с водой упал бы на четыре метра и тридцать

сантиметров дальше той точки, в которую в реальности он угодил, а Альдино оказался бы на два с половиной метра впереди. То есть он бы все увидел, перепугался, но с ним опять-таки ничего бы не случилось. *Двадцатая* доля секунды — пять сотых? Ничего: два метра пятнадцать — метр двадцать пять — самое время ставить свечку Мадонне, но опять-таки он был бы жив. *Три* сотых: метр тридцать — семьдесят сантиметров — бац, удар в точку. Поэтому, подытоживает он, гибель Альдино произошла по воле непредсказуемого события и трех сотых секунды.

Здесь Пробо прерывается и спрашивает Летицию, слушает ли она его. Летиция его слушает. Она отвечает ему да, поскольку действительно слушает его с непривычным вниманием — нежным, мы уже говорили, ведь прямо сейчас Пробо рисует свой автопортрет. Пробо молча паркуется, они прибыли в место назначения, на площадь, где находится ресторан. Гасит фары. Глушит двигатель. Опускает стекло. Прикуривает сигарету.

К этому заключению — возобновляет он рассказ — он пришел, представив, как она, Летиция, подошла бы к вопросу: один-единственный расчет для простого и поразительного заключения — не десятки расчетов для сложного и маловажного.

Это — подход архитекторов, говорит Летиция. Нет, возражает ей Пробо, это — подход Летиции Калабру. Из этого, добавляет он, у него возникло совершенно новое видение смерти Альдино — видение, говорит Пробо, которое в нем всегда жило и которым он решил с ней сегодня поделиться. Без всякой необходимости в расчетах и так было ясно, что вероятность того, что крюк оборвется именно в тот день и миг, когда Альдино Мансутти будет проезжать через точку, в которую упадет водяной бак, была бесконечно малой. Одна на миллион? Одна на миллиард? Не имеет значения. Наверняка гораздо меньше, чем прямое попадание молнии в то время, когда бежишь в укрытие, говорит он, как это случилось однажды с инженером Чекки во Франции: там причиной были электрические разряды, молнии сверкали повсюду и разряжались, попадая в землю, на которой как раз находился инженер Чекки. Нет, говорит Пробо, продолжая курить и глядя прямо перед собой, обстоятельства, приведшие к гибели его друга, совершенно иные, более сложные, и случившаяся дорожная авария относится к разряду *почти* невозможных событий, в которых нечего рассчитывать. Такого рода событий, вероятность которых бесконечно близка к нулю, можно при-

вести сколько угодно, миллионы, говорит Пробо, но поскольку речь идет о смерти Альдино, ему сразу вспомнился случай, который он никогда не забудет и не выкинет из головы: как он убивает своего друга.

Улыбается. Глубоко затягивается. В наступившей темноте горящий кончик сигареты освещает красным его лицо. Он молчит и смотрит туда, где угадывается лицо жены.

— В каком смысле? — спрашивает она.

Потому что, продолжает он, их дружба была грандиозной, и она это знает, глубокой, насыщенной приключениями и эмоциями, но в то же время между ним и Альдино произошли по меньшей мере две запомнившиеся ссоры, о которых они никогда больше не говорили, поскольку конфликты были быстро исчерпаны и обошлись без последствий. Первая ссора произошла, когда им было по двадцать и они учились в университете. Пробо даже не помнит причину, может, из-за приглашения на какую-то вечеринку, а может, из-за девушки, и, вполне вероятно, Пробо тогда был неправ. Вторая ссора, которую Пробо помнит отлично и над которой он стал снова раздумывать после гибели Альдино, произошла много лет спустя, уже после университета, когда они

оба женились и стали отцами семейств. Памятна она потому, продолжает Пробо, что они охотились вдвоем в загородном угодье отца Титти, в Валломброзе[70], и оба были вооружены. Альдино внезапно выстрелил в куропатку, в которую целился Пробо. Он стоял за спиной Пробо, вскинул ружье над его плечом и выстрелил, напугав его до смерти, поскольку Пробо в это время сам прицеливался в куропатку и не ожидал услышать двух оглушительных выстрелов в двух сантиметрах от уха. Альдино поступил не по правилам, и то, что он сделал, было довольно опасно, но последовавшая за этим реакция Пробо была чрезмерной. Он завопил и высказал другу прямо в глаза все, что он о нем думал, осыпал его оскорблениями, отчасти не заслуженными, и ушел, дрожа от гнева и испуга, оставив того одного с собакой, которая принесла к его ногам проклятую куропатку. Вот, спрашивает Пробо у жены, разве невозможно представить, что во время той ссоры в нем на три сотые секунды мог возникнуть импульс прикончить Альдино? Он держал в руке заряженную двустволку, когда изрыгал на него ругательства

[70] Примечания: 70

Валломбро́за — лесистая область в Тоскане, где расположен государственный биогенетический заповедник; название небольшого поселения в лесном массиве.

как на самого последнего из людей: не думает ли она, что в какой-то неуловимый миг, который невозможно ни ощутить, ни запомнить, в нем возникло желание поднять ружье и выстрелить другу прямо в лицо?

Молчание. Летиция не знает, что ответить. Две желтые фары прорезают темноту и приближаются: это «Ситроен DC» Титти Мансутти. Летиция продолжает молчать. Да, отвечает Пробо, не сомневайся, возникло. Но так как судьба Альдино, замечает он напоследок, уготовила ему гибель в результате одного из самых невероятных совпадений во вселенной, когда все решалось в течение трех сотых секунды, то получается, будто он сам убил его в то утро. В сущности, одно и то же. Он выкидывает сигарету, открывает дверцу, выходит. Летиция следует за ним. «Ситроен» останавливается, показывается Титти со своими двумя дочерями. Все обнимаются и входят в ресторан.

В ту минуту, в двадцати километрах севернее, Ирена выходит из дома и направляется на пляж. Джакомо ее видит и с облегчением вздыхает, поскольку кое-что задумал, но не решался осуществить, пока Ирена бродила по дому, ведь она все всегда слышит, все всегда знает, а если не слы-

шит или не знает, то непонятно как, но все равно угадывает. Сейчас, когда она ушла, он может осуществить свой замысел. Речь идет о проверке. Он подходит к телефону и набирает номер соседнего дома — вот он, в сорока метрах отсюда, за забором, увитым жасмином. Гудок. Второй. Мать: Алло? Добрый вечер (измененным голосом), можно поговорить с Луизой? Мне очень жаль, но Луиза вышла, кто звонит, что ей передать? Джакомо застывает, сидя на диване, телефон на коленях. Алло (на том конце провода)? Алло? Джакомо вешает трубку. Ему Луиза сказала, что не сможет выйти из дома. Ирена тем временем уже оставила сад позади и поступью призрака направляется по дорожке в сторону дюны. За дюной — пляж. Перед ним — коварные Мулинелли.

Марко и Луиза тем временем поедают фокаччину, сидя на террасе закусочной среди пиний Баратти. С нетерпением людей, которые вскоре бросятся в объятия друг к другу, они поглощают лепешки, запивают пивом и перебрасываются короткими фразами. Твоя как? Супервкусная. Моя тоже. Закажем еще по одной? Оба так давно ожидают того, что должно случиться, и оба знают, что вскоре произойдет неподалеку отсюда, на пляже: Марко ждет этой минуты два года, Луиза — пять

или, может, десять лет, хотя если ее послушать, то, оказывается, всю жизнь. Марко Каррера: Луиза не помнит ни минуты в своей жизни, когда бы от этого имени у нее не начинало сильнее биться сердце. Когда она была еще совсем малышка и их семьи еще не поссорились, и Марко гонялся за ней по пляжу, понарошку пугая ее, или когда они с Иреной учили ее и ее брата ходить под парусом на их «Ворьене»; и даже когда фамилия Каррера стала запретной, но он как ни в чем не бывало продолжал улыбаться ей на пляже, был с ней любезен, или когда Ирена сошлась с ее братом и они как ни в чем не бывало целовались у всех на глазах, ей тогда было десять, и она ощущала себя счастливой, поскольку это означало, что любви не страшны никакие преграды и что однажды они с Марко смогут заниматься тем же… Сейчас они сидят на террасе закусочной, Луиза не спускает глаз с Марко, медленно жующего свою лепешку, и мысленно вспоминает все минуты ожидания этой встречи, что практически означает всю жизнь. Девственная красота Баратти, высокие и раскидистые кроны пиний, спокойное море, в котором отражаются огни, бесконечная нега этого августовского безлунного вечера, кажется, были заказаны специально,

чтобы отпраздновать осуществление единственного настоящего желания, которое она и Марко — да, и Марко тоже, — можно сказать, ждали всю свою жизнь.

А в «Красном лобстере» тем временем Летиция, сидя напротив Пробо, продолжает ловить себя на мысли, что испытывает к нему растущую нежность, настолько сильную, что она становится влечением. Вы о чем? Летицию физически тянет к мужу? Сколько времени они не занимались сексом? Многие годы. То, что Пробо рассказал ей о смерти друга, он, такой аристотелевский, прямоугольный, *скучный*, — это сделало его привлекательным? Или же это из-за ресторана, в котором они ужинают, — открытого Пробо, выбранного им для этого юбилейного ужина, грозившего в противном случае быть гнетущим, ресторана, полного восхитительных запахов и звуков, потрясающих блюд и сытых, довольных посетителей, — может быть, это делает Пробо столь притягательным? Летиция не большая гурманка, но все то, что она дегустирует сегодня вечером, кажется ей буквально сказочным: легкий суп из морепродуктов с шафраном, сладкий рис с омарами и эстрагоном, речной лосось, запеченный под шнитт-луком, клецки с луком-шало-

том, морской окунь с хрустящей картофельной корочкой, «живая» рыба Сан-Винченцо…

Это — вневременной ужин, то, что *впереди*, как она говорит о любом человеке или вещи, которые по-настоящему ее пленяют («он впереди всех», «он всех опередил», «вот кто действительно впереди»), и это пространственно-временное продвижение может быть предсказанием, а может им и не быть, то есть может обнаружить что-то, что утвердится в будущем (как этот ресторан и этот подход к приготовлению пищи) или же нет (как ее радикальная архитектура), но остается единственным условием, предъявляемым миру ее личной эстетикой: то, что не впереди, не может быть красиво.

Суфле из сезонных фруктов, гратен из малины с сабайоном на «святом» вине, «блюдо дня»…

И в конце концов Летиция снова испытывает тягу к Пробо, он кажется ей очаровательным и желанным, как четверть века назад, — подумать об этом сегодня после полудня показалось бы вздором. Ну а сейчас представляется вполне нормальным: они муж и жена, они выбрали друг друга двадцать пять лет назад, они и по сей день желали и желают друг друга. По окончании ужина Титти, не пригубившая вина, рассыпается

в благодарностях и уезжает на своем «Ситроене» в Пунта-Алу, домой, но ресторан «Красный лобстер» остается на месте, и если в нем нет кабинетов для постоянных клиентов, как было в «Пиноккьо», то есть по меньшей мере всегда свободный пляж, раскинувшийся перед ними, молчаливый и дикий, на который они выходят, обнявшись и пошатываясь от белого «Граттамакко», выискивая местечко потемнее.

Таким образом, за вычетом Джакомо, отрубившегося на диване от термоядерной смеси рома с «Нутеллой», в эту особую ночь с определенного момента и дальше четыре пятых семьи Каррера оказываются в горизонтальном положении на пляжном песке, в различных точках одного и того же побережья, ласкаемые плеском морской волны, и в разном состояния блаженства. Летиция и Пробо в Сан-Винченцо вкушают блаженство безумия, которое они только что совершили и которому — они это знают — не суждено повториться, и потому несравненного; Марко в Баратти с Луизой вкушают еще большее блаженство, которое дарят вспухшие от поцелуев губы и уверенность — увы, к сожалению, иллюзорная, как никогда более иллюзорная, — что эти поцелуи повторятся вновь и вновь; и наконец Ирена в

Больгери, самая свободная, самая блаженная, погасший мозг уже ничем не озабочен, безжизненное тело застыло, воды у Мулинелли подняли его на поверхность, и им играют волны у берега центрального Тирренского моря, где его найдут при отливе.

Вот она, сходит (2012)

Кому: Луизе
Отправлено — Gmail — 24 ноября 2012 г. 00:39
Тема: На помощь
От: Марко Карреры

Луиза!

Я задаюсь вопросом: что значит прочитать книжку? Достаточно остановиться на какой-нибудь площади и оглянуться вокруг: множество людей разговаривают по мобильникам. Я задаюсь вопросом: неужели им есть что сказать друг другу? Я задаюсь вопросом: как получаются цветные полоски в трехцветной зубной пасте? Попробовал установить в будильнике божественную мелодию вместо обычного звонка, но просыпаться все равно не хочется. Машина времени существует.

Адель.

На свете есть люди, протестующие против перевода времени на зимнее и летнее, Япония вообще не переводит стрелки. Сегодня очень сильный ветер, все летает. В залах ожидания чудовищно скучно.

Она умерла.

Три года назад, когда я вернулся сюда, на улице за моим домом возвышался подъемный кран. Под конец я, кажется, понял, что именно не в состоянии пережить ребенок, когда его родители разводятся.

Адель умерла.

Я читал, что в Пьемонте решено отстрелять четыреста косуль, которые выходят на проезжую часть дороги и создают аварийные ситуации. Я прочитал, что восемьдесят процентов недвижимости передается в Италии по отцовской линии. Прочитал, что в Милане живет один инженер, который по выходным устраивает в парке банкеты и соглашается выслушивать людей бесплатно. Прочитал, что Билл Гейтс и его жена разрешали своей дочери в детстве пользоваться компьютером строго ограниченное время.

А вот моя умерла, понимаешь? Моя Адель умерла, а я не могу за ней последовать, потому что осталась малышка.

Когда мне было шестнадцать, меня буквально сразила Джони Митчелл.

На помощь, Луиза. На сей раз я не справлюсь.

В меня угодила бомба.

Живу как на минном поле.

Вот она, сходит.

Я задаюсь вопросом: но у зла есть излюбленные маршруты или оно стервенеет, когда захочет?

Вот она. Сходит.

Влажная пелена забвения.

Shakul & Co. (2012)

И под конец он прозвенел. Телефонный звонок, которого родители боятся пуще ада, потому что это и *есть* ад, врата ада, и, к счастью, он раздается не у многих, пугает до смерти всех, но звонит лишь самым злополучным, отмеченым судьбой родителям, только немногим несчастнейшим из родителей, забытых Богом, пусть и опасаются его все, и самый страшный тот, что раздается посреди ночи — дзинь, — он настолько пугает, что его слышат, даже когда телефон молчит, в том смысле, что мы его слышали, даже когда никто не звонил, ибо у всех раздавался телефонный звонок посреди ночи, хотя бы раз в жизни, разбудивший нас и заставивший вскочить с кровати, — дзинь — и кровь в наших венах застыла в ту же минуту, а на часах было три сорок или четыре семнадцать, и мы сразу же подумали о «том», и не бросились отвечать сразу же, а пока телефон звонил — дзинь, — падали ниц и молились, да, даже те из нас, кто был неверующим, молились, чтобы звонок не имел отношения к тому, чего мы больше всего боимся, — может,

это просто загорелась наша машина на улице или соседний дом, хотя, впрочем, никакая это не машина и не соседний дом, мы отлично знаем, и поэтому не торопимся поднимать трубку, умоляя, чтобы жертвой оказался кто-нибудь другой, сжалься, Господи милосердный, Господи всемогущий, я Тебе никогда не молился, потому что я полный кретин — дзинь, — я не обращал на Тебя внимания и нарушил Твои законы, я грешил против Тебя и богохульствовал, наглый глупец я, и больше никто, я не достоин произнести Твое имя и не заслуживаю ничего, я стопроцентно буду гореть в аду — дзинь, — но все ж взываю к Тебе, Отче, здесь, на этой земле, из всей глубины своего сердца, поклоняясь Тебе, падаю ниц пред Тобою, заклинаю Тебя, пусть эти звонки не будут тем телефонным звонком — дзинь, — именно тем, умоляю Тебя, возьми лучше меня, здесь, сейчас же, но это же ясно, что Ты не меня призываешь, что я останусь в этой юдоли скорби, что ж, тогда возьми мою мать, это разорвет мне сердце, но лучше возьми ее, или моего отца, или сестру, или брата, и прошу Тебя, отними у меня все, что есть, включая мое здоровье, пусть я останусь сиротой — дзинь, — нищим побирушкой, хворым, но только, Господи и Всемогущий Боже, прошу

Тебя, умоляю Тебя, заклинаю Тебя, не делай меня… и тут мы все останавливаемся, потому что слува, которое мы должны были произнести, не существует, мы все — итальянцы, французы, англичане, немцы, испанцы, португальцы — здесь пасуем, потому что ни в одном из названных языков не существует этого слова, тогда как оно существует для нас, евреев, арабов, древних и современных греков, для нас, многочисленных африканцев и для нас, пережитков прошлого, разговаривающих на санскрите, но разница, в сущности, небольшая, разница в том, что одни из нас смогли дать название этому аду, а другие — нет — дзинь, — в то время пока мы в ужасе все молились вместо того, чтобы подойти к телефону, который продолжает посреди ночи звонить, и когда мы наконец отвечаем, на другом конце провода — никого, да, такое возможно, гораздо более вероятно, чем загоревшаяся машина, «алло?», «алло?», никого, да, такое часто случается, шутка, должно быть, злая шутка, чтобы мы, вероятно, подумали, будто наступило наше время ответить на тот звонок, столь сильно напугавший нас посреди ночи, что мы бросаемся на колени и произносим самую жаркую молитву, какую только можно вообразить, и брат наш

Марко наверняка бы тоже молился, но это был не его случай, поскольку телефонный звонок, тот телефонный звонок, да, он раздался, но не ночью, а после обеда, в воскресенье, осенью, в зыбком свете четырех тридцати пяти на часах, на диване у него на коленях уснула внучка, он смотрел телевизионную передачу «Дальше вашего сада», а значит, был спокоен и доволен жизнью, и был даже далек от тревоги, которая сковывала его всегда, когда Адель уезжала на уик-энды с этими ребятами, которые показались ему толковыми и ответственными людьми, парнями что надо, поэтому он разрешал ей ездить с ними, всегда разрешал, начиная с подросткового возраста, поскольку она была в высшей степени одаренной, хотя, конечно, на первых порах он ездил с ней сам, но с определенного времени перестал, становилось неловко, он был единственный родитель, отвозивший ребенка, что было хуже, чем если бы он ее вообще не отпускал, и поэтому с некоторых пор он сидел дома и с тоской дожидался ее, неважно когда, утром, днем или вечером, его грызли сомнения, правильно ли он поступает или нет, Адель безумно любит эти виды спорта, но ведь они опасные, это тебе не партию в теннис сыграть, к тому же Адель никогда не любила

теннис, одно фехтование, когда была еще девочкой, но и тогда уже была рапира, *оружие*, символ крови, смерти, опасности, а потом эти феноменальные состязания с силой гравитации, волны, скалолазание, доставляющие кайф, но опасные, он бы мог ей запретить, он был вправе, это его родительский долг, или в равной степени мог не запрещать, и он решил не запрещать, пусть занимается, и в наступавшей в доме тишине впадал в тоску и боялся услышать тот жуткий телефонный звонок посреди ночи, каждый раз, когда ложился спать, а Адели не было дома, он боялся в молчании, вечно, и перед тем как заснуть, и когда просыпался, чтобы сходить в туалет, и до того как снова уснуть, и, не будучи в состоянии этого сделать, принимал снотворное в каплях — ривотрил, ксанакс, ансиолин, — но, правда, следовало признать, что никогда ничего не случалось в течение многих лет, даже незначительного происшествия, ни днем, ни ночью, ни царапинки, ни ушиба, ничегошеньки, не считая, конечно, что из одной поездки однажды она вернулась беременная, бесспорно, но это другая история, и он ее принял, забеременевшую в двадцать лет без каких-либо упоминаний об отцовстве, он все принял, молча, не показывая своего сомнения,

правильно ли он поступает или нет, потому что, с другой стороны, Адель была что надо, умница, сознательная, надежная, *она это сделала*, и речь действительно шла о настоящем чуде, учитывая то, что ей довелось пережить в детстве, травмированной, перебрасываемой туда-сюда, из Италии в Германию, потом снова в Италию, в Рим, в Мюнхен, во Флоренцию, с сумасшедшей матерью — это надо отметить — и придурочным отцом, который не смог защитить ее, уберечь от боли, донимавшей ее со всех сторон, что в принципе приводит к полной беспомощности, но на удивление она выросла здоровой и полагалась на свою беспомощность только тогда, когда необходимо было просигнализировать родителям о поджидавшей опасности, которую они еще не замечали, и тогда за ее спиной появлялась веревочка, но как только родители подавали признаки понимания, она выздоравливала и веревочка исчезала, но когда все взорвалось и пошло кувырком, веревочка появилась вновь и опутала весь Мюнхен непробиваемой сетью паутины, в которой невозможно было жить, и указала тем самым разумное решение ее неадекватным родителям — сумасшедшей матери и отцу, который не смог ее защитить, — словом, вполне можно сказать,

что с помощью веревочки она направляла свою злополучную семью не то чтобы к добру, поскольку о добре здесь и речи быть не может, а к наименьшему злу, так будет правильнее сказать, и брат наш Марко, по крайней мере, под конец понял хотя бы это, он заметил, что в его дочери заключено могучее, первозданно-дикое знание, и постарался создать ей стабильные условия существования, потому что, в конечном счете, Адель нуждалась хоть в какой-то стабильности, пусть даже болезненной, с периодическими посещениями матери, лежавшей в санатории, с невыразимой любовью к немецкой сестричке и мудрым решением прожить эту любовь сполна, когда обе повзрослеют, стабильности болезненной и сложной, но все же стабильности, которой Адель не знала отроду и на которую могла теперь рассчитывать, окончательно смотав в клубок свою веревочку и став той, кого называют образцовой девушкой, а с определенных пор и в дальнейшем — образцовой девушкой-матерью, которая училась и работала, ездила кататься на волнах и совершать головокружительные прыжки, и когда она отправлялась за волнами и прыжками, он оставался с малышкой Мирайдзин, своей внученькой, и это было справедливо, Адель

отправлялась подзарядить свои знания в диком сердце природы, а он дожидался ее дома с малышкой и создавал ей условия стабильности, а со своей тревогой он управлялся молча, ему не впервой, он годами тренировался и, казалось, поступил правильно, когда все принял и неизменно разрешал ей поездки, казалось, было ради чего рисковать, пока наконец не раздался тот телефонный звонок и он понял, что действительно является отмеченым и забытым Богом, но гораздо, гораздо больше, чем он думал, — а ему думалось, что пережито и без того немало, начиная со смерти его сестры Ирены, — и раздался тот телефонный звонок, которого боятся все родители, но не каждый его слышит, лишь немногие злосчастные, отмеченые, предопределенные, для которых в многочисленных языках не существует даже названия, но в еврейском оно, например, существует, shakul, производное от глагола shakal и буквально означает «потерять ребенка», и существует в арабском, thaakil, однокорневое, и в санскрите vilomah, что значит буквально «противный природному порядку», и существует в неисчислимых языковых вариантах африканской диаспоры, и в менее однозначном смысле существует даже в современном греческом язы-

ке, charokammenos, что значит «испепеленный смертью», в общем смысле относящееся к тому, кто находится в трауре, но используется исключительно для родителей, потерявших ребенка, но ведь об этом, о потере ребенка, раз и навсегда уже произрек один из оракулов в молодости нашего брата Марко, «вы знаете, что я потерял двух детей, / синьора, вы, по-моему, довольно беспечная дама», ибо, действительно, если вдуматься, то не видится большого смысла в факте *потерять* кого-то, когда кто-то умирает, то есть стать субъектом его смерти, я потерял свою дочь, я виноват в ее смерти, я допустил, что она умерла, я, я, я, это местоимение не имеет смысла, оно почти непристойно, когда умирает кто-то другой, но когда умирает твой ребенок, оно, к сожалению, приобретает смысл, ибо, как ни крути, за этим всегда стоит ответственность, если не вина родителя, который не помешал, как должен был, который не извернулся, не защитил, не предусмотрел, который позволил этому случиться и, значит, позволил умереть, и, значит, *потерял* сына или дочь, ну, в общем, раздался у нашего брата Марко телефонный звонок, который обнулил его жизнь, и было это после обеда, в воскресенье, осенью, и вся его жизнь, уже не раз обнуленная, обнули-

лась снова, разве что только в реальной жизни нулей не бывает, и действительно, Мирайдзин спала, лежа у него на коленях, и в то время, пока он пытался дышать, хотя это не получалось, он за несколько секунд стал shakul (но ему об этом из деликатности не сказали, хотя он прекрасно понял), он стал thaakil, он стал vilomah, он стал charokammenos всего за несколько секунд, и легкие не дышали, воздух казался раскаленной струей, живот — бездонной дырой, голова как барабан, — ближе к нулю человеческая жизнь не бывает, но проснулась Мирайдзин, открыла глазки и улыбнулась ему, ей месяц назад исполнилось два года, и вот так, просто проснувшись и улыбнувшись, сказала ему: дед, ты даже не думай, не надо шуток, дед, на свете есть я, ты должен выжить.

Взвешенный (2009)

Кому: Джакомо — jackcarr62@yahoo.com
Отправлено: Gmail — 12 апреля 2009 г. 23:19
Тема: Фотографии Летиции
От: Марко Карреры

Привет, Джакомо!

Представляешь, удалось пристроить мамин фотоархив! Подвернулся счастливый случай, и я его не упустил. Теперь мы с чистой совестью можем продать этот дом.

Заниматься мамиными вещами по сравнению с папиными было гораздо труднее, по многим причинам, и должен по правде сказать, я ими и не занимался: эти тысячи фотографий, на самом деле прекрасных, смущали и порой даже ранили меня; когда попадались портреты архитекторов и художников, с которыми мама сотрудничала, я задавался вопросом, которые из них были ее любовниками, и у меня каждый раз сжималось сердце, когда я видел всех этих людей, все эти таланты, весь этот бурливший вокруг нее мир, где для папы не было даже крохотного местечка.

Правда, и его доблестные подвиги — коллекционирование «Урании», мелкое моделирование и макеты в натуральную величину — исключали мамино присутствие, но по крайней мере там никого не было, это был одинокий мир одинокого Пробо. В маминых работах, напротив, был целый мир мужчин, женщин, искусства, талантов, архитектуры, предметов, губ, сигарет, улыбок, разговоров, туалетов, обуви, музыки, пейзажей, и она с фотоаппаратом в руках была в центре всего этого, все это бурлило вокруг нее, все, там было все, кроме Пробо. Это меня и сдерживало. Думаю, я ревновал, ну или что-то в этом роде. Но видишь, как устроен мир, даже не занимаясь этим, я сумел пристроить ее архив. Место хранения — Фонд Дами-Тамбурини. Я понимаю, тебе ничего не говорит это имя, мне оно тоже ничего не говорило, пока случай не свел меня с самим Луиджи Дами-Тамбурини, сиенцем, наследником значительного семейного состояния, состоящего из недвижимости, земель, озера (!), плотины (!), но главное — небольшого, но преуспевающего инвестиционного банка и его Фонда, занимающегося иконографией двадцатого века. Дело было так: один знакомый пригласил меня поучаствовать в благотворительном турнире «Двойной детек-

тив» в Кашинах, организованном на выставке моды в неделю показа новой мужской коллекции «Питти Уомо», и, как ты понимаешь, там было полно всяких знаменитостей и ловеласов, которые не умеют даже подбросить мячик, — а я возобновил регулярные тренировки, я в хорошей форме, и, что говорить, я силен и, следовательно, был приглашен на этот «Двойной детектив» для его технической квалификации. «Двойной детектив», если тебе неизвестно, — это парный турнир, в котором напарники перед каждым сетом выбираются по жребию, случайно. До полуфинала я добрался вполне легко, а вот в полуфинале мне достается этот Дами-Тамбурини. В пару, я имею в виду. Он ничего себе, сказать честно, хотя, надо признать, невероятный мазила, и несмотря на две тыщи пропущенных им мячей, мы побеждаем. В финале мы снова по жребию оказываемся вместе, и вот тогда это было сражение: соперники попались сильные, Дами-Тамбурини на сей раз пропустил меньше мячей, и мы выиграли финал. Он, Дами-Тамбурини, был на седьмом небе, благодарил Бога за то, что ему выпало два раза подряд играть со мной, и, чтобы выразить мне свою безмерную благодарность, пригласил меня на ужин в Вико-Альто, на свою

виллу, возле Сиены, сначала один раз, потом второй, и во время ужинов расспрашивал обо мне, о моей жизни, рассказывал про свою. (Кстати, порасспросив у людей, я выяснил, что он гемблер и что та самая вилла, на которую он меня приглашал пару раз в месяц, превращается в подпольный клуб, но я ничего ему не рассказывал о своих былых пристрастиях.) В ходе наших бесед он поведал мне о своем фонде, который как раз занимается частными фотоархивами, коллекциями афиш, почтовых открыток, манифестов и тому подобным, связанным с искусством двадцатого века. Тогда я ему рассказал про архив нашей матери, так, для пробы. Он мне сказал, что лично фондом не занимается, набрал на мобильнике номер и связал меня с президентом фонда, который сразу назначил мне встречу на следующий же день. Я привел его на площадь Савонаролы и показал мамин архив в том беспорядочном состоянии, в каком она его оставила; я и сам, можно сказать, впервые как следует все рассмотрел, потому что до тех пор, как я уже говорил, у меня не лежало сердце, и только тогда я сообразил, насколько он ценный: там, Джакомо, сотни потрясающих портретов архитекторов, дизайнеров и художников, все черно-белые, отдельная серия посвящена

женщинам-архитекторам, без малого самая полная в Италии; прекрасные секвенции, которых я никогда не видел, процесса изготовления изделий из пластика (настольных ламп, столиков, стульев), от проектирования в мастерской до отливки на фабрике; охвачены практически все выставки и экспозиции групп радикальной архитектуры шестидесятых-семидесятых годов и огромное количество вечеров зримой поэзии, есть вдохновляющая серия «ангелов грязи» 1966 г., о которой я тоже ничего не знал, и на одной из ее фотографий, Джакомо, в толпе этих ангелов появляется папа, в высоких резиновых сапогах и военном плаще перед Национальной библиотекой в свете фонаря, освещающего его улыбающееся лицо с зажатой в зубах сигаретой. Единственный след его присутствия в море отпечатков и негативов, накопленных мамой за всю ее жизнь. Говорю тебе, это чудо, что мы появились на свет.

Увидев весь материал, президент этого фонда выразил удивление, но, по-моему, притворялся, Дами-Тамбурини приказал ему все без разговоров забрать, и, когда речь зашла о перевозке, он предложил мне за архив двадцать тысяч евро. Но мне ничего не надо, сказал я ему, и он опешил. Как

не надо? Ну еще чего не хватало, это дар, это вы мне оказываете любезность. Тогда этот человек на меня посмотрел, посмотрел пристально, как бы взвешивая. Не знаю, доводилось ли тебе ощущать, что тебя взвешивают: со мной никогда не случалось, но я уверен, что тогда в гостиной на площади Савонаролы, рассматривая меня, этот человек меня взвешивал, то есть спрашивал себя, искренен я или нет, жадный я или нет, мог он или не мог предложить мне поучаствовать в его денежных махинациях. Конечно, у меня нет для тебя доказательств, но когда он на меня смотрел, я «понял», что этот человек — преступник и ворует деньги. Странно, на меня будто снизошла эта уверенность. Но потом он, видимо, прикинул и понял, что не стоит рисковать, что я могу его осрамить и испортить репутацию, поэтому он «принял» мой дар, но был явно разочарован, и я уверен, что если бы он заранее знал, что я собираюсь подарить им архив, то и ноги его в нашем доме бы не было.

Вот так, Джакомо, в конечном счете знаки пребывания на земле нашей матери «не исчезнут со временем, как слезы в дожде». Теперь Фонд Дами-Тамбурини располагает даром Летиции Калабро́, а дом на площади Савонаролы офици-

ально выставлен на продажу, хотя мой агент, который им занимается, мой старый приятель по средней школе Ампьо Перуджини (Помнишь его? Тот, у которого под глазом была красная ангиома, и ты страшно боялся его), говорит, что после повышения процента на субстандартную ипотеку и в связи с падением цен на биржах и так далее, рынок недвижимости рухнул и лежит в пыли. Будем надеяться, что тут еще скажешь. Дом за бесценок я продавать не буду. Заплатят сколько положено, ладно, в противном случае буду ждать.

Терпения мне не занимать, правда, брат-отшельник?

Прости, что задал вопрос, жду ответа и обнимаю дисплей.

Марко.

Via Crucis (2003–2005)[71]

Вскоре после того, как Пробо Каррера выразил желание переехать в Лондон, у него был обнаружен рак. Правда, когда он его выразил, он был уже болен, но еще не знал об этом — или, быть может, знал, не зная, то есть чувствовал его, и это отчасти могло объяснить необычность его желания. И действительно, речь шла о нехарактерном для него замысле: бросить Флоренцию, дом на площади Савонаролы, мастерскую, макеты поездов и перебраться в какую-то неведомую малогабаритную квартирку, которую предстояло купить непременно в Марилебоне[72], к которому он, похоже, прирос сердцем с давних пор — со времен их с Альдино учебной поездки в пятидесятые годы, двадцать сказочных дней в аристократической семье друзей Мансутти, владевшей целым дворцом на Кавендиш-сквер[73]. Но кому об этом

[71] Примечания: 71
Крестный путь (*лат.*).

[72] Примечания: 72
Марилебон — один из самых престижных жилых кварталов Лондона, застраивался на протяжении всего XIX в.

[73] Примечания: 73
Площадь с платановым садом в Марилебоне.

было известно? Никому. В Лондоне с тех пор он бывал еще дважды: первый раз десять лет спустя, в стоявшем особняком отеле «Лэнгам»[74], где они с Летицией предавались безумствам любви, когда еще любили друг друга, второй — еще через десять лет со всей семьей, во время пасхальных каникул 1972 года, когда они были уже несчастливы, в поездке, которую он же и организовал для коллегии инженеров Флоренции, будучи в ту пору ее советником. С помощью агентства, перед которым Пробо поставил две задачи: дешевизна и непременное проживание в Марилебоне, он оказался с Летицией и тремя детьми в двух клетушках крошечного отеля на Чилтерн-стрит[75], по поводу которого Летиция и другие члены их группы выразили возмущение. Но ему было без разницы, он был счастлив в силу того простого факта, что находится в Марилебоне. Но кому об этом было известно? Никому.

Будь Пробо чуточку разговорчивей, а не такой молчун, способный замыкаться в бездне молчания, наверняка бы за все эти годы как-нибудь проговорился, что этот лондонский квартал был

---

[74] Примечания: 74
Десятиэтажный гранд-отель, открыт в 1865 г. в Марилебоне.

[75] Примечания: 75
Жилая и торговая улица в Марилебоне.

самым красивым и вдохновляющим местом из тех, что он когда-либо видел в своей жизни, — оставаясь способным, несмотря на паралич, разбивший его после смерти Ирены, поддерживать в рабочем состоянии свою фантазию. Но он никогда никому ни о чем не говорил, и поэтому его заявление о переезде в Лондон прозвучало как взрыв бомбы в теплое осеннее воскресенье 2003 года, после прекрасного обеда, который он приготовил для Летиции, Марко и Адели. За обедом Летиция, как всегда, сокрушалась, что Джакомо больше не приезжает к ним даже на Рождество, а Пробо, как всегда, сидел молча, когда его жена сокрушалась; но потом, по окончании обеда, когда все только и ждали случая, чтобы разбежаться, он сбросил бомбу: переезд, малогабаритная квартирка, Марилебон. Все были потрясены, Летиция больше всех, — она обалдела и даже взревновала, поскольку намерение, которое Пробо мало-помалу излагал, было как будто *ее* собственное: георгианская Англия, последние Adam Houses[76]

[76] Примечания: 76

Дома, построенные в Лондоне в так называемом Адамовом стиле, или в стиле братьев Адам, сложившемся под влиянием творчества трех шотландских братьев: *Роберта* (1728–1792), *Джеймса* (1732–1794) и *Джона* (1721–1792). Архитектура, дизайн и убранство дома составляют единую систему. Братья Адам проектировали застройку улиц, площадей и кварталов, стремясь к формированию архитектурной целостности застройки.

в Лондоне, антикварные книжные лавки, кондитерские, пабы, забитые игроками в крикет, дом, в котором умер Тернер, дом, в котором жил Диккенс, тот, в котором жила Элизабет Барретт[77], до того как решила бежать как раз во Флоренцию с Робертом Браунингом, Собрание Уоллеса[78], отель «Лэнгам» — вот именно — легендарные платаны на Манчестер-сквер, последний дом, в котором жила прорицательница Джоанна Сауткотт… Ты о чем это говоришь? — растерянно спросила его Летиция. Какие платаны, какая прорицательница? И Пробо, задумчиво затягиваясь своей тоненькой «Капри», рассказал историю сумасшедшей из георгианской эпохи, самопровозглашенной Женщины Апокалипсиса, описанной Иоанном в «Откровении», скончавшейся в 1814 году в шестьдесят четыре года, через несколько недель после несбывшегося пророчества, в котором она объявляла, что родит нового Мессию. Нового Мессию она не родила, но тяжело

---

[77] Примечания: 77

Элизабет Барретт — английская поэтесса викторианской эпохи — и поэт Роберт Браунинг 12 сентября 1846 г. тайно обвенчались и вскоре уехали в Италию, во Флоренцию.

[78] Примечания: 78

Художественный музей в центральной части Лондона, в Марилебоне, известный поразительной коллекцией шедевров изобразительного и декоративно-прикладного искусства XIV–XIX вв.

заболела и умерла накануне Рождества, хотя ее последователи не объявляли об этом в надежде, что она воскреснет, до тех пор, пока труп ее не стал разлагаться. Ее самое знаменитое пророчество гласило, что конец мира наступит в 2004 году, и, поскольку до окончания года недоставало нескольких месяцев, Пробо объявил, что хотел бы встретить его именно в Марилебоне. Было не похоже, что он шутит, но он не уточнил, есть ли в его фантазиях место Летиции или его переезд в Лондон следовало понимать как их расставание, хотя обоим было уже за семьдесят с лишком. Он уточнил, что осведомлен о продаже малогабаритных квартир в Марилебоне и об их стоимости — довольно высокой, по правде сказать, но пока еще «подъемной».

Позже, ближе к вечеру, Летиция позвонила Марко: у твоего отца поехала крыша? Он выжил из ума?

Озадаченный в свою очередь, Марко успокоил ее, говоря, что наверняка это была шутка: он проверял — все, что Пробо говорил по поводу Марилебона, домов, платанов, пророчицы, он вычитал в статье «Марилебон» в Википедии на английском. Но Летиция, в свое время не пропускавшая ничего нового, понятия не имела о

Википедии. Интернет ее не увлек, а вот Пробо, напротив, погрузился в Сеть — и именно это было ошеломляющей новостью. Доказательством, что, старея, Летиция и Пробо менялись ролями, и теперь она с трудом ковыляла за продвигавшимся вперед миром, в то время как Пробо плавал в нем как рыба и даже придумывал оригинальные шутки — или в случае, если он не шутил, — оригинальные жизненные цели. Это был эпохальный прорыв, который Марко попытался объяснить своей дочери: дедушка Пробо не вылезает из Интернета и подумывает перебраться в Лондон, тогда как бабушка Летиция ничего в этом не смыслит и остается позади — настоящая коперниковская революция. Но Адель не знала *до этого* ни бабушку, ни дедушку и не в силах была понять грандиозность происходящего, а Джакомо, пусть Летиция и сокрушалась по этому поводу, осел в Америке и больше не интересуется делами семьи.

Было ли заявление Пробо шуткой или нет, но осуществлению его намерения помешал диагноз, поставленный ему спустя три недели, в дождливую пятницу в ноябре месяце, на основании биопсии тканей, взятых на анализ во время колоноскопии, сделанной после того, как в кале

были обнаружены следы крови. Аденокарцинома. Прощай, Лондон. Прощай, Марилебон. Это был конец света, но не так, как его понимала Джоанна Сауткотт. Начался, наоборот, всем известный Крестный путь, гордость современной медицины, освобождающей больного от архаического механизма «приговор — исполнение» и увлекающей его в медленный, длительный, иногда очень длительный путь, ведущий к концу, — настоящий Крестный путь, размеченый ободряющими остановками, которых часто намного больше четырнадцати. Консультации специалистов. Колебания между операцией и химиотерапией. Выбор: операция или химиотерапия. Обнадеживающий исход операции или неплохие результаты после начала химиотерапии. Уточнение, что, хотя и сделана операция, химиотерапия все равно будет необходима. Побочные эффекты терапии. Изменение протокола лечения. Уточнение, что, даже если выбрана химиотерапии, операция все равно будет необходима. И так далее, и так далее, и так далее… Все так или иначе прошли этот путь, прямо или косвенно, и тот, кто его не прошел, тот пройдет, а тот, кто его не прошел и не пройдет, является избранным или же самым несчастным из всех.

Марко с самого начала взвалил на себя всю тяжесть ухода за больным — ерунда, подумал он, в сравнении с тяжестью болезни, которую носит в себе отец, — и сделал это с известной ретивостью. То, что к нему вернулась Адель, было настоящим чудом, придававшим ему упорства и сил. Пробо прооперировали кишечник, хотя через недолгое время неизвестно откуда взялись новые метастазы, затронувшие легкое и печень. Для борьбы с ними был избран следующий путь: зимой — интенсивная химиотерапия, весной — перерыв, летом — отдых; осенью — возобновление лечения, зимой — интенсивная химиотерапия и так далее. Если у Пробо хватит физических и моральных сил, сказал онколог, он сможет еще долго прожить, и качество жизни будет достаточно хорошим. Поэтому перед Марко стояли такие задачи: свозить отца на химию, проследить за приемом лекарств, отвезти его на КТ, вызвать на дом медсестру, чтобы взять кровь для анализа… Учитывая, что Марко еще должен был работать и заниматься Аделью, для него это было нелегкое время, конечно, но вопрос стоял не о его выносливости, а о выносливости его отца.

Организм Пробо держался молодцом, и после первых атак химиотерапии метастазы уменьши-

лись. Относительно его морального состояния трудно было что-то сказать, потому что Пробо был очень неразговорчив. В любом случае он не казался сломленным. Летиция, напротив, пребывала в шоке, она не могла принять ситуацию и поэтому не могла даже ухаживать за мужем, что было ее обязанностью, как она полагала, и что самой ей угрожало депрессией. Хоть Марко и не был специалистом в этой области, он все равно считал, что «древняя» психологиня его матери, упрямо продолжающая принимать пациентов, не только ничем не способна помочь, но еще и допускает ошибку за ошибкой. Решительную помощь оказала Адель: она принесла Летиции новую игру для развития логики, которую ее друзья по сёрфингу и скалолазанию открыли в Англии, называлась она «судоку». Летиция ею увлекалась, чем убедительно подтвердила, что она все больше напоминает Пробо, ибо эта игра была точно не для нее, дерзкого архитектора, а для усидчивого супруга, инженера, который, однако, не заинтересовался решением головоломок, не говорил больше о Марилебоне, но, будучи слабым и подавленным химиотерапией, целиком отдался проектированию нового грандиозного макета — первого отрезка железной

дороги «Чиркумвезувиана», проложенного между Неаполем и Байано в 1884 году и с точностью реконструированного им благодаря скрупулезным исследованиям; однако он внезапно забросил проект, когда на время летнего отдыха прервал химиотерапию. Почувствовав возвращение сил (значит, календарная периодичность курсов лечения работала), он купил себе в Марина-ди-Чечина бывшую в употреблении моторную лодку и стал выходить на рыбалку. Вот так. В море. Каждый день. Просто ни с того ни с сего. Он не ездил на рыбалку со времен общения с Альдино Мансутти, то есть больше тридцати лет, но тут заделался заядлым рыбаком. Приходил с уловом, он ведь был сообразительный. Сперва отлавливал саргана для живой наживки на луфарей: когда попадалась здоровая рыбина, то, ступив на землю, он фотографировался с уловом в руках и эти снимки развешивал на кабинке Гомера, швартовщика в портовом канале, который продал ему моторку. Никто бы не сказал, глядя на эти снимки, что Пробо болен. Увлечение рыбалкой и без Лондона привело к расставанию с Летицией, поскольку означало переезд в Больгери с середины мая и до конца сентября, а у Летиции этот дом вызывал желудочные колики, особенно

когда она оставалась в нем одна (идея ездить на рыбалку с Пробо даже не обсуждалась). Поэтому в странном конформистском развороте, который претерпела жизнь, Летиция почувствовала себя ни на что не годной и виновной в том, что не могла заботиться о больном муже — задача, которую достойнейшим образом решала Лючия, дочь синьоры Иваны, занявшая к тому времени место матери в их доме в Больгери.

Марко ездил туда и обратно. Флоренция — Больгери, и проводил день с отцом; Больгери — Флоренция, и отвозил свою мать на ужин в индийский ресторан рядом со стадионом или с кинотеатром, и брал с собой Адель; Флоренция — Серавецца, и отвозил Адель взбираться на Апуанские Альпы вместе с ее старшими друзьями; иногда, по выходным, проделывал маршрут Флоренция — Серавецца — Больгери — Серавецца — Флоренция, ухитряясь отвезти Адель и передать ее с рук на руки, спуститься в Больгери и сходить с отцом на ужин в «Красный лобстер», а утром с ним порыбачить, вернуться за Аделью после полудня и в воскресенье вечером отвезти в ресторан Летицию. Было трудновато, но не шло ни в какое сравнение с тем, что было зимой. После чего наступил август, и семья собралась в

Больгери, словно это был закон, вырубленный на каменных скрижалях.

По требованию Летиции приехал Джакомо из Северной Каролины со своей семьей — женой Вайолет и двумя дочерями, Амандой и Эмили, и на две недели дом был снова заполнен людьми. Эта остановка на Крестном пути была мучительна и невыносима: если раньше, когда все были здоровы, лицемерие собравшейся семьи выглядело смешным до одури, то теперь оно было невыносимым, ведь было понятно, что собрала их здесь болезнь, о которой, кстати, не говорили, ибо Пробо, хоть и изменил свои привычки, нрав свой не изменил и о себе никогда не заводил разговоров. Страдания Марко усилились, потому что Луизы не было все лето — такое случилось всего раз, когда она не приехала даже на день, но это было очень давно, в то время она рожала второго ребенка и беременность протекала тяжело, поэтому она осталась в Париже. То, что она не появилась этим летом, когда Марко нес свой крест, убедило его в окончательной потере любимой. Он заблуждался, но в тот момент отчетливость этой мысли обескуражила его.

В октябре Пробо возобновил химиотерапию, но через несколько недель ситуация покатилась

под откос. Уже летом Летиция почувствовала недомогание, у нее стала слегка подниматься температура, и она начала худеть. Семейный доктор не выказал озабоченности, стал говорить о дивертикулите, но когда в ноябре она, как обычно, побывала у гинеколога, выяснилось, что у нее рак матки, причем запущенный. Гинеколог, друг семьи, сам чуть не рехнулся, прежде всего позвонил с новостью Марко, а ей пока не стал говорить. Марко прервал амбулаторный прием и помчался в офис коллеги, и именно ему довелось сообщить обо всем матери в присутствии гинеколога и его ассистентки, понуро стоявших тут же. Потом он отвез ее домой. «Я труп», — повторяла она всю дорогу и продолжила дома, обращаясь к Марко, который гладил ее по волосам, сидя рядом на диване, и к Пробо, который смотрел на нее и ничего не понимал. «Я труп».

Начался второй Крестный путь — гораздо более суровый, отчаянный и очень короткий. Уже во время первого визита тот же онколог, что год назад дал Пробо надежду, не оставил ей ни единого шанса. Он был настолько откровенным, что это показалось Марко циничным: перед ней и Пробо, который во что бы то ни стало захотел присутствовать, врач не позволил себе высказать даже

слабую надежду, ничего — лишь одну обескураживающую правду. Не потрясена была только Летиция, поскольку была потрясена уже давно, и свой комментарий — «я труп» — тоже повторяла с самого начала.

Хотя тот же онколог считал бесполезным курс химиотерапии, он все же его назначил, и в отличие от того, как поступила бы Летиция в молодости, когда, склонная к радикализму, бунтовала против излишеств, — она подчинилась. Посему незадолго до Рождества Марко начал собственный радикальный опыт — отвозить обоих родителей в day hospital[79] на сеанс химиотерапии, один — в одной палате, другая — в другой, опыт, заставивший его вспомнить книгу Дэвида Левита[80], которую много лет назад читал вместе с Мариной, когда они были влюблены друг в друга и скоро должна была появиться Адель. Марко практически ничего не помнил из этой книги, даже названия ее (помнил только то, что это были рассказы), но она все равно всплыла в памяти, и

[79] Примечания: 79

Дневной стационар (*англ.*).

[80] Примечания: 80

Дэвид Левит (р. 1961) — современный американский писатель, автор романа «Семейный танец», опубликованного в 1984 г., и других романов, сборников новелл и публицистики.

это было необычайно трогательно из-за простого, но совершенно особого опыта — сопровождать обоих родителей на химиотерапию.

Джакомо приехал из Америки помочь, а поскольку были рождественские каникулы, с ним приехала и вся его семья. Как всегда в этих случаях, чтобы оставить в неприкосновенности комнату Ирены, его дочери ночевали в доме Марко, в комнате Адели. Они были немного старше ее, обе дурнушки и американки до мозга костей: похоже было, что Джакомо всеми доступными способами старался не передать им ничего своего, своего фамильного, включая красоту, которой он блистал даже в сорок с лишним лет. Достаточно было посмотреть, как они накручивают на вилку спагетти или произносят элементарные итальянские слова, чтобы понять, насколько Джакомо стремился забыть о своей прошлой жизни. Впрочем, он уехал в Америку больше двадцати лет назад, стал натурализованным американцем пятнадцать лет назад, начал преподавать в университете десять лет назад (теоретическую механику) и вот уже пять лет, как нередко сетовала Летиция, не приезжал во Флоренцию на Рождество: можно ли было удивляться, что он забыл о корнях?

Но удивительным было его решение задержаться, отправив Вайолет с дочками домой. Ввиду сложности ситуации он не мог обойтись без брата ни минуты, ибо оба, Пробо и Летиция, выразили желание не заканчивать свои дни в больнице, а остаться дома до последнего вздоха, что значительно усложняло дело. Да, впервые после стольких лет Джакомо снова попал под влияние своей прежней итальянской семьи, не имея поддержки новой, которую когда-то отправился создавать в Америке. Он старался подражать Марко, который в этом аду был словно в своей тарелке: он ездил с ним, сопровождая родителей на химию, занимался ими, пока Марко искал дневную сиделку-медсестру, помимо ночной, поскольку побочные эффекты на сей раз обострились у обоих. Он взялся заниматься родителями даже *больше*, имея в виду, что у Марко была еще работа, была еще Адель, поэтому тот отнюдь не проводил все время с Летицией и Пробо или, во всяком случае, не всегда был в их распоряжении. А вот Джакомо проводил с ними все время или, скажем так, всегда был в их распоряжении. Он покидал дом на площади Савонаролы только затем, чтобы удовлетворить их потребности: закупить еду, получить их лекарства в аптеке.

Вечера проводил, заваривая им травяные чаи, смотрел телевизор, сидя рядом с Пробо или подсказывая Летиции решение судоку. Он прожил двадцать лет во Флоренции, но ему даже не пришло в голову встретиться с кем-нибудь из друзей юности, с какой-нибудь бывшей невестой, слегка развеяться. Марко с сожалением отметил, что брат даже не попробовал сойтись с Аделью, как ему бы хотелось и как он сам поступил бы на его месте, окажись рядом с племянницей, которую прежде никогда не видел. Джакомо выкладывался без остатка, ухаживая за умирающими родителями: настойчиво, не переводя дыхания, как на войне. И даже когда нашлась дневная медсестра, он продолжил делать им уколы, измерять давление, вследствие чего медсестра решила, что он и есть сын-доктор. В то же время он боялся совершить непоправимую ошибку и беспрерывно консультировался у брата, который как-никак был врачом: скажи на милость, что я могу об этом знать, я ведь окулист. Старый демон соперничества с Марко поджидал его в этом доме в течение всех этих лет и теперь беспощадно терзал.

Он спал в своей детской комнате, хотя «спал» — громко сказано, потому что стоило раздаться какому-то шороху из-за родительской двери, как

он мгновенно материализовывался у их изголовья в любой час ночи, опережая ночную сиделку. Как-то раз он позвонил Марко около трех часов, перепуганный приступом дизентерии, который, как ему показалось, мог убить Летицию. Марко его успокоил и посоветовал положиться на медсестру, но потом решил одеться и сходить на площадь Савонаролы, чтобы посмотреть самому; когда тревога улеглась после принятия лоперамида, братья уселись в большой гостиной, в которой со времен их детства ничего не изменилось, и вскоре оказались в ничтожной малости от выяснения отношений и примирения, но эту малость надо было преодолеть; однако ни один из них для этого ничего не предпринял и никакого восстановления отношений не произошло. Такое случалось и позже, в те дни, когда в больнице Пробо и Летиция подремывали в своих палатах во время химиотерапии, а братья выскальзывали из палат в полутьму коридора: лучшей ситуации не придумаешь, чтобы высказать друг другу все, что они могли друг другу сказать, простить друг другу то, что должны были простить, и навечно закопать топор войны, но прошло уже столько времени, что — хотя отношения и оставались натянутыми — ни один из них уже не помнил,

чем это было вызвано. Поскольку родители были больны, то все свелось к их давней размолвке, хотя заживлять надо было и другие раны: глядя на то, во что превратились отец и мать, как они таяли на глазах, лежа в своих постелях, нелегко было сказать почему, но Пробо и Летиция также несли ответственность за удавку, которую накинули на шею семьи, начиная с Ирены и далее.

Когда в конце января наступила передышка от химиотерапии, Джакомо неожиданно все бросил и вернулся в Америку. Он никогда не обещал, что останется на столько, на сколько понадобится, в университете у него были лекции и масса прочих дел, но его внезапный отъезд тем не менее показался неожиданным: он никогда о нем не говорил, и вдруг нате вам, с бухты-барахты уехал. Может, поэтому в доме возникло ощущение пустоты, что, впрочем, случалось и в прошлом, поскольку Джакомо был так создан, чтобы все бросать и оставлять после себя пустоту. Марко оказался в тяжелом положении, но в те же дни на него внезапно свалилась награда — неожиданное письмо от Луизы. Спустя почти четыре года, появившись из ниоткуда, она написала ему странное письмо, в котором рассказывала о верованиях ацтеков, согласно которым тех, кто погибал в бою, ожида-

ла высшая награда — превращение в колибри. Но в начале письма она писала, что ей его не хватает, а в конце просила прощения за то, что «черт знает что натворила». Марко всю ночь без устали проворачивал в голове все скрытые смыслы этого письма и особенно последней фразы, но на следующий день решил, что с Луизой не приходится ломать голову, пытаться интерпретировать, пережевывая все заново, с Луизой все надо пустить на самотек, — или завязывать, как он думал, между ними случилось, а если не случилось, то как есть, так пусть и будет. Поэтому он ответил ей длинным и страстным, беззащитным письмом, не думая о причиненной ему четыре года назад боли, когда она внезапно отказалась от плана, придуманного четырьмя неделями раньше, — о да, еще как, они придумали этот план, ночью, на пляже Ренайоне, когда на спокойной поверхности воды отражались лучи рыболовных суден и огни фейерверка, вспыхивавшие где-то вблизи Ливорно, — начать совместную жизнь, создать большую семью, и предъявила ему странные обвинения в непреклонности и в том, что он перешел все границы, что за милю отдавало советами психоаналитика, а потом исчезла в Париже, забыла о нем и перестала писать, а в Больгери,

в августе, три года подряд едва удостаивала его приветствием, на четвертый, последний, даже не приехала, ни на неделю, ни на день. Марко не думал об этом, не пережевывал жвачку, не поостерегся, а в очередной раз (который — третий? четвертый?) сдался и рассказал ей все о своей безумной жизни, о переполнявшей его любви, о грусти, о силе, об усталости, о приезде Джакомо, о его присутствии, таком необычном и знакомом, о пустоте, которую оставил его отъезд, тоже странный и тоже знакомый, рассказал ей о состязании своих родителей, кто из них умрет раньше, и о перемене их ролей, в последнее время превративших одного в другого, о нежности, которую он к ним испытывал из-за всего этого. В конце как ни в чем не бывало он написал, что по-прежнему ее любит. Луиза ответила ему сразу же, таким же страстным письмом: она его тоже по-прежнему любила, думала, что все разрушила, и счастлива, что этого не произошло, что ей было больно слышать о его родителях и что она беспредельно восхищается тем, как он о них заботится, ей тоже довелось через это пройти два года назад, когда болезнь коснулась ее отца, но то, что сразу оба, — это запредельно, ну и так далее. С тех пор они вновь стали переписываться, чем занимались

полжизни, как в старину, письма, написанные авторучкой, с заклеенными слюной конвертами и почтовыми марками, ставшими тем временем самоклеящимися, полные слов любви, рассказов о детях и даже проектов на будущее, хотя в этой области опыт подсказывал каждому быть осторожным. Короче, фантастический мир невозможной любви между Луизой и Марко засверкал как прежде, до того как они расстались.

Первой умерла Летиция, в самом начале мая, за несколько дней до своего семидесятипятилетия. Послушность, ставшая ей свойственной с началом болезни, позволила Джакомо примчаться из Америки, чтобы физически присутствовать вместе с Марко и старой Иваной, добравшейся к ним из Кастаньето-Кардуччи, чтобы до конца быть рядом со своей «синьорой» в тот величественный момент, когда легкие перестали хрипеть и она испустила последний вздох. Пробо нет, Пробо не присутствовал, он бродил по дому, держась, как орангутанг, за ходунки и брызжа слюной от злости; за ним неотступно следовала бдительная медсестра. Злость, которой Пробо ни разу в жизни не давал волю и которую, вероятно, никогда не испытывал, но которая в тот момент, на вершине перемены их характеров прорвалась

и казалась единственной силой, удерживавшей его в жизни.

Похороны Летиции состоялись в день ее рождения. Луиза, прибывшая по этому случаю из Парижа, объяснила братьям, что в традиции еврейского народного мистицизма умереть как Иов накануне своего дня рождения даровано только цадику, то есть праведнику, или цадекет, праведнице, если это была женщина. В письмах к Марку Луиза не обмолвилась ни словом, но, как выяснилось, в последние годы она вернулась к религии своей семьи после кончины отца, когда ей пришлось участвовать в целом ряде ритуалов и церемоний, устроенных еврейской общиной Парижа. Как бы там ни было, явившись сюда во плоти и крови, чтобы быть рядом с Марко, Луиза выглядела вновь неуверенной и отстраненной от того страстного голоса, который звучал в ее письмах. Хотя им ничто не препятствовало, они почти не прикоснулись друг к другу; только раз поцеловались в губы и прижались друг к другу, стоя у похоронного катафалка, увозившего гроб, но их поцелуй был легкий, будто тайный, их языки едва соприкоснулись. Разумеется, говорить об этом при данных обстоятельствах было неловко, поэтому Марко и не пытался, но остался весьма

удрученным.

Джакомо улетел на следующий после похорон день, с горсткой материнского праха в пакетике в чемодане. Что делать с целой урной и со всем остальным — забота Марко. Он летел тем же самолетом, что и Луиза, до Парижа, где у него была стыковка на Шарлотт, поэтому Марко пришлось отвозить их в аэропорт и наблюдать, как они улетают вместе, его брат и женщина его жизни, и только после того, как он попрощался с ними и они уходили, и он сказал ей что-то, и она покачала головой, склонив ее к плечу, как всегда, когда безудержно смеялась, только после этого момента Марко вдруг понял, что ровно тот же лучезарный мир, который воплощала Луиза, когда была с ним, — состоящий из общих воспоминаний, света и близости, — она воплощала и когда была с Джакомо. Провожая их взглядом, Марко почувствовал впервые в жизни, в сорок пять лет, спустя три дня после смерти матери, острую ревность к брату: не из-за того, кем тот был, а из-за того, кем он мог быть, ибо впервые в жизни, спустя четверть века после того момента, когда он должен был бы понять, он наконец понял, что от перемены братьев Каррера возле Луизы результат не меняется. Все, чем она блистала и

что, как ему казалось, видит только он, проистекало из давних, летних юношеских дней, когда он влюбился в нее, наблюдал, как она подрастает, загорает на солнце, разгоняется и прыгает в воду в той дикой части моря — но абсолютно то же самое, понял он, в те же самые минуты видел и Джакомо. Нельзя сказать, что это было понимание того, как обстояли дела на самом деле, но все равно это был шок.

Уход за Пробо, тоже почти уже съеденным болезнью и при этом цепко державшимся за жизнь, лег на плечи одного Марко. Отупевший от обезболивающих средств и терзаемый мыслью, что Летиция его опередила, он не находил покоя ни ночью, ни днем. Для Марко это была предпоследняя остановка на Крестном пути, та, на которой все — и больной, и тот, кто за ним ухаживает, — хотят одного: скорейшей кончины. Пробо, кстати, языком, заплетающимся от морфина, требовал от Марко каждый день увезти его отсюда — увези меня отсюда, ты же обещал, как ты не понимаешь, что я хочу уйти отсюда? Но когда Марко попробовал прощупать, насколько можно было бы ускорить процесс, его коллега,

доктор Каппелли, назначенный местным ASL[81] ответственным за терапию онкологической боли, насторожился и стал повторять то, что ему было выгодно: нельзя предсказать, как долго это может продлиться. Но Марко все же был врачом и знал, что можно. После очередной истерики: ты мерзавец, ты обещал увезти меня отсюда — Марко ничего не обещал, заметим мимоходом, кроме того, что не даст отцу умереть в больнице, — он решился. Это была последняя остановка, которая (с теми же сомнениями) уготована или немногим избранным, или немногим несчастным: отнять жизнь у того — из сострадания, послушания, обессиленности, безнадежности, чувства справедливости, — кто ею тебя наделил. Поэтому Марко навсегда запомнил свой последний разговор с отцом: он попросил его не волноваться, не беспокоиться, на сей раз он его отвезет, сделал ему первую инъекцию сульфата морфина сверх назначений доктора Каппелли, лег рядом с ним на кровати и спросил, готов ли он к переезду в Марилебон. Ставший покладистым Пробо ответил ему, что да, пробормотал еще несколько

[81] Примечания: 81
Аббревиатура от Azienda Sanitaria Locale — местное управление здравоохранения, государственный орган, ответственный за оказание гражданам медицинских услуг.

названий, которых Марко не понял, и последними его словами, которые Марко расслышал, хотя тоже не понял, были «дом Голдфингера». Потом он уснул крепчайшим сном, и Марко, выпускник факультета медицины и хирургии 1984 года, а с 1988-го специалист в области офтальмологии, сделал то, что сделал, имея доступ к венам отца и морфину доктора Каппелли.

На следующий день был ровно месяц со дня смерти Летиции. На следующий день был день рождения Пробо. На следующий день Пробо был мертв, что означало, согласно религии Луизы, что оба его родителя стали *цадиким*. Однако Луиза не примчалась на этот раз на похороны из Парижа, не появилась и синьора Ивана из Кастаньето-Кардуччи, и даже Джакомо не прилетел из Северной Каролины: все отговорились занятостью. Немногим, пришедшим проститься с Пробо и спрашивавшим у Марко, как он себя чувствует, Марко отвечал: «Устал». Прах, выданный ему после кремации, хотя и вышел из той же печи, был намного темнее и грубее, чем прах его матери.

Давать и получать (2012)

пт 29 ноя

Доктор Карладори? Это по-прежнему Ваш номер?

16:44

Здравствуйте, доктор Каррера! Да, это все еще мой номер. Чем могу быть полезен?

16:44

Добрый день! Хотел спросить,
когда Вам можно позвонить?

16:45

Сейчас я в Палермо, сажусь в самолет
на Лампедузу. Если это не срочно,
позвоните мне вечером,
после ужина, когда я устроюсь. Годится?

16:48

В высшей степени. Заранее извиняюсь за беспокойство. Вы там из-за кораблекрушения в прошлом месяце?

16:48

Да. Но не только поэтому. Этот остров – невероятное место, чтобы давать и получать. Сами Вы как?

16:50

К сожалению, не очень. У меня тут тоже кораблекрушение, мне нужны Ваши советы

16:51

Жаль слышать. Я в Вашем распоряжении, позвоните вечером

16:51

Спасибо, доктор! До скорого

16:52

До свидания, созвонимся

16:52

Кислородная маска (2012)

— Алло?

— Здравствуйте. Это доктор Каррадори?

— Да, это я, доктор Каррера. Приветствую вас. Как поживаете?

— Ну, как вам сказать…

— Что случилось?

— …

— …

— …

— Не знаю даже, как сказать, поверьте. То есть не знаю, как сказать, чтобы это не показалось чудовищным.

— Тогда рассказывайте как есть.

— …

— …

— Адель…

— …

— …

— Адель?

— Она погибла.

— О господи, нет…

— К сожалению, да. Восемь дней назад.

— …

— …

— …

— Сорвалась в Апуанских Альпах. Как говорят профессиональные альпинисты, такого просто не может быть…

— …

— … а в случае с Аделью это повергает в шок. Вы будете потрясены, доктор Карладори.

— Чем?

— Тем, что у нее порвалась веревка. В то время как она взбиралась наверх. Перетерлась из-за соприкосновения со скалой. Крак, и лопнула. Но веревка не может порваться. Исключено. Она из полиэфирного волокна высочайшей степени прочности, будь она проклята, она *не может* порваться! И тем более она не могла порваться у Адели, вы же помните, что значила для нее веревка, для моей Адели! Что она для нее значила!

— Веревочка…

— Увы! Она провела половину своей детской жизни, оберегая эту сволочь, веревочку, чтобы она не запуталась, не порвалась. А потом…

— Это ужасно.

— …

— …

— Послушайте, попробуйте меня понять. Я не был бы счастлив, если бы она погибла в дорожной аварии. Но чтобы так, ей-богу…

— …

— …

— Кто-то должен подать на производителя этих веревок, ибо…

— Этим занимаются ее друзья, свидетели происшествия. Собираются предъявить иск фирме, производящей эти веревки, собираются их судить. Обвинители. Я им сказал, что знать ничего не желаю, попросил их оставить меня в покое и катиться к черту.

— Я действительно сказал «кто-то должен подать», но, само собой, я подразумевал…

— И потом полицейские, ведущие расследование, приходят, что-то изымают и морочат голову. Заместительница прокурора Лукки вызывала меня, но я ответил ей без обиняков, что не явлюсь, слышать не могу об этой истории.

— Вы правы, доктор Каррера.

— Еще бы, конечно, я прав. Но при всем том…

— Что вы хотите сказать?

— При всем том существует причина, доктор Карадори, по которой я вам позвонил.

— Какая?

— Мать Адели. Моя бывшая жена. Ваша бывшая пациентка. Не знаю, как вести себя с ней.

— Мда. А как она себя чувствует?

— Не слишком-то хорошо.

— Она по-прежнему в Германии?

— Да. Лежит в частном заведении, это что-то вроде психиатрической клиники класса люкс. Перешла в хроническую стадию, похоже. Хотя в последнее время казалось, что…

— …

— …

— Простите, я что-то упустил. Что казалось в последнее время?

— Вы ничего не упустили. Это я не закончил фразу.

— А, хорошо.

— Короче, я ей еще ничего не сказал. И не представляю, как это сделать. Как сообщить ей, не…

— Но вы и не должны ничего говорить ей, доктор Каррера. Это обязан сделать лечащий ее немецкий коллега.

— Я его не знаю. Ни разу не видел.

— А кто оплачивает ее пребывание в этом месте?

— Пилот. Отец их дочери. Кстати, я забыл о Грете, сестре Адели. Надо ведь сообщить и ей, и

это еще одна проблема, потому что в последнее время они, как бы сказать, ну, в общем, по-сестрински сошлись.

— По-моему, надо поговорить с этим пилотом. Вы с ним знакомы?

— Нет. То есть я с ним познакомился тринадцать лет назад, когда забирал Адель, она жила в его доме, но с тех пор больше его не видел. Кстати, Марина развелась и с ним.

— Тем не менее он оплачивает ее пребывание в этом лечебном заведении.

— Да.

— Тогда он, должно быть, приличный человек. Надо бы с ним поговорить.

— Но у меня нет никакого желания, доктор Каррадори. Вот в чем вопрос. Поэтому я вас и побеспокоил. Не хочу говорить об этом ни с кем. Не хочу никому сообщать. И потом, как? По телефону? Или я должен слетать в Мюнхен, чтобы сказать мужчине, который увел у меня жену, что моя дочь умерла? Я вряд ли сумею.

— Прекрасно вас понимаю.

— Мне даже еще не выдали ее тело, ибо им занимается полиция, у меня едва хватит сил пережить еще и похороны, когда его выдадут. Ну как я, по-вашему, могу оповестить родственников

дочери в Германии?

— Ну и не оповещайте. Не делайте ничего, что вам не хочется.

— С другой стороны…

— Что с другой стороны?

— …

— …

— Извините…

— …

— Тут есть еще другое обстоятельство, но…

— …

— …

— …

— Я слегка путаюсь… Простите. Принимаю седативные средства.

— Не волнуйтесь.

— Я говорил, что тут есть еще другое.

— …

— …

— Смелее.

— Тут еще то, что Адель два года назад родила девочку. Об отце ничего не известно. Адель никогда не говорила, кто это. Девочка — чудо из чудес, поверьте мне, доктор, говорю не как дедушка, она — совершенно новый человек, ни на кого не похожая: смуглолицая, то есть мулатка, черты

лица скорее японские, волосы кудрявые, глаза голубые. Как будто все расы объединились в ней, понятно ли я изъясняюсь?

— Да. Вполне.

— Надеюсь, вы понимаете, что расизм тут ни при чем, я употребляю слово «расы» для простоты.

— Понятно.

— Она африканка, азиатка и европейка в одно и то же время. Она еще кроха, но уже продвинутая: разговаривает, все понимает, рисует — посмотреть, так это нечто, в два года. Выросла с матерью и со мной, мы жили вместе. Я ее дедушка, и вместе с тем я для нее отец.

— Разумеется.

— Понятно, что держусь ради нее. Не будь ее, я бы уже утюжил речное дно.

— Да ладно. Тогда это счастье, что она есть.

— Ну, в общем, Марина знает малышку, Адель брала ее с собой всякий раз, когда навещала мать последние годы летом. Когда я раньше прервался, помните, я не закончил фразу?

— Да.

— Я собирался сказать, что последнее время Марине по каким-то причинам шли на пользу встречи с внучкой. Состояние ее улучшалось.

Во всяком случае, так мне рассказывала дочка. Улучшалось настолько, что Адель решила возить малышку чаще, начиная с этого Рождества, которое мы должны были провести вместе у бабушки, поскольку Адель попросила меня съездить с ней и внучкой в Германию, и я согласился. Поэтому, если я ей не сообщу, потому что мне не хочется, потому что у меня на это нет сил, Марина все равно рано или поздно сама объявится, и что я тогда ей скажу? Что Адель умерла и что я ей даже не сообщил…

— Понимаю, доктор Каррера. Вы правы.

— Мне эта женщина причинила много зла, но она страдала и сейчас страдает немало, побольше моего, и, боюсь, эта трагедия может стать для нее…

— …

— …словом, не могу избавиться от этой мысли, хотя в то же время у меня нет ни сил, ни желания заниматься этим. Понимаете?

— Понимаю, конечно, и знаете, что я скажу? Вы правильно сделали, что мне позвонили, я смогу вам помочь. Сам поговорю с немецким коллегой, лечащим врачом вашей бывшей жены, поговорю и с ней, если будет возможность. Поговорю и с отцом девочки, и с самой девочкой поговорю.

Сколько ей лет, вы сказали?

— Кому? Грете?

— Сестре вашей дочери.

— Да, Грете. Двенадцать. Но вы не должны…

— Я немецкого не знаю, но они, наверное, говорят по-английски, не так ли? Он пилот самолета, наверняка говорит. Если вы не против, я побеседую со всеми, избавлю вас от этой заботы.

— Как вы сумеете? Вы же на Лампедузе, должны работать. Я думал найти адвоката или какое-нибудь доверенное лицо и позвонил вам только для того, чтобы справиться, не знаете ли вы…

— Послушайте, я приехал сегодня вечером, но в действительности приступаю к работе через неделю. В Риме мне нечего было делать, а здесь работы хватает всегда, это не остывающая горячая точка, а выжившие в кораблекрушении все как один еще здесь. Но если вы меня снабдите всеми сведениями, я завтра сяду в самолет, долечу до Палермо, а оттуда до Мюнхена и поговорю со всеми этими людьми. Уверяю вас, ни одно доверенное лицо не справится с этим лучше.

— Но это уже слишком. Я даже не знаю, как вас…

— Это мое ремесло, в конечном счете. Заниматься хрупкой человеческой натурой после

катастроф.

— Да, катастрофа здесь налицо.

— Но главное — хрупкость.

— Увы, тоже верно. Марина не в лучшей форме, а Грета еще ребенок…

— Я не их имел в виду.

— А кого?

— Вас, доктор Каррера. Сейчас вы должны думать о себе. Исключительно о себе. У вас есть все основания не желать заниматься другими. Вы меня понимаете?

— Да…

— Я с вами разговариваю как психиатр и как друг, если позволите. Вы должны сейчас думать не о других, а только о самом себе.

— И о малышке.

— Нет! Не путайте, доктор Каррера. Сейчас вы в опасности, ибо то, что случилось, ужасно и может вас погубить. Мы не думаем о других, когда сами в опасности. Представляете, как нужно вести себя в самолете в аварийных ситуациях? Помните, что там говорят делать с кислородными масками?

— Сначала наденьте на себя, а потом на ребенка…

— Совершенно верно. Вы раньше сказали, что, не будь вашей внучки, вы бы уже давно утюжили

речное дно. И я вам ответил: это счастье, что есть этот ребенок. Поэтому в реку вы не броситесь. Но вы не можете махнуть на себя рукой и опуститься. Не можете, потому что есть ребенок. Как ее, кстати, зовут?

— Мирайдзин.

— Не понял?

— Мирай-дзин. Японское имя.

— Мирай-дзин. Красиво.

— Означает «новый человек», «человек будущего». Под человеком подразумевается «мужчина», так как Адель не хотела заранее узнавать пол ребенка, была уверена, что это мальчик.

— Понятно. Но и для девочки годится.

— О да! Она такая женственная, Мирайдзин, я имею в виду. Совсем еще малышка, но черт побери, настоящая женщина.

— Охотно верю.

— Манеры точно у…

— …

— Простите, я вас перебил. Так вы говорили?..

— Я говорил, что вам сейчас нужно думать о себе, о том, где взять силы и обрести волю, чтобы заставить себя подняться утром.

— Ну для этого есть Мирайдзин.

— Нет! Так вы будете как лист на ветру. Эту

волю вы должны поискать и найти в себе. Только так вы по-настоящему сможете заниматься внучкой. Дети — это же какое-то сумасшествие: они воспринимают лучше то, о чем не говорится вообще, нежели то, что они слышат. Если вы будете заниматься Мирайдзин с опустошенным сердцем, она почувствует эту пустоту. Если же вы попытаетесь заполнить эту пустоту, и неважно, получается или нет, достаточно *попытаться* ее заполнить, тогда вы передадите ей это усилие, а это усилие, попросту говоря, и есть *жизнь*. Поверьте мне. Я каждый день занимаюсь людьми, которые все потеряли, часто это бывает единственный выживший из всей семьи. У них бездна материальных проблем разного рода, порой они болеют дурными болезнями, но знаете, над чем мы работаем?

— Нет…

— Над стимуляцией желаний, удовольствий. Потому что даже в самом бедственном положении наши желания и удовольствия выживают. Это мы их упраздняем. Когда мы сгибаемся под тяжестью горя, то отказываемся от своего либидо, но именно оно является нашим спасителем. Тебе нравится гонять мяч? Гоняй на здоровье. Нравится гулять по берегу моря, есть майонез, красить

ногти, ловить ящериц, петь? Пожалуйста, на здоровье. Это не решит ни одну из твоих проблем, но по крайней мере не обострит их, а тем временем твое тело освободится от диктатуры боли, стремящейся его умертвить.

— А мне что делать?

— Не знаю, это сложно, всего не обсудишь по телефону. Но в целом вы должны помнить, что в настоящий момент вы очень уязвимы и находитесь в опасности. Что вы должны спасти от крушения все то, что вам нравится. Вы по-прежнему играете в теннис?

— Да.

— Так же хорошо, как в юности?

— Ну по большей части стараюсь защищаться.

— Тогда играйте в теннис. К примеру.

— М-да. А Мирайдзин? Я не собираюсь оставлять ее одну, это должно быть ясно. Даже для того, чтобы поиграть в теннис. Я не собираюсь больше доверять никому свое сокровище — ни сёрфингистам, ни альпинистам, ни няням…

— Я с вами согласен, это разумно. Но вам никто не запрещает брать ее с собой, когда захочется поиграть в теннис.

— Мне надо этим заниматься, чтобы обрести волю к жизни? Ездить играть в теннис, захватив

с собой Мирайдзин?

— Я не утверждаю, что к вам вернется воля к жизни. Вероятнее всего, нет. Но вы в любом случае будете жить. Заниматься тем, что вашему горю угодно было бы вычеркнуть, поскольку это доставляет вам удовольствие.

— Мой отец был заядлым любителем научной фантастики. У него было почти полное собрание «Урании», с 1-го по 899-й номер. Он был на них буквально сдвинут, пропустил всего четыре выпуска. Но с тех пор как не стало моей сестры Ирены, в 1981 году, и вплоть до своей кончины, он умер восемь лет назад, он больше не купил и не прочитал ни одной книги.

— Вот видите, это как раз то, что я вам *не* советую делать. Вам лучше известно, что доставляет вам радость: занимайтесь этим, не отказывайте себе в удовольствии. Берите с собой малышку и занимайтесь ею, пока делаете то, что вам нравится. Другого выхода нет. Конечно, было бы неплохо, если бы в этот период за вами кто-то наблюдал, но, насколько я помню, вы не держите в чести психиатров.

— Психоаналитиков. Я всегда был окружен психоаналитиками, но все вокруг меня продолжали страдать как звери, а виноватым всегда оказы-

вался я. Я настроен против психоаналитиков, но против психиатров ничего не имею.

— Вы и против психоаналитиков ничего не имеете, поверьте мне. И все же как бы там ни было, мой вам совет не испытывать судьбу именно в данный момент. Если вы не собираетесь обращаться за помощью к кому-нибудь из моих коллег, займитесь собой сами. Важно, умоляю вас, думать о самом себе. Наденьте кислородную маску. Дышите. Поддерживайте в себе жизнь.

— Спасибо за совет. Попробую ему следовать.

— Да уж, пожалуйста. И пришлите мне эсэмэску с именами и адресами людей, с которыми я должен повидаться в Германии, тогда я завтра же утром и полечу.

— Сердечно тронут, доктор Карладори. Правда.

— Как я уже говорил, это моя работа.

— Я как раз собирался спросить, сколько я обязан?

— Об этом даже не думайте, доктор Каррера. Я сказал «работа», чтобы напомнить: я умею с ней справляться.

— Но позвольте мне оплатить хотя бы траты на путешествие.

— Не беспокойтесь. Я уже многие годы не плачу за билеты. Не думайте, что вы меня разорите.

— Доктор, ей-богу, не знаю, что вам сказать. Я тронут.

— Лучше ничего не говорите. Что я должен сказать пилоту, девочке и моему коллеге в клинике, я знаю, а вот относительно вашей бывшей не представляю, как вы намерены поступить.

— В каком смысле?

— Если она захочет приехать на похороны в Италию, вы сможете принять ее у себя?

— Не думаю, что она в состоянии путешествовать, доктор Каррадори. Не думаю, что она справится.

— Я понял, но тут ведь никогда не знаешь наверняка. По опыту знаю, что в некоторых случаях шок на время блокирует симптомы болезни, это не исцеление, но мало-помалу он устраняет физические препятствия, вызванные недугом.

— Я не против принять ее у себя.

— Теперь что касается ребенка, Мирай-дзин. Думаете, сможете время от времени привозить девочку к бывшей жене, как делала ваша дочка? Я понимаю, об этом преждевременно говорить, но рано или поздно эта проблема встанет.

— Думаю, что смогу привозить.

— Разумеется, когда немного придете в себя. А сейчас послушайтесь меня, сосредоточьтесь на

кислородной маске.

— Хорошо, доктор. Безмерно благодарен.

— Значит, высылайте все, что мне надо, эсэмэсками. Имена, адреса, номера телефонов. Нет, лучше пошлите на Ватсап, тут телефонная связь хуже Интернета. Чем раньше вы пошлете, тем быстрее я улечу.

— Сейчас же посылаю, доктор Каррадори.

— Отлично. И тогда я завтра улечу.

— Спасибо огромное.

— Вы правильно сделали, что мне позвонили.

— Теперь я понимаю.

— А это означает, что кислородную маску вы все же намерены надеть.

— Я ее уже надевал однажды, доктор. Когда умерла моя сестра.

— Верно. А сейчас наденьте снова.

— Другого выхода нет…

— Что верно, то верно. И еще я вам скажу, что я вас люблю, в общепринятом смысле.

— Я вас тоже люблю, доктор Каррадори.

— И если получится по времени, я на обратном пути из Мюнхена остановлюсь во Флоренции, если вы не против. Расскажу вам все лично и в малейших подробностях.

— Это было бы здорово. Но прошу вас, не в

ущерб вашей…

— Я же сказал «если получится по времени». Я, повторюсь, приступаю к работе через неделю.

— Отлично.

— Будет случай познакомиться с вашей внучкой. А может, даже погоняем шары, как вы на это смотрите?

— Вы имеете в виду теннис?

— Я почти не играю, но почему бы не развлечься? Впрочем, в юности, когда я был натренирован, вы все равно мне вкатили 6:0, 6:1.

— Подумаешь! Сорок лет назад.

— Возьмем с собой девочку и поиграем. Хорошо?

— Хорошо.

— Тогда я с вами на время прощаюсь. Жду все данные.

— Высылаю немедленно.

— До свидания, доктор Каррадори. Большое спасибо за все.

— Крепитесь. До скорого.

— До встречи.

Брабанти́ (2015)

Больгери, 19 августа 2015 г.
Дорогая Луиза!

Уже многие годы, когда я разговариваю с тобой, у меня складывается впечатление, что при этом присутствует кто-то другой. Под «тобой» я имею в виду девушку, которую люблю с двадцати лет и которая стала женщиной, матерью, а сейчас и бабушкой. Уже давненько, когда я разговариваю с тобой, не считая той девушки или того, что от нее в тебе сохранилось, у меня и правда возникает ощущение, что я беседую с чужим человеком. Больше того, чтобы быть до конца откровенным, признаюсь: мне кажется, что я разговариваю с твоим психоаналитиком, как ее зовут? Мадам Брикколи́, Стрипполи́? Я замечаю это, Луиза. Замечаю, потому что на лету улавливаю голос психоаналитиков, разговаривающих со мной устами своих пациентов, людей, которых я люблю. Я имел с ними дело всю жизнь. Я узнаю их.

Не стану скрывать: то, что вчера, после стольких лет, ты мне сказала про Джакомо, меня

сразило. Но хуже того, гораздо хуже были слова, которые ты, дорогая Луиза, сказала мне после этого. Потому что при твоей неспособности рассказать мне про Джакомо я еще, приложив усилия, могу узнать девушку, которую люблю, и сказать себе «ну что ж, так получилось», и смириться со всем. Мне пятьдесят шесть, мне не раз доводилось смиряться с худшим. Но видя мое удивление, когда ты наконец решилась выложить всю правду (ну да, и мое бешенство, оправданное, согласись), ты вместо того, чтобы сказать мне попросту: извини, ты не мог бы сделать очередной кульбит, чтобы от меня защититься, ибо я внезапно становился опасностью, от которой тебе следовало бежать, и даже наглым нарушителем границ, которого следовало изгнать обратно, проецирующим на тебя свои комплексы вины, — такое на тебя не похоже. Это все разговорчики как ее там? Мадам Прополи́? Струффелли́? Как, черт побери, ее имя? Разве не она — автор твоей тирады о героизме? О моем героическом видении жизни, которое завлекает в свои жернова и перемалывает всех, кто мне близок?

Разве я не прав, Луиза?

Я действительно такой, таким был всегда,

с детства: я действительно мало изменился, и никто не знает этого лучше тебя. У меня героическое видение жизни? Я должен постоянно ощущать себя героем? Возможно, но так было всегда, тут нет ничего нового. Во мне никогда нет ничего нового, в крайнем случае мне это можно поставить в упрек. Ты скучный, Марко. Вот это ты могла мне сказать. Даже если потом все само по себе круто меняется, сказать, что я прожил скучную жизнь, невозможно. Сейчас, к примеру, мне предстоит переосмыслить добрый кусок моей жизни, заново уяснить его в свете того, что все эти годы, вплоть до вчерашнего дня, ты от меня скрывала.

Потому что я обвинил во всем Джакомо. Глядя прямо ему в глаза, я его обвинил в том, что случилось той окаянной ночью. Именно тогда Ирене было плохо, и это было видно. За все то лето я выпустил ее из виду лишь один раз, в тот вечер, когда мы впервые вышли с тобой вместе: но с ней оставался он, и я был спокоен. Вот почему я возложил всю вину на него. До сих пор вижу его исказившееся лицо, в то время как я бросал ему слова обвинения. Я назвал его подлецом. Я сказал ему, что Ирена умерла по его вине. Я сделал это, и я знаю, что это ужасно, и раскаиваюсь всю свою

жизнь. Я бы вовек так не поступил, если бы знал, что он тоже был влюблен в тебя.

Я понимаю, что тогда ты мне ничего не сказала. Тебе было всего пятнадцать, многое было выше твоего понимания. И до тех пор, пока мы вновь не сошлись, я понимаю, почему ты продолжала скрывать от меня это обстоятельство, — переехала в Париж, мы больше не виделись, как бы ты могла мне сказать? Но мне становится непонятно, почему ты не рассказала мне все, когда мы возобновили встречи. Почему ты не сказала мне в те годы? Хочешь, я представлю тебе список случаев, когда ты могла бы все рассказать? Все эти мгновения до сих пор отчеканены в моей памяти, и ты уже была не девочкой, ты была женщиной с двумя детьми и готовилась к оформлению развода, ты могла это сделать тогда: отчего же не сделала? Почему ты заставляла меня думать, будто Джакомо бежит от меня, в то время как он сбегал от тебя?

Потом, когда все перепуталось — разводы, переезды, мы то вместе, то снова врозь все это время, — я снова начинаю понимать, почему ты мне ничего не сказала. Но, превеликий боже, когда мы снова начали переписку в то время, как умирали мои родители, и Джакомо снова появился на

сцене, почему ты не сказала тогда, почему не написала? Или когда их не стало, и ты приехала на похороны мамы, и Джакомо был вместе с нами, и я даже отвозил вас обоих в аэропорт: почему ты ничего не сказала? Или тем же летом? Почему не сказала в те три дня, которые мы провели в Лондоне? Джакомо снова исчез, и меня это снова глубоко ранило. Почему не сказала в том роскошном номере отеля «Лэнгам», что он не приехал на похороны отца, поскольку боялся снова там встретить тебя? А в августе, когда ты вернулась с острова Кастелоризо и мы провели вместе остаток лета? Почему ничего не сказала, когда мы отправились вместе — ты и я — развеять в море, у Мулинелли, перемешанный прах матери и отца, и то, что с нами в то время не было Джакомо, разве не чудовищно? Почему ты не сказала мне тогда, когда на моторной лодке доктора Зильбермана мы развеяли прах родителей в час заката, что и Джакомо был влюблен в тебя? И что это было настоящей причиной его бегства? И в то время, как он не отвечал на имейлы, которые я из года в год упорно посылал ему в надежде, что он когда-нибудь меня простит, он переписывался с тобой по электронной почте? И почему после этого ты мне ничего не сказала при любом

удобном случае, в Больгери, в августе, про все эти годы? Стоило лишь отвести меня в сторону, утром, как ты сделала вчера, и рассказать мне все то, о чем не рассказывала никогда.

И почему в конце концов, когда я уже сжился с чувством вины, ты вчера утром отвела меня в сторону и обо всем рассказала? По какой нездоровой причине ты заставляешь меня переосмысливать мой разрыв с братом? После того, что у меня случилось? Не будем обсуждать, было мое лицо искажено или нет, когда я вчера спросил у тебя только одно: почему-ты-говоришь-мне-это-сейчас?

Ну да ладно, сейчас на твою защиту бросится мадам Имярек, Браччоли́, Крокканти́, или я не прав? Что он позволяет себе, упрекает тебя, возмущается? Когда сам виноват во всех своих бедах, со своей злополучной семьей, со своей злополучной жизнью, и он еще осмеливается упрекать? Со своим героическим видением жизни, с требованием, чтобы люди были каменными, героями, как принято говорить.

Разве я ошибаюсь, Луиза?

Синьора, не позволяйте себя обвинять, внушать чувство вины, вы — жертва, вам было всего пятнадцать, а его жизнь была отмечена крахом его

семьи: не это ли она тебе сказала?

Брабанти́. Вот как ее зовут. Мадам Брабанти́.

Я произвел расчет, Луиза, и получилось, что мы разлучались на один раз больше, чем сходились. Клянусь. Поэтому с технической точки зрения не стоило даже говорить об этом, но через час я отвезу тебя в аэропорт, ты улетишь, и мы простимся, но я все равно тебе скажу, и на этот раз окончательно:

прощай.
Марко.

Из уст в уста (2013)

Должно было пройти много лет после смерти Ирены, чтобы кто-то из семьи Каррера выкарабкался, а кто-то так до конца и не сумел. Они были одной семьей, но их рассеяло горе. Когда через тридцать лет погибла Адель, семейное ядро уже распалось: прах Пробо и Летиции был развеян в Тирренском море, Марко и Джакомо не находили общего языка, и уже не оставалось ничего, что бы можно было еще разрушить. Смерть Адели, не менее ужасная, казалась менее тяжелой. Она казалась менее тяжелой потому, что переживал ее один лишь Марко, тогда как потерю Ирены переживала, но так и не смогла пережить целая семья. Доктор Карладори, бывший психотерапевт супруги Марко, подоспел на помощь, совершив несколько спасительных поступков, которые в общем помогли Марко выстоять и зажить той жизнью, которой не пожелаешь и врагу.

Первым делом Карладори взвалил на себя обязанность оповестить о трагедии мать Адели, свою бывшую пациентку, добравшись до клиники в Верхней Баварии, где она лечилась;

и даже принеся ей эту страшную весть, он сумел пробудить в ней былую откровенность, которая их связывала на протяжении пятнадцати лет, сумел взбодрить ее (болезнь ее выражалась, в частности, в том, что она не проявляла видимой реакции ни на какие внешние раздражители) и главное — сумел применить золотое правило управления посттравматическими стрессами, что вызвало взаимное сострадание у переживших горе родителей, которое превалировало над любыми другими чувствами. Вследствие чего благодаря его вмешательству между Марко и Мариной возобновились отношения, прекращенные после развода. Каррадори осознавал, что его вмешательство в жизнь двух близких к краху существ было рискованным, но то, что оно *сработало*, выражаясь непрофессиональным языком, не удивляло его нисколько: подобное срабатывало и на целых народах, переживших массовое бедствие, срабатывало и на отдельных личностях, проживающих свои маленькие трагедии. Это доставляло радость, поскольку давало ему доказательство обоснованности теорий, которым он посвятил свою жизнь.

Произошло следующее: подобно тому как трагедия зачастую нарушает пакт, скрепляющий

семью в единое целое, и приводит ее к неизбежной гибели, та же самая трагедия может привести к противоположному результату, если семья уже распалась, — сблизить уцелевших ее членов, даже если они годами беспощадно воевали и наносили друг другу раны, а потом разбрелись кто куда и думать забыли друг о друге. Это была теория камня, брошенного на поверхность воды: если вода спокойна, он разгоняет по ней круги, если, наоборот, бурлит, то он усмиряет ее, и наступает затишье.

В общем, благодаря внучке Марко и Марина наладили отношения и стали видеться. Марко время от времени ездил с ребенком в Германию, привозил внучку Марине в клинику и оставался в ее палате с ними и Гретой, второй дочерью Марины, — или же ходил с ними по саду, порой даже выводил их за территорию клиники прогуляться в расположенном рядом парке. Он не испытывал негативных чувств по отношению к бывшей супруге, жалкая жизнь, которую она вела и обречена была вести до конца дней, вызывала у него сочувствие: она ведь, как и он, стала shakul, они разделили это состояние. Когда он навещал ее, то исполнял долг, который считал святым, — долг, который регулярно и с нежностью исполняла,

пока была жива его дочь и который теперь, по своего рода «обратному» завещанию, стал его вечной обязанностью.

Второе, что сделал Карладори, — подарил Марко Каррере гамак. Он привез его во Флоренцию после первой своей поездки в клинику, где лежала Марина: гамак японского производства со складными ножками, его можно было переносить в рюкзаке и собирать в два счета где угодно. Маленький гамак. Для ребятишек. Когда Марко сообщил ему по телефону о смерти Адели, Карладори рекомендовал ему сосредоточиться на занятиях, доставлявших ему удовольствие, гнать от себя мысли, что скорбь все равно его поглотит, и Марко дал ему повод надеяться на лучшее, возражая уже не на идеологической почве («мне больше ничего не может доставить удовольствия»), а с практической стороны: он отныне и впредь будет находиться только с ребенком, не собирается внучку ни с кем оставлять, от занятий теннисом, скорей всего, придется отказаться (теннис в ту минуту был единственным удовольствием, которое пришло ему в голову) с двухлетним ребенком, за которым нужен глаз да глаз. Тогда Карладори посоветовал Марко брать девочку с собой повсюду, и это, безусловно, был

толковый совет, но одно дело давать советы по телефону и вешать трубку, а другое — войти в дом с готовым решением вопроса.

Каррадори наткнулся на этот гамак в магазине спортивных товаров, бродя по мюнхенскому аэропорту в ожидании посадки на свой рейс, и не мог пересилить желание подарить его Марко. Гамак был «предложением недели» и вместо 104 евро стоил 62,99. Он назывался Hanmokku — Ханмокку, что по системе Хэпберна является транслитерацией ハンモック, то есть, собственно, так звучит «гамак» по-японски. Предлагались разные цвета и размеры, для детей и взрослых: опоры были из легкой нержавеющей стали, собирался он очень быстро и легко, и получался действительно небольшой пакет размерами примерно с теннисную сумку. Коррадори знал довольно прилично поведение человеческой души, угнетенной диктатурой скорби, и ему также было известно: чтобы подтолкнуть эту душу к бунту, необходимо пройтись по всем тлеющим на ее периферии очагам, бессмысленным или даже опасным, — словом, он поддался импульсу подарить гамак Марко Каррере, чтобы у того было личное орудие борьбы — если не напрямую со скорбью, то по крайней мере с ее удушающими

ритуалами. Чем бы он теперь ни пожелал заняться, пусть вечером или ночью, он не должен ни от чего отказываться, чтобы оставаться дома с ребенком, а поскольку он не собирался нанимать приходящую няню, то мог брать девочку с собой повсюду, и она будет спать в своем гамачке там, где находится он. Если слегка поразмыслить, затея казалась лишенной смысла, во-первых, потому что для этих целей существуют сидячие коляски, а во-вторых, — и это главное — решать надо было не эту проблему, а искоренять отчаяние, теснившее грудь Марко, его нежелание даже слышать о каких бы то ни было жизненных утехах — и оба они прекрасно это знали. Но именно потому, что они оба это знали, и благодаря спасительному лицемерию Марко, его согласию, что речь идет о практическом решении вопроса, чисто случайно озвученного им самим, — то ли в силу его отрешенности, то ли в силу утраты им связи с действительностью, то ли из чувства неловкости или по какой угодно другой причине, но этот гамак создавал вокруг Марко защитный кокон, находясь в котором он мог последовать совету доктора Каррадори: именно потому, что это был гамак, а в гамаках, как известно, есть что-то волшебное, и к тому же он был портатив-

ный. Марко даже не знал, что гамаки бывают портативными, и вдобавок он был японским, а Мирайдзин — японское имя, и в таинстве ее зачатия что-то японское наверняка присутствовало. Словом, гамак стал ослепительным светом (как бывает всегда: в саду ли, в шалаше или даже в спальне гамаки всегда ослепительны), а именно в таком ослепительном, озаряющем свете нуждался Марко, чтобы восстать против гнета скорби. И благодаря упрямой дерзости этих предметов он сумел проявить дерзость в отношении собственной скорби.

Теннис. Ладно, теннис так теннис: турниры ветеранов тенниса 50+ по всем городам и весям Тосканы, потом турниры для тех, кому 55+ и далее парные 100+ против давних, еще с мальчишеских лет соперников, ныне уже облысевших. Турниры эти проводились, как правило, без судьи, по вечерам. Марко собирал гамак прямо на корте, под куполом надувного теннисного шатра, если стояла зима, укладывал в него девочку, уснувшую уже в машине, укутывал одеялом, если было холодно, она спала, а сам в это время играл (и почти всегда выигрывал), потом разбирал гамак и возвращался домой так же, как уезжал — не испытывая угрызений совести и часто с кубком

в руке. Рассказы о нем передавали *из уст в уста,* как говорят во Флоренции, когда о человеке идет молва. Да, о нем говорили, и ему это было приятно, но не это удовольствие стало его спасительной соломинкой.

Понемногу Марко возобновил участие в конференциях. Он давно отошел от своей науки, не следил за ее развитием, сделался обычным практикующим окулистом без всякого стремления к научной работе. Наверстать упущенное он не сумеет. Но у него были друзья среди неврологов, психиатров, любителей искусства или музыки, которые устраивали конференции, чтобы поделиться с коллегами тем, что их интересовало, и на таких конференциях Марко мог сказать свое слово, поделиться своими пристрастиями: к офтальмологии, к фотографии, к диким животным. Встречаться два-три раза в год для обсуждения вопроса о таинстве видеть и быть увиденными, развить идею, что общего, допустим, между косоглазием, полной рефракцией и коровой из Atom Heart Mother[82], подняться на трибуну и пред-

[82] Примечания: 82

«Мать с атомным сердцем» (*англ.*). Альбом группы «Пинк Флойд», на обложке которого было помещено изображение коровы. Члены группы в противовес идее «космического рока» на сей раз хотели видеть на конверте что-то предельно земное.

ложить вниманию аудитории во Флоренции, в Прато, в Кьянчбно-Тйрме свои соображения по данному вопросу доставляло ему удовольствие. Он брал с собой внучку, даже во время дневных заседаний, не стесняясь, обозначал ее присутствие, устанавливая в первом ряду гамак, когда она не спала, а просто хотела сидеть рядом с ним на стуле, слушал доклады, потом выступал со своим, потом все разбирал и возвращался домой, игнорируя аперитивы и официальные ужины. И в этом случае естественность, с которой он воспринимал то, что из-за этого гамака стал притчей во языцех, была, как сказал бы Коррадори, трансгрессией, придававшей *эротизма* усилиям Марко, стремившегося отделаться от барышни-скорби. Но даже не это удовольствие стало его спасением.

Он возобновил азартную игру: это было настоящим бунтом, это его спасло. Ибо тут ничего не поделаешь, за всю свою жизнь Марко не испытывал удовольствия, равного тому, которое изведал в игре, но которое принес в жертву богу семьи. А тут вдруг перестал жертвовать. Страсть к игре не угасала в нем все эти годы, и от него потребовались недюжинные усилия, чтобы держать ее в узде. Но в поездках, сказать по правде, Марко

не всегда удавалось владеть собой, и ему всегда казалось, что она, как в былые времена, *притаилась* под спудом, под завалом более подобающих занятий, которые он тем временем ей предпочел, готовая внезапно выползти наружу, дабы показать всему миру его истинную натуру, как тот волчий вой в конце песни Джони Митчелл, от которого берет оторопь и который именно по этой причине не понравился никому, кроме него, причем с первого раза (альбом вышел в конце семидесятых, когда все вокруг были еще мальчишками). В Риме он тоже играл, когда они еще жили с Мариной, но особенно разошелся после возвращения во Флоренцию, где благодаря теннису свел знакомство с отпрыском сиенской благородной семьи Луиджи Дами-Тамбурини, который — большая редкость — не остался без гроша за душой, а управлял солидным семейным состоянием: производством вина «Брунелло ди Монтальчино», недвижимостью во Флоренции и Сиене, бутилированием минеральной воды горного источника Амиата, контролировал небольшой банк, занимавшийся семейными инвестициями, помимо связанного с ним фонда, собиравшего иконографию XX века. Этому фонду, заметим в скобках, штаб-квартира которого

находилась там же, где и банк, во Флоренции, а не в Сиене, Марко Каррера подарил весь фотоархив своей матери, решив тем самым огромную проблему. Обеспечив победу этому аристократу в парной игре на каком-то благотворительном турнире, он добился первых приглашений на ужин на его вилле в Вико-Альто, которые впоследствии участились и стали регулярными по мере упрочения их теннисного дуэта даже на турнирах в возрастной группе 100+. Адель была еще жива, и ее немного беспокоили эти приглашения, поскольку имя Дами-Тамбурини было у всех на слуху по причине всем известного его обыкновения превращать свое жилище пару раз в месяц в подпольный игорный дом; но Марко успокаивал ее на этот счет, ведь приглашения, которые он получал, — назовем их приглашениями типа A — относились к изысканным ужинам скорее с масонским привкусом, чем с душком азартной игры.

Но достаточно было ему намекнуть на свое прошлое и желание его оживить, как он тотчас же оказался на теневой стороне жизни Дами-Тамбурини. Однако, начиная с первого приглашения, которое мы назовем типом B, Марко Каррера мигом сообразил, что тут что-то не сходится,

поскольку эта сторона его жизни была вовсе не темная, это был чуть более шипучий вариант приглашений типа А. Отличие состояло в том, что между диванами имелся только стол с рулеткой и второй — для игры в Chemin de fer[83], за которым сидели званые гости, но играли как-то рассеянно, несобранно, болтали и острили. Развлечение для дилетантов, вот что это было: тут не чувствовалось никакой страсти, никакой основательности; многие из участников — те же лица, что посещали ужины типа А, среди них не было одержимых, и на Марко, приезжавшего со спящей девочкой и гамаком, который он устанавливал в расположенном рядом маленьком кабинете, смотрели с умилением. Все были расслабившиеся, здесь даже отдаленно не ощущался запах краха, но именно этого Марко не хватало со времен, когда он день и ночь сидел за игорными столами, — запаха разорения и краха: без него он не испытывал ни малейшего удовольствия, но главное — вот что звенело в его голове — без него не станешь притчей во языцех. Поэтому,

[83] Примечания: 83

Букв.: железная дорога (*фр.*). Карточная игра, известная во Франции с XVI в. под названием «баккара». В казино играют за столами, на зеленом сукне которых нанесен рисунок, напоминающий железнодорожные рельсы, а шуз, в котором держат колоду карт, напоминает локомотив, переходящий из рук в руки.

прибегнув к научной логике, доказывающей существование невидимых простому глазу вещей, то есть доказывающей тем самым невозможность их несуществования, Марко Каррера утвердился в мысли, что должны существовать приглашения типа С.

И действительно, приглашения на салонные игры были прикрытием настоящей игры, в которую, например, были вовлечены комиссары полиции, офицеры финансовой гвардии и судьи — любители красивой жизни, которые делали все от них зависящее, чтобы руководимые ими силы порядка не врывались в подпольное казино, среди завсегдатаев которого они числились. Но они посещали лишь подобие настоящего игорного дома, специально придуманное для прикрытия. Прикрытие, обеспечивающее полную секретность приглашений типа С.

Благодаря этим прикрытиям настоящий и подлинный игорный дом мог быть сумрачным и первобытным, как нравилось Марко. Для него светскость была лишена смысла, единственное, в чем он испытывал необходимость, — это ломота в пояснице сильнее той боли, от которой раскалывалась голова: падение его самооценки до уровня этих проигравших душу, до нулевой

отметки; бунт против скорби, моральное разложение, подлость и утешение, что заслуживает апостериори всех свалившихся на него бед.

Тут играли всерьез. Например, для начала все игроки должны были пользоваться тайным прозвищем, независимо от того, знакомы они или нет. Дами-Тамбурини как настоящий сиенец назывался Драконом. Зампрокурора Ареццо, единственный из числа госслужащих, званных на вечера типа B, именовал себя Отчаянным; жена немецкого консула во Флоренции, дама чувственная и грудастая, выбрала кличку Леди Оскар; симпатичный владелец ресторана из Сан-Кашиано-Валь-ди-Пеза с родимым пятном в форме Африканского континента на шее был Рэмбо; бывший министр первой республики, девяностолетний старец — Машиной. Некоторых игроки Марко не знал, поэтому они и впрямь были для него Жоржем Элиотом, Пульчинеллой, Негусом, Патроном, Прерванной Жизнью, Филипом Диком, Мандрейком — и губительный дух здесь еще как чувствовался. Здесь было все: поземки перхоти на плечах, пот на лбах, ослабленные узлы галстуков, психогенный кашель, безумное суеверие и бесноватый взгляд тех, кто ставит больше, чем может себе позволить.

Присутствовал нотариус Маранги, он не играл, а время от времени обеспечивал юридическую помощь при переводах движимой и недвижимой собственности; и еще был врач по кличке Зорро, который тоже играл и оказывал первую медицинскую помощь в случае сердечных приступов, апоплексических ударов или обмороков. Этот игорный дом устраивал Марко Карреру. Его устраивал тот факт, что Дами-Тамбурини долго скрывал от него существование этого дома. Его устраивал тот факт, что доступ сюда он обеспечил себе путем, можно сказать, шантажа. Он достиг точки в своей жизни, после которой слышался лишь волчий вой, точно как в финале той песни Джони Митчелл, когда даже гитара перестает мурлыкать. Этот игорный дом был что надо.

В маленьком кабинете, где Марко всегда оставлял Мирайдзин, она вела себя всегда очень правильно — спала. Время от времени он заходил взглянуть на нее, и, если по чистой случайности внучка бодрствовала, Марко оставался с ней, легонько покачивая в гамаке, пока она вновь не засыпала, а потом возвращался к игре; и играя, как в юношеские годы, выигрывал. В рулетку, в Chemin-de-fer, в покер «Техасский холдем» он почти всегда выигрывал — но главное, выигрывал

он или нет, ребенок в гамаке был исключительным поводом, чтобы вовремя остановиться — чего игроки обычно не делают, — и в этом была его настоящая сила. Впрочем, он добивался не выигрыша, который бы привел в порядок его жизнь. Он искал резона, чтобы продолжить жить.

Его боевое имя было Ханмокку.

Взгляды – это тело (2013)

Кому: enricogras.rigano@gmail.com
Отправлено — Gmail — 12 февраля 2013 г. 22:11
Тема: Текст доклада
От: Марко Карреры

Привет, Энрико!

Высылаю в приложении текст моего выступления на конференции. Я воодушевлен тем, что после стольких лет могу вернуться к участию в конференциях. Спасибо тебе за предоставленную возможность, очень прошу тебя быть со мной откровенным, если тебе покажется, что доклад недотягивает по уровню.

Обнимаю.

Марко.

Научная конференция «ЗРИТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ: ОТ ГЛАЗА К МОЗГУ»

Прато, 14 марта 2013 г., Актовый зал Музея Печчи

Тема доклада: «ВЗГЛЯДЫ — ЭТО ТЕЛО»

Продолжительность: 8–9 минут

Докладчик: д-р Марко Каррера, университетская клиника «Кареджи»

«Дедуля-дедуля-дедуля...» Я лежу на кровати со своей внучкой Мирайдзин, которой два года и два месяца. Цель — убаюкать ребенка. Я обнимаю ее и глажу по кудрявой головке. В другой руке у меня мобильный телефон, на котором я читаю пришедшую эсэмэску, и это не нравится Мирайдзин. «Дедуля-дедуля-дедуля...» — возмущается она беспрерывно. Я отрываюсь от экрана и смотрю на нее: она улыбается мне и на минуту замолкает. Продолжаю читать поступившее сообщение, обнимаю ее и продолжаю гладить по головке, но она тут же заводит свое: «Дедуля-дедуля-дедуля...» Снова смотрю на нее. Она опять умолкает. Возвращаюсь к эсэмэске. Она начинает. Ей недостаточно моего тела, объятия, моего тепла, моих ласк. Ей требуется мой взгляд — иначе тебя нет, говорит она, а если тебя нет, даже не надейся, что я усну.

Я на автозаправочной станции, только что залил полный бак. Оплачиваю кредитной карточкой. После набора суммы к оплате электронный аппарат (недавно я выучил, что он называется

POS — сокращение от Point Of Sale[84]) требует ввести мой PIN-код (сокращение от Personal Identification Number[85], это я выучил давно). Хозяин автозаправочной станции поворачивает POS в мою сторону, а сам резко отворачивается в противоположную, в сторону полей, причесанных ветром. Он так выразительно проделывает это, что его движение представляется чрезмерным в череде прочих обычных, незначительных движений, лишенных особого смысла. Он отвернулся от меня для того, чтобы дать мне понять: он на меня не смотрит, в то время как я набираю свой ПИН-код, и поэтому я не могу быть к нему в претензии в тот день, когда клонируют мою кредитку.

В Песне XIII «Чистилища» Данте оказывается на второй горной террасе перед душами завистников. Они прижаты друг к другу, все во власяницах цвета скалы, на которую они опираются, умоляя святых угодников и Богородицу о защите. Вергилий призывает Данте посмотреть на них вблизи, и Данте видит, что их веки по краям зашиты железной нитью и из проколов иглы льются

---

[84] Примечания: 84
Пункт продажи (*англ.*).

[85] Примечания: 85
Персональный идентификационный номер (*англ.*).

слезы. Тут поэт делает нечто замечательное, преисполненное сострадания и современности: «Приближаясь, я боялся их оскорбить, / Пройдя невидимым и видя их, / И вопросительно взглянул на учителя». То есть он переводит взгляд на Вергилия, и вовсе не оттого, что муки грешников его ужасают, а чтобы не оскорблять эти души своим взглядом, на который они не могут ответить. Он как будто говорит, что лежачих не бьют и в безоружных не стреляют.

Согласно заявлению одного из представителей команды Принса, сделанному журналу мод Notorious[86]*, певец запрещал своим подчиненным смотреть на него. «Я своими глазами видел, как он уволил одного типа, — сказал помощник, пожелавший остаться неизвестным, — из-за того, что тот на него посмотрел. Чего он на меня пялится? Скажите ему, пусть проваливает». Американцы по такому случаю даже придумали специальный термин — eye contact*[87]*. Тому невезучему типу он стоил рабочего места, но попробуйте поднять глаза на своего соседа в ка-*

---

[86] Примечания: 86

Австрийский журнал мод, основанный в 2012 г. Сельмой фон Шенбург.

[87] Примечания: 87

Зрительный контакт (*англ.*).

ком-нибудь злачном заведении Бронкса. «Что же нужно было такого натворить, чтобы дойти до ручки?» «Eye contact».

Француженка Бальдин Сен-Жирон[88]*, философ, написала книгу, опубликованную в Италии в 2010 г., под названием* «Эстетический акт. Эссе в пятидесяти вопросах»*, в которой она вводит довольно смелое философское понятие «акта» в эстетике. Использование этого слова — «акт» — полностью опровергает концепцию, согласно которой «смотреть» — синоним пассивности в противоположность понятию «делать». Эстетический акт, говорит Бальдин Сен-Жирон, — это «вмешательство»; взгляды — суть тело. Пассивностью тут и не пахнет.*

Каждый день нас окидывают взглядами сотни людей. Мы тоже окидываем взглядом сотни людей. В большинстве случаев на это никто не обращает внимания: мы не замечаем, что на нас смотрят, и другие не видят, что мы смотрим на них. Поэтому ничего не происходит, и эти взгляды не влекут за собой никаких последствий, — но нет никаких оснований считать их менее дей-

---

[88] Примечания: 88

Бальдин Сен-Жирон (р. 1945) — французский философ, почетный профессор университета Париж-Нантер, специалист в области эстетики и философии.

ственными, нежели те, на которые я ссылался выше. Более того: так ли мы уверены, что взгляды, на которые не отвечают, непродуктивны? Есть люди, которые влюбляются, глядя ежедневно через окно на проходящего мимо одного и того же человека. Есть люди, отдающие свое сердце ведущему или ведущей в телевизионном ящике. Мы должны согласиться, что не существует более важных или менее важных взглядов: все они перемешиваются в ту минуту, когда мы бросаем взгляд, и только стечение обстоятельств, сиречь случай, определяет последствия.

Речь почти всегда идет о последствиях исключительно эмоциональных. Возьмем хозяина бензоколонки. Допустим, он не стал бы отворачиваться так демонстративно, а напротив, вперился бы взглядом в мои пальцы, набирающие ПИН-код; или даже просто смотрит мне прямо в лицо вместо того, чтобы ласкать взглядом полевую травку; меня бы это покоробило точно, и моя реакция, подавленная или не совсем, была бы схожа с реакцией Принса: чего он на меня уставился? Даже если бы я тогда не поверил, что он пытается запомнить мой ПИН-код, все равно я бы почувствовал себя оскорбленным. Это доказывает, что взгляды — одно из самых мощных

оружий, производящее эмоциональные взрывы, даже когда они не преследуют цели взорвать. Кто не чувствовал себя униженным, когда человек, с которым вы разговариваете, вдруг искоса посматривает на часы? Что делает взгляды более или менее приемлемыми — это качество внимания, которое они выражают. Вот, например, на обочине дороги стоит машина и возле нее топчется какой-то тип: мы проносимся мимо на скорости сто тридцать и на лету замечаем, что он мочится. Вполне вероятно, что это серьезный, порядочный, уважаемый человек в совершенно здравом рассудке: тем не менее в схватке с неудержимым зовом природы он был вынужден совершить — скажем так — этот социально неприемлемый акт. «К черту, — должно быть, подумал он, — всяко лучше, чем надуть в штаны». Но ни за что на свете он бы не сделал того, на что решился, видя, что мы подъезжаем, и понимая, что мы его видим. Он поворачивается к нам спиной, то есть сводит на нет свое внимание к нам и тем самым отменяет разрушительное столкновение с нашими взглядами. На самом деле стоит он к нам передом или задом, мало что значит, поскольку мы вряд ли знакомы, но для него значит много. Самое главное — это не

то, что он мочится на оживленной дороге, а то, что мы это видим. Если бы он не мог повернуться к нам спиной, самым главным было бы то, что он бы увидел и нас, и то, что мы его видим. Пассивность? Ничуть!

«Я — то, что я вижу», — сказал Александр Голлан[89]*: поскольку он художник, то естественно, что его творческая индивидуальность устремляется в направлении, исхоженном его взглядами; но с равным успехом Кейт Мосс* тоже *могла бы найти свою индивидуальность, поменяв полосу движения и утверждая: «Я — то, что другие видят во мне». Инструментом, которым пользуется человек, остается по-прежнему взгляд. Напротив, электронный глаз автоматических приборов — невинных по определению — стал идеальным накопителем самых чудовищных преступлений. Первоклассный бомбардир американского воздушного флота Томас Фереби молился, чтобы его глаза подсказали ему тот миг, когда нужно сбросить атомную бомбу на Хиросиму с бомбардировщика* «Энола Гэй»; *те же глаза вскоре увидели выросший от взрыва чудовищный ядерный гриб. Это означает, что*

---

[89] Примечания: 89

Александр Голлан (р. 1933) — французский художник и график венгерского происхождения.

он вмешался. Нынче американцы используют беспилотные бомбардировщики, так называемые дроны, которые сбрасывают бомбы по команде управляющего ими алгоритма. Не было прямого взгляда, значит, никто не замешан и потому никто не виновен.

И потом, есть еще созерцание, эстетический акт — креативный и мистифицирующий. Вот, например, Мирайдзин наконец уснула, и я созерцаю ее, а не эсэмэску: девочка, обычная спящая девочка, но мой взгляд превращает ее в самое прекрасное, что есть на свете.

Волки не убивают невезучих оленей (2016)

Первый удар — мимо: Дракон представляет ему нового игрока (Близард, это Ханмокку; Ханмокку, это Близард; очень приятно; очень приятно), и Марко Каррера пожимает протянутую ему руку, ничего не замечая. Он едва улыбается и следует дальше: он рассеян, может, переваривает свою подлость, потому что и сегодня приехал играть, хотя у Мирайдзин поднялась температура. Но сегодня особенный день, 29 февраля, и Марко не смог устоять. Он не суеверный и не верит в предрассудки, но все же верит в магию цифр и повторяющихся дат, и в день, повторяющийся раз в четыре года, грех не поиграть. Поэтому он и поехал. В конечном счете тридцать восемь не такая уж и высокая температура, и девочка не казалась такой уж больной. Он дал ей таблетку тахипирина, думая, что в крайнем случае, если температура будет подниматься, он отвезет ее в больницу в Сиене. Но пока все шло как по маслу: как всегда, она уснула в машине и проспала всю дорогу от Флоренции до Вико-Альто; как всегда,

проснулась по прибытии на виллу, и как раз вовремя, чтобы он смог разгрузить машину, как обычно, с помощью гигантского филиппинца Дами-Тамбурини по имени Мануэль, ждавшего их в конце боковой аллеи; и, как всегда, она вновь уснула, едва он опустил ее в гамак, как всегда, разложенный в «кабинете боли», названном так потому, что один из предков Дами-Тамбурини, Франческо Саверио, виконт Таламоне, вел тут свой тайный дневник, озаглавленный им «Боль», в котором описывал свои жестокие страдания, вызванные изменами жены Луиджины. Все прошло, как всегда, отлично, но это не отменяет того, что у ребенка температура, и Марко Каррера думает, до чего он подлый. По этой причине, когда Дами-Тамбурини представлял ему Неназываемого, он ничего и не заметил. Но потом внезапно взгляд его снова упал на этого долговязого человека, по-прежнему стоящего с хозяином дома в другом конце зала, и, не узнав его вблизи, он теперь вспомнил старого приятеля, глядя на того издали. Вспомнил его боевое прозвище Близард, на которое вначале тоже не обратил внимания. Не веря своим глазам, Марко пересек зал, направляясь в сторону Неназываемого, который сразу же его узнал и смотрел на него, выжидательно

улыбаясь.

— Но ты же… — бормочет Марко, но Неназываемый моментально его перебивает.

— Будьте любезны, вы не покажете мне, где здесь туалет? — говорит он, беря его под руку, и уводит от Дами-Тамбурини, который продолжает встречать гостей.

Они покидают зал. Марко и впрямь направляется к туалету. Смотрит по-прежнему изумленно на своего бывшего друга — встретиться с ним внезапно после стольких лет в этом заведении и даже поначалу его не узнать, — и сердце его начинает бешено колотиться: прежний парнишка, спасший ему жизнь сорок лет назад, теперь скорее напоминает старую ходячую вешалку, на нем потертый и расползающийся по швам костюм, седые волосы взлохмачены, как у безумного ученого, спина изогнулась наподобие вопросительного знака, лицо изборождено пороками, желтые зубы и затейливая татуировка, узоры которой, как щупальца спрута, заползают на шею — татуировка ему *не к лицу,* если так можно выразиться, как будто ее сделали против его воли.

Тем не менее он продолжает улыбаться.

— Дуччо… — говорит Марко.

Вот он, парень, которого он почти сорок лет на-

зад предал, распустив о нем слух и практически заставив исчезнуть, и которого действительно с тех пор никогда больше не видел. Когда-то все это вызывало у Марко невыносимое чувство вины, мучившее его, однако, недолго, потому что всего два года спустя он был раздавлен смертью Ирены, да и впоследствии угрызения совести его больше не терзали, напротив, они окончательно оказались погребены обрушившимися на него бедами, так что в течение нескольких десятилетий, да и за несколько минут до этого момента, в его памяти не находилось места ни для чувства вины, ни для самого Неназываемого. Но сейчас, когда тот стоит перед ним постаревший, одетый в какое-то тряпье, Марко удивляется, что не думал о нем ежедневно и даже, попросту говоря, забыл. Как такое возможно?

— Ты — *Аммоккку*? — спрашивает его Неназываемый.

— Да, — отвечает Марко, — но как ты…

— Тогда отправляйся домой. Немедленно.

Он выговаривал слова с трудом, словно страдал нарушением речи: впрочем, его восковое лицо совместимо с исходом любой болезни.

— Послушай меня, — повторил он, — тебе лучше сегодня не играть.

Из-за явной затрудненности речи слова его звучат значительно и с большой выразительностью.

— Почему? — спрашивает у него Марко.

Тем временем они подошли к туалету, где зеркала по обеим сторонам от каждого бесконечно отражают их фигуры.

— Посмотри на меня, — говорит Неназываемый, — и постарайся понять, о чем я тебе толкую: сегодня не играй. Возвращайся домой. Говорю тебе как друг.

Он снова широко улыбается, демонстрируя весь свой арсенал — частокол желтых клыков, налезающих друг на друга.

В течение долгой минуты в голове Марко Карреры образуется круговорот самых разных реакций, которые пытаются одновременно протиснуться вперед, сталкиваются и мешают друг другу. Отнестись к его словам серьезно и немедленно уйти, даже не спросив о причине, а просто суммируя его настоятельную просьбу со знаком, уже данным ему сегодня, — поднявшейся у Мирайдзин температурой. Или попросить объяснений этого, столь театрального его появления — с чего это он вдруг тут оказался, в каком качестве и с какою целью. Попросить у него прощения, с опозданием

на тридцать семь лет. Или же высказать несогласие и послать его подальше, что Марко так и подмывает сделать, в нем прямо закипает злость — и, раз уж мы коснулись темы, спросим, откуда вдруг эта злость? Ведь ничего дружеского в увещевании прежнего приятеля не было, скорее оно напоминало мафиозную угрозу. А может, когда делаешь кому-то гадость, то потом этого человека ненавидишь — ты или он — и с нетерпимостью относишься к любому его высказыванию?

— Дуччо, — сказал он наконец, пытаясь сохранять хладнокровие, — я хожу сюда играть каждую неделю. Я знаю, где нахожусь, знаком со всеми игроками, я здесь у себя дома. Вдруг откуда ни возьмись появляешься ты и просишь меня уйти. Почему? Где ты был все это время? Что делал? Почему так неряшливо одет?

В подпрыгивающих отражениях зеркал черный костюм Неназываемого при каждом его движении, казалось, расползается по швам: даже не могильщик, думает Марко. Даже не гробовщик.

— Я тут по работе, — отвечает Неназываемый. — А это моя спецодежда. Природа наделила меня уродством, и это мне на руку, но чтобы хорошо выполнять свою работу, я должен выглядеть отталкивающе, и в этом деле костюм — незаме-

нимый помощник.

— Ты о чем говоришь? Какая работа?

Неназываемый бросает взгляд на секунду вдаль, поднимая голову к потолку, и Марко в этот миг видит в нем мальчишку, выигрывавшего слаломы в Абетоне и поэтому прозванного Близардом. Или же нет, ему только померещилось.

Неназываемый делает глубокий вдох.

— Так вот, — произносит он. — Я приношу несчастье, ты это знаешь. Приношу несчастье всем, кроме тех, кто со мной, и ты это тоже знаешь, верно? Как там было? Теория глаза циклона… В общем, поскольку с определенного момента молва обо мне, скажем так, довольно широко распространилась и совладать с ней было невозможно, я решил извлечь из нее выгоду.

— Что это значит?

— Значит, что теперь я на это живу.

— То есть?

— То есть навожу порчу. Приношу неудачу за деньги. Не смейся, потому что сегодня я нанят твоим другом на вечер, чтобы принести ее Аммокку, то есть, как я понял, тебе. *Большую* неудачу. *Максимальную*. Поэтому я и говорю тебе — уходи. Послушай меня. Это не шутка.

И вновь заплетающийся язык и косноязычие,

кажется, придают его словам больше смысла и выразительности.

— О чем ты говоришь? — шепчет Марко Каррера. Ему не удается скрыть, насколько он растерян.

— Марко, сейчас я живу в Неаполе, понимаешь? Это все равно как если бы я был тореро и жил в Севилье. Люди указывают мне жертву и платят, чтобы я ее сглазил; я занимаюсь этим уже много лет, и, представь себе, это работает. Всегда. Тружусь ежедневно, в городе и за его пределами. Игра, бизнес, любовь, спорт, семейные неразберихи: я — антенна, передающая горю и беде, куда им надо обрушиться, и, клянусь тебе, сегодня утром я сел в самолет, чтобы сбросить их на Аммокку. «Чтобы он рыдал», — сказано было в заказе. Твой друг мне платит кучу денег.

— Который мой друг?

— Твой друг. Хозяин дома.

— Почему? Он действительно мой друг. Почему он должен чинить мне неприятности?

— Послушай, я не спрашиваю у своих клиентов, почему они хотят то, что заказывают. Я не знаю, какие тараканы у него в голове, завтра я вернусь в Неаполь и больше его не увижу. Если хочешь знать мое мнение, он — сумасшедший, но не из

тех, что считают пальцы на руках, и их всегда оказывается три. Это другой тип сумасшествия. Но это поверхностное мнение, поскольку я его совсем не знаю и потому могу ошибаться. Но я знаю точно: он жаждет видеть, как ты рыдаешь. Потому говорю тебе снова: возвращайся домой… Мне хватит задатка, без второй половины как-нибудь обойдусь, и все будет в порядке.

Из круговорота все отчетливее всплывает реакция, которой Марко добивается и добьется. Количество адреналина, выброшенного с утра в кровь в предвкушении вечера у Дами-Тамбурини, не уменьшается, а увеличивается. Но пока еще нет языка для выражения происходящего, пока не хватает слов. Поэтому Марко отмалчивается.

— Уезжай, — настаивает Неназываемый. — Не мешкая. Мать мне рассказывала, что у тебя стряслось. Поезжай домой.

Марко вздрагивает.

— Твоя мать жива?

— Да.

— Да сколько же ей?

— Девяносто два.

— Как она поживает?

Неназываемый строит гримасу — трудно сказать, что она означает: в лице его, изборожденном

морщинами, возникает что-то дикое, безжалостное и горькое.

— Поживает прекрасно, — отвечает он, — но не благодаря мне, конечно. Я о ней не забочусь. За ней ухаживают мои племянички, бравые ребятишки, в надежде на наследство. Обихаживают ее, сбиваясь с ног, заботятся о ней больше, чем о собственной матери, скончавшейся в одиночестве в туберкулезном санатории. Они не догадываются, что наследство и так уже в их кармане, потому что меня оно не интересует: знали бы они это, давно бы подсыпали ей крысиного яду. Так я ее оберегаю: пусть племянички продолжают ее улещивать, чтобы она вычеркнула меня из завещания.

Он замолкает. Гримаса исчезает с его лица так же быстро, как появилась.

— Все эти годы, — продолжает он, — она рассказывала мне о тебе — держала в курсе. Сожалела, что на тебя обрушились все эти беды. Поезжай домой.

Так неожиданно Марко обнаруживает, что ему сострадают. Никогда раньше он об этом не думал: он вернулся в места своего детства, стал навещать прежних друзей, посещать старые спортивные клубы и ни разу ни с кем не говорил

о произошедших у него бедах, которые продолжали происходить. Ирена. Марина. Адель. Он не плакался никому в жилетку, стойко держался и тянул свою лямку, а сейчас узнает, что о нем ходят разговоры и ему сострадают даже такие, как Неназываемый, у которого и у самого жизнь пустая. И тут вдруг возникают слова, с помощью которых он может выразить то, что думает.

— Послушай, Дуччо, — начинает он, — благодарю тебя за предупреждение, но домой я не поеду, поскольку никогда не верил, что ты можешь сглазить. Я никогда в это не верил и даже боролся с теми, кто про тебя так думал. Много лет назад я совершил ошибку, всего одну: грубейшую ошибку, сознаюсь, потому что был в шоке, глупый и одинокий, и ты, конечно, заплатил за нее, я приношу тебе извинения, и, если бы можно было вернуться обратно, я бы ничего подобного не совершил, клянусь. Но я и тогда не верил во все эти бредни. Я обязан тебе жизнью, поэтому мне нечего тебя бояться. А то, что Дами-Тамбурини, как ты говоришь, мой друг и, кроме того, мой партнер в парных играх, из-за чего в последние годы выиграл в нескольких захудалых турнирах, что, по-моему, является главной целью его жизни, вместо того чтобы целовать следы моих ног,

как говорила моя мама, нанимает тебя, чтобы заставить меня рыдать, вызывает во мне лишь еще большее желание играть: знаешь, когда игра становится жесткой…

Неназываемый обалдел и не может скрыть замешательства. Он явно не привык, да еще в течение стольких лет, иметь дело с людьми, которые *не верят*.

— Кроме того, — продолжает Марко, — после того как ты мне рассказал о причине, по которой ты здесь оказался, я имею огромное преимущество и попробую им воспользоваться. В любом случае, что касается счастья и несчастья, я тебе кое-что покажу. Иди за мной.

Марко выходит из туалета, следом за ним Неназываемый, и направляется к «кабинету боли». Делает знак не шуметь, приложив палец к губам, и осторожно открывает дверь. Пропускает Неназываемого, проскальзывает в комнату сам и еще осторожнее закрывает дверь. Девочка спит, одна рука свисает с гамака. Марко укладывает руку на место, прикладывается губами к слегка вспотевшему лбу девочки, к счастью, холодному.

— Это моя внучка, — говорит он вполголоса, — ее зовут Мирайдзин. Она всегда там, где я. Всегда. Моя подпольная кличка — Ханмокку, из-за этого

гамака, в котором она спит. Видел? У него разбирающиеся опоры. Мой друг тебе о нем говорил?

— Нет.

— Теперь ты знаешь…

Напоследок Марко еще раз щупает лобик ребенка, идет к двери, открывает: оба тихонько выходят из кабинета.

— Так вот, повторяю, — произносит он, плотно прикрыв дверь, — я не верю в некоторые вещи, но если бы в этом мире существовала возможность приносить счастье или несчастье, никто бы не смог ее одолеть. Она рядом со мной и меня защищает. Поэтому, может быть, лучше тебе вернуться домой. Не хочу тебя осрамить, испортить, так сказать, репутацию.

Улыбается. Они с Неназываемым ровесники. Они были друзьями неразлейвода, еще когда Марко называли Колибри. Они вместе участвовали в лыжных соревнованиях, слушали прекраснейшую музыку бесконечными послеобеденными часами в те годы, когда каждую неделю появлялся очередной шедевр. Вместе начали играть в азартные игры — скачки, рулетку, кости, покер. Вместе объездили казино и публичные дома пол-Европы. Есть какая-то удаль в их общих воспоминаниях.

— Не шути с огнем, — просит Неназываемый. —

Возвращайся домой.

Потом произошли перемены, внезапно, и каждый теперь сострадает другому. Но Неназываемый стар, одинок и одной ногой в могиле, тогда как Марко Каррера с виду годится ему в сыновья, он в отличной форме, и у него еще есть будущее, потому что с ним Мирайдзин. Внезапно Марко становится понятен замысел, приведший его сюда: интуитивная догадка Каррадори подарить ему гамак, беспардонность, с какой он использовал его в своих целях, в пику любящему дедушке, каким он пытается быть и каким его все считают, — все это было нацелено на 29 февраля, день, который не существует. И вся любовь, разбросанная по миру, и все время, потраченное зря, и вся испытанная боль — все это была сила, мощь, судьба — и все это вело сюда.

— Волки не убивают невезучих оленей, Дуччо, — говорит он. — Они убивают только слабых.

Третье письмо о колибри (2018)

Марко Каррере
Площадь Савонаролы, 12
50132 Флоренция
Италия

Париж, 19 декабря 2018 г.

Марко!

Читаю сейчас книгу о Фабрицио Де Андрй. Написала ее Дори Гецци в соавторстве с двумя профессорами, лингвистами. Удивительная книга, прочитала сейчас отрывок, в котором оба лингвиста объясняют значение слова «эмменалгия»:

«Происходит от греческого глагола «еттйпо», означающего «остаюсь несгибаемым», «упорно держусь» или «неутомимо продолжаю». Безотрадное чувство терзания, связанное с решимостью идти до конца несмотря ни на что. Но это коварный глагол. Потому что «еттйпо» означает также «увильнуть от закона, от решения других». Это судьба всех человеческих существ — и не только их: ведь даже Бог подчиня-

ется закону свободной воли — в их единоборстве с границами времени, которые их определяют. Это слово — и яд, и средство для лечения будущей раны, когда будущего у нас уже нет; поэтому в известном смысле оно бесполезно. Потому что в действительности, даже если оно исцеляет одну какую-то рану, настоящая необоримая надежда каждого человека, когда он честен с собой, заключается в том, чтобы раны не было вовсе».

Но, Марко, послушай, ты и есть этот глагол. Ты, как никто, можешь неутомимо продолжать и, как никто, умеешь избегать перемен, в точности как этот коварный глагол, о котором говорят оба лингвиста: остаешься несгибаемым, идешь до конца, но также умеешь увильнуть от закона и от решений, принятых другими людьми.

И я внезапно поняла (поэтому и пишу внезапно, хотя прекрасно знаю, что ты не ответишь), что ты действительно колибри. Вне сомнений. Меня вдруг осенило: ты действительно колибри. Но не по тем причинам, по которым тебе придумали эту кличку: ты колибри, поскольку отдаешь всю свою энергию и силы на то, чтобы оставаться неподвижным. Семьдесят взмахов крылышками в секунду, чтобы зависнуть на месте. В этом

тебе нет равных. Ты умеешь остановиться во времени и пространстве, умеешь остановить время и пространство вокруг себя и порой даже можешь обогнать времена в поисках утраченного времени, точно как колибри, умеющий летать назад. Вот почему так замечательно находиться рядом с тобой.

И тем не менее то, что у тебя выходит естественно, другим дается с большим трудом.

И тем не менее стремление к переменам, даже когда, вероятно, они не приведут к лучшему, является частью человеческих инстинктов, которым ты обделен.

И тем не менее самое главное — стоять всегда на месте и не двигаться, прилагая для этого огромные усилия, и это не средство для лечения раны, это и есть сама рана. Вот почему находиться рядом с тобой невозможно.

Я прожила всю жизнь, задаваясь вопросом, почему тебе не удалось то, что долгое время казалось твоим самым заветным желанием: шаг, после которого мы были бы вместе. Я спрашивала себя, что в тебе такого, что тянет тебя назад, когда мы оказываемся рядом (такое за последние годы случалось не раз), отталкивая внезапно от того, что еще минуту назад тебя неудержимо привле-

кало. Сегодня я внезапно поняла, что на самом деле все было наоборот: это я не могла остаться с тобой. Чтобы оставаться с тобой, надо оставаться в неподвижности, а я от рождения на это не способна. Результат в обоих случаях одинаковый, мы не достались друг другу, при всех значениях, которые можно придать этому факту; но эта новая точка зрения наполняет меня грустью, тоже новой и беспощадной, поскольку я понимаю, что все зависело от меня.

Прийти к пониманию этого столь поздно тоже безжалостно, но лучше поздно, чем никогда.

Марко, у меня за окнами взрывы, крики, сирены «Скорой помощи». Сегодня суббота, а по субботам здесь конец света, но это стало нормой. «Желтые жилеты»[90]*, которые все громят, стали нормой. Обходиться без тебя тоже стало нормой.*

Счастливого Рождества.

Луиза.

---

[90] Примечания: 90

Имеется в виду *Движение желтых жилетов* — спонтанно возникшее в октябре 2018 г. после того, как онлайн-петиция с требованием снижения цены на бензин, повышения зарплаты и налоговой реформы собрала свыше миллиона подписей. Во время манифестаций участники надевают желтые светоотражающие жилеты.

Как обстоят дела (2016)

— Алло?

— Здравствуйте, доктор Каррадори, это Марко Каррера.

— Здравствуйте. Как поживаете?

— Я — хорошо. Вы как?

— Я тоже хорошо, спасибо.

— Не отвлекаю? Где я вас поймал?

— Вы меня ничуть не отвлекаете. Я сейчас в Риме. Хожу на курсы усовершенствования, перед тем как снова отправиться в Бразилию.

— В Бразилию? Зачем?

— А, понятно. Здесь в Италии никто и не слышал, что четыре месяца назад в Бразилии произошла одна из крупнейших экологических катастроф в истории. Название Бенто-Родригес вам ничего не говорит?

— Нет.

— Это поселение в штате Минас-Джерайс. Хотя точнее было бы сказать *бывшее* поселение.

— Что с ним случилось?

— Погребено под токсичной грязью, отходами производства окиси железа. Дамба хвостохра-

нилища[91] прорвалась, и все это хлынуло. Уже почти четыре месяца назад.

— Много погибших?

— Не очень. Семнадцать человек. Но проблема в том, что загрязнена территория, равная половине Италии, а это значит реки и огромный отрезок атлантического побережья, находящийся в сотнях километров оттуда. Десятки тысяч людей лишились всего и были эвакуированы.

— Я правда ничего об этом не слышал.

— О катастрофе почти не писали в Италии. Пара сообщений, и на этом все. Уже много месяцев, как об этом вообще не пишут, забыли. Но это настоящая техногенная катастрофа. Люди хотят остаться на своей земле, но она загрязнена. Оставить их там — они умрут от рака. Вывезти — без своей земли они не хотят жить. Да и куда их везти? В общем, настоящее бедствие.

— Сожалею…

— Что поделаешь. Но как вы, доктор Каррера? Хочу услышать, что у вас все хорошо.

— Так оно и есть. Все хорошо.

---

[91] Примечания: 91

Хвостохранилище — сооружение, предназначенное для хранения токсичных отвальных отходов обогащения полезных ископаемых. На горно-обогатительных комбинатах из добытой руды получают концентрат, а отходы переработки («хвосты») сбрасывают в хвостохранилища.

— Ну слава богу. А малышка?

— Чудо-ребенок.

— Сколько ей сейчас?

— Уже пять с половиной.

— Ничего себе! Ну, да, конечно, когда мы виделись с вами в последний раз?

— Увы, три года назад.

— Да, ей тогда было два с половиной. Словом, все хорошо.

— Да, все хорошо. Разве что только…

— Что стряслось?

— Хотел поговорить с вами об этом.

— Слушаю вас внимательно.

— Но сначала я, в общем, должен исповедаться перед вами.

— То есть?

— Гамак. Тот, который вы подарили.

— Ну да, и что?

— Я его использую.

— Я счастлив.

— Но не только для тенниса и конференций, как я вам говорил.

— Вот как? А для чего же еще?

— В юности я играл в азартные игры, вы ведь знали об этом?

— Ну да. Мне говорила ваша жена, когда ходила

ко мне.

— Покер, Chemin-de-fer, рулетка. Потом я бросил.

— Ваша жена говорила и об этом.

— Я снова играю.

— Так это же здорово. Вам по-прежнему нравится?

— С ребенком, спящим в гамаке.

— Логично.

— В соседней комнате.

— Естественно, он для это и был…

— Иногда всю ночь напролет. До рассвета.

— Ну и ладно, что в этом плохого? Если вы только не проиграли крупную сумму. Вы проиграли крупную сумму?

— Я? Ну что вы! Напротив…

— …

— …

— Слушаю вас, доктор Каррера.

— Вчера ночью. То есть минувшей ночью. В общем, десять часов назад…

— Ну и что?

— Я *выиграл* кучу денег.

— Что это значит?

— Это значит, я выиграл абсурдно большую сумму. И совершил абсурдный поступок.

— То есть?

— В начале вечера меня предупредил мой старый друг, которого я не видел тридцать с лишним лет. Профессионал, скажем так. Стоило бы рассказать и о нем, но не буду затягивать. Встречаю его после всех этих лет в том месте, куда я езжу играть почти каждую неделю уже в течение трех лет. Он отводит меня в сторону и говорит: «Уезжай, возвращайся домой». Почему, спрашиваю. «Потому что они хотят тебя разорить». Кто? — спрашиваю я у него. Он мне говорит: «Здешний начальник: он нанял меня, чтобы тебя разорить, чтобы увидеть твои слезы. Я сразу не понял, что это ты».

— Как он не понял, вы же друзья?

— Мы используем в игре псевдонимы. Он знал, что ему нужно разорить Ханмокку, но только когда нас представили друг другу, он узнал, что Ханмокку — это я.

— Вот оно что.

— Что, мимоходом замечу, есть название подаренного вами гамака.

— Совершенно верно.

— Короче, он мне обо всем рассказывает. А тот, кого он называл начальником, — это хозяин дома, Луиджи Дами-Тамбурини. Никогда не слышали?

— Нет. А должен был?

— В Тоскане это довольно известное имя. Знатная семья из Сиены. Но я спросил просто так, это не имеет значения. Важно то, что Дами-Тамбурини — мой партнер по теннису в парных играх в возрастной группе свыше 100, и до вчерашнего вечера я смело мог назвать его своим другом.

— Свыше ста?

— Имеется в виду сумма возрастов игроков. Встречаются сильные типы.

— Вот оно что…

— В общем, мой старый друг сообщает мне, что Дами-Тамбурини задумал меня разорить. А у Мирайдзин чуть раньше поднялась температура, и я сомневался, ехать или не ехать в тот вечер. Как вы думаете, что в подобных случаях делает человек?

— Что?

— Садится и уезжает, вот что он делает. А потом, назавтра, на свежую голову обдумывает, как обстоят дела. Правильно?

— Совершенно верно.

— Пытается понять, правда или нет, что его постоянный партнер нанял профессионала, желая его разорить. И в данном случае возникает еще один вопрос: почему? Но на свежую голову, по

здравом размышлении. Верно?

— Верно.

— Для меня — нет.

— Вы остались?

— Да, я остался играть.

— И выиграли невероятную сумму.

— Да.

— Выиграли у своего напарника по теннису или у своего старого друга?

— У своего напарника по теннису, того, который хотел видеть мои слезы. Я был в шаге от полного краха. В крошечном шажке.

— То есть?

— Я поставил на сумму, которой у меня нет.

— Сколько?

— Не скажу, мне неловко. У меня таких денег не было и нет, и, проиграй я, мне пришлось бы несладко.

— Но вы же не проиграли?

— Нет. У меня был бубновый валет против валета треф.

— Во что вы играли?

— В «Техасский холдем».

— Что это?

— Покер по-техасски.

— Сильно отличается от обычного покера?

— Ну, в общем, немного усложнен. У каждого игрока две закрытые карты и пять открытых, то есть общих.

— Что-то вроде «телезины».

— Да. Разновидность.

— «Телезины» или «терезины»? Я так и не понял.

— Думаю, обеих. Это итальянские искажения «Теннесси», ее американского названия.

— В самом деле?

— Да. В Америке в покер играют в разных штатах по-разному. Техасский вариант наиболее распространенный. Разработан специально для контроля за выигрышами и проигрышами, чтобы люди не разорялись, как частенько случается в Теннесси. Но вчера ночью это не сработало. Вчера ночью я был в шаге от краха.

— Но потом все же выиграли.

— Да. Крах потерпел Дами-Тамбурини. Он стал проигрывать и требовал переиграть партию в надежде отыграться, и опять проигрывал и требовал переигрывать, и так раз за разом, пока мы не остались с ним один на один, это была наша игра, наш личный счет. Я играл без остановок, без передышки. За двадцать минут, даже меньше, за четверть часа я выиграл уйму денег.

— Сколько?

— Мне неловко признаться и в этом.

— Почему? Вы же не проиграли их.

— Я их не проиграл, но все равно в этом деле замешан.

— Сколько?

— Восемьсот сорок тысяч.

— С ума сойти!

— Еще бы, удваивая ставки…

— А у вашего друга есть такие деньги?

— Найдутся. Его семья владеет инвестиционным банком, землями, виноградниками, минеральной водой, недвижимостью… Но я от них отказался. И поэтому звоню вам.

— Как отказался? Почему?

— Потому что их слишком много. Что с ними делать? Там был и нотариус, который всегда к услугам в случаях крупных проигрышей, но и он оказался в тупике, не знал, как выкрутиться.

— То есть вы выиграли восемьсот тысяч евро и оставили их там?

— Восемьсот сорок тысяч. Да.

— Черт побери…

— Вы считаете меня сумасшедшим?

— Да нет. Просто необычно.

— Я их не взял, но попросил кое-что взамен.

— И что же вы попросили?

— Видите, доктор Каррадори, был рассвет, в соседней комнате в гамаке спала Мирайдзин, я дал ей таблетку тахипирина. Я выдохся, четверо находившихся рядом выдохлись еще больше. Через два часа я должен был быть в больнице на работе. На столе валялись карты — гибель того, кто шестью часами раньше был моим другом…

— И что же? Что вы попросили взамен?

— Вдобавок я сгорал от стыда за все, что наделал. За то, что поехал играть, несмотря на поднявшуюся у Мирайдзин температуру. За то, что не вернулся домой, когда меня настоятельно просили. За то, что вошел в раж, когда проигрывал, и вовремя не остановился, как делаю обычно. За то, что еще больше разошелся, когда стал выигрывать, выигрывать, выигрывать, пока не дошел до абсурда, выиграв эту сумму.

— Ну хорошо, это был шок. Что же вы попросили взамен?

— Мне было стыдно за то, что я играю, за то, кто я есть, за то, как прошла моя жизнь. За то, что я потерял всех, кого любил, потому что, как ни крути, все они ушли, доктор Каррадори, все, никого не осталось…

— Мы говорили, что есть ребенок.

— Я стыдился и за внучку, оставленную в гамаке: я стыдился, и мне было жаль себя, нестерпимо, до ужаса. И сделал то, что ни один игрок никогда не сделает.

— И что же именно?

— Я рассказал все то, что рассказываю вам сейчас, тем четырем несчастным, которым, несомненно, было так же стыдно, как и мне. Я сказал и о другом, о чем не часто говорят за игорным столом, но что испытывают все.

— То есть?

— Я сказал, что по мере того, как я выигрывал эти деньги, моя жизнь, которую я веду сейчас, становилась все более убогой. Я выиграл пятьдесят тысяч евро и решил, что куплю себе новую машину, потому что моя нынешняя внезапно показалась мне рухлядью. Но прежде я никогда не думал, что езжу на развалюхе. Понимаете?

— Понимаю.

— Типично для игрока: превращать собственную жизнь в мерзость, надеяться, что она изменится с выигрышем, хотя в действительности желания что-то изменить он никогда не испытывал. Я выиграл уже больше двухсот тысяч и видел себя на Мальдивах или в Полинезии, в роскошных местах, куда на самом деле никогда

не собирался. Четыреста тысяч, и вот уже появляются ассистенты, слуги, поварихи, личные водители, гувернантки, словно я не желал ничего другого, как только перестать заниматься собой и своей Мирайдзин. Шестьсот тысяч, и вот я уже бросаю работу, выхожу на пенсию, как если бы моя работа, которой отдано тридцать пять лет, ради которой я принес себя в жертву и которой посвятил столько времени и сил, вдруг стала мне противна. Но это не так. Жизнь, которую я веду, мне отнюдь не противна, наоборот, мне она нравится, потому что, в отличие от многих других людей, у меня есть цель, и эта цель — вручить миру человека будущего, которого по великой и нестерпимой милости мне поручено взрастить.

— И вы это все им сказали?

— Да. И под конец добавил даже то, что любой игрок знает наизусть: ничего хорошего с выигранными в казино деньгами не выходит. И что по всем этим причинам я отказываюсь от восьмисот сорока тысяч.

— А ваш друг? А остальные? Что они сказали?

— Все рыдали. Клянусь. Они мечтали, что я пролью слезы, но я заставил расплакаться их. Но они рыдали не от боли, а от охвативших их чувств. Несколько патетично звучит, но это единствен-

ное, за что мне не стыдно.

— Так что же вы попросили вместо выигрыша?

— Попросил вернуть мне фотоархив моей матери. Я его подарил фонду этого Дами-Тамбурини, это тоже длинная история, не стану рассказывать. Много лет назад я подарил архив его фонду, связанному с его же банком, и попросил вернуть.

— Почему?

— Потому что внезапно, после испытанного мной сожаления, о котором я вам уже говорил, мне показалось, что я наконец понял, как в действительности обстоят дела. Я понял, что единственной ценностью, которой владел тот человек, был подаренный мной материнский архив.

— Браво.

— Те фотографии я им не дарил, я просто от них избавился. Под предлогом, что передаю их тем, кто сможет их оценить лучше меня, я сбыл с рук то, что моя мать оставила после себя, след ее пребывания на этой земле. Завтра я его заберу. Это моя победа, одержанная вчерашней ночью.

— Вы не жалеете?

— Ну вот еще! Послушайте, у меня нет проблем с деньгами. Мне всегда нравилось работать, и я

никогда не мечтал о жизни рантье. Для меня те деньги стали бы проклятием. Это игра, страсть подростка, от которой я так и не избавился, продолжала мне угрожать. Я прожил жизнь под этой угрозой, но сегодняшней ночью заглянул ей в глаза. Увидел, как обстоят дела. Мне нужно было с кем-то поговорить об этом. Я вспомнил о вас.

— Правильно сделали.

— Сейчас я должен попрощаться. Я отнял у вас слишком много времени.

— О чем вы говорите? Вы прекрасно сделали, что мне позвонили.

— Благодарю вас, доктор Каррадори. Надеюсь вас скоро увидеть.

— Непременно вас навещу. Покажете фотографии из архива вашей матери.

— С удовольствием. Они прекрасные.

— Не сомневаюсь.

— До свидания, доктор Каррадори.

— До свидания, доктор Каррера.

Последнее (2018)

Луизе Латтес
23, Рю дю Доктер-Бланш
75016 Париж
Франция

Флоренция, 27 декабря 2018 г.

Дорогая Луиза!

Вот я тебе отвечаю. Вероятно, ты знала, что на этот раз я объявлюсь: разговор о колибри, эмменалгии, о том, почему мы не сошлись, не может кануть в бездну. Но это отнюдь не означает, что я собираюсь возобновить с тобой переписку. Единственное, что я знаю наверняка, так это то, что не могу возобновить с тобой какую бы то ни было связь.

Прежде всего, к вопросу о том, двигаться или стоять на месте: я вижу, что ты снова переехала в новый дом. Почему? Разошлась и со своим философом-евреем? Если да, то почему? Или это твоя рабочая студия? Но если это студия, то почему ты сняла ее так далеко от дома? Другие гипотезы в голову не приходят, поскольку исклю-

чаю, что, оставаясь вместе, вы просто поменяли жилье: не могу представить себе философа-еврея, всю жизнь прожившего в Марэ[92], как ты его описывала, и вдруг ни с того ни с сего срывающегося оттуда и переезжающего на новое место в шестнадцатый округ.

Несомненно, что за этим передвижением стоит какой-то мотив; труднее понять, стоит ли он за неподвижностью. Но это потому, что наше время раз от разу придавало все больше ценности переменам, даже переменам ради перемен, и перемены — это то, чего все больше всего желают. Поэтому тут ничего не поделаешь, кто движется — тот храбрец, кто не движется — тот трус, кто меняет — тот просвещен, кто не меняет — тот невежда. Так стали считать в наше время. Поэтому мне очень приятно, что ты заметила (если я правильно понял твое письмо), что требуется смелость и энергия, чтобы не двигаться с места.

Я вот думаю о тебе: сколько раз ты переезжала? Сколько поменяла рабочих мест? Сколько возлюбленных, мужей, приятелей, детей, абор-

---

[92] Примечания: 92

Один из центральных кварталов Парижа, расположенный в 3-и и 4-м округах, на правом берегу Сены, место проживания еврейской диаспоры.

тов, летних загородных вилл и домов на море, сколько привычек, огорчений, удовольствий и боли было в твоей жизни? Сколько энергии ты на это ухлопала? Невероятно много. И ты в свои пятьдесят два года пишешь тому, кто — да — все это время оставался более или менее неподвижен.

Я говорю «более или менее», потому что перемены, как ты знаешь, были и в моей жизни: эдакие затрещины, что вышвыривали меня оттуда, где бы я хотел задержаться, и оставляли почти без сил.

Все перемены, которые я изведал, были только к худшему, Луиза. Мне прекрасно известно, так не у всех, напротив, в нашем воображении полно ярких и вдохновляющих историй о переменах, улучшивших жизнь людей и даже целых народов. Я не возьмусь их перечислять. Но со мной все вышло иначе.

Я не пытаюсь выставить себя жертвой, Луиза, только хочу сказать, что и я не оставался неподвижным, хотя был бы не прочь. Зависело бы это от меня — несомненно, но вышло иначе, и каждая из произошедших со мной перемен становилась сокрушительным ударом, буквально перебрасывавшим меня чохом в другую жизнь, потом еще в одну, потом в третью, и ко всему

надо было приноравливаться, не раздумывая, как животному. Понимаешь, что я испытываю облегчение, когда удается сберечь как можно больше всего, что было?

Да, я тоже думаю, что если бы тебе удалось остановиться, мы могли бы остаться вместе. Но судьба есть судьба, и если я колибри, то ты лев или газель из той притчи[93]*, которая мне, по правде говоря, до смерти надоела, — ты поднимаешься с утра и начинаешь день с бега, кем бы ты ни была.*

Сейчас я должен исполнить свою миссию, которая придает смысла тому, что у меня было и чего не было, включая тебя: воспитать нового человека, а новый человек — это восьмилетняя девочка, которая сладко спит под моей крышей. Она станет женщиной. Станет новым человеком. Для этого она родилась, и я не позволю переменам ей помешать. У меня хватает сил только на это и еще на то, чтобы на сей раз тебе ответить. Сожалею, Луиза, но это — мое последнее письмо. Я безумно тебя любил, сорок лет подряд, еже-

---

[93] Примечания: 93

Одна из распространенных версий этой притчи гласит: «Каждое утро в Африке просыпаются лев и газель. Лев должен бежать быстрее газели, если не хочет умереть с голоду. Газель должна бежать быстрее льва, если не хочет, чтобы ее сожрали».

дневно я просыпался с мыслью о тебе и с ней же засыпал. Но сейчас уже не так, сейчас моя первая и последняя мысль — о ней, а все, что посередине, тоже о ней. Только так я могу сейчас жить.

Обнимаю тебя.

Марко.

Новый человек (2016–2029)

Есть люди, которые гробят себя всю жизнь, лишь бы только продвинуться, что-то познать, завоевать, открыть, улучшить, чтобы в дальнейшем понять, что всю жизнь они искали только вибрацию, которая вышвырнула их на свет: у таких точка отправления совпадает с точкой прибытия. Но есть и другие, которые, не двигаясь с места, преодолевают длинный, тернистый путь, потому что земля горит у них под ногами и они оставляют далеко позади себя ту точку, с которой начали свой путь: Марко Каррера был одним из них. Теперь не оставалось сомнений: в его жизни была цель. Не у всех она была, но у него — да. Болезненные жизненные перемены, которыми она была отмечена, тоже преследовали свою цель, — ничто в его жизни не происходило случайно.

Конечно, его жизнь была далеко не стандартной: он носил на себе стигматы исключительности, начиная с маленького роста, державшего его в течение пятнадцати лет вдали от стада, и заканчивая лечением, которое вернуло его туда, вызвав в нем рост гораздо больший и за гораз-

до более короткое время, чем ожидал лечащий доктор. Никто не положил жизнь на то, чтобы узнать, из-за чего так случилось, но остается фактом: лечение, которое Марко прошел осенью 1974 года, дало феноменальный результат — шестнадцать сантиметров за восемь месяцев, с метра пятидесяти шести в октябре (средний рост мальчиков его возраста был метр семьдесят) до метра семидесяти двух в июне, когда рост внезапно остановился. То есть чтобы было понятно: рост его начал стабилизироваться ровно по центру среднестатистического показателя для его сверстников — метр семьдесят четыре в шестнадцать лет, метр семьдесят шесть в семнадцать, метр семьдесят восемь в восемнадцать и еще один сантиметр в следующем году, чтобы как раз к взрослому возрасту достигнуть роста, чуть превышающего средний национальный показатель.

Никаких объяснений. Доктор Вавассори ожидал за пятнадцать, а не за восемь месяцев добиться менее двух третьих от полученного результата; согласно его ожиданиям, Марко Каррера из коротышки должен был превратиться в нормального невысокого мальчика. Летиция, по-прежнему верившая в озарения Дарси Уэнтуорта Томпсона, была убеждена, что лечение тут ни при чем и

что чадо ее все равно совершило бы этот рывок, поскольку он был заложен в генетическом коде; просто в природе Марко все было предусмотрено с самого начала: сначала недостаточный рост, потом головокружительный скачок, а затем (и это было самым странным, что, по ее мнению, можно было объяснить только с помощью Томпсона) встраивание в традиционную антропометрию. Пробо, напротив, разрывался на части: с одной стороны, он был счастлив, что попытка удалась и что именно он на ней так упорно настаивал, но, с другой стороны, он вопрошал себя, не следует ли рассматривать столь отличный от ожидаемого результат как неудачу, как полный провал; то есть не приведет ли полная утрата контроля над действием препарата, введенного в тело его сына, к возможным — причем самого разного рода — негативным последствиям. Он беспокоился и с тех пор будет беспокоиться всю оставшуюся жизнь (хотя после смерти Ирены и это беспокойство слегка ослабло), что со временем он точно узнает цену, которую придется заплатить за свою азартную прыть. Бесплодие, дегенеративные заболевания, рак любого органа, инородные образования: а что, если в будущем, в определенный день «Икс», когда все забудут

про это лечение, как раз то, что сделало его более эффективным против ожидаемого, предъявит его сыну огромный счет? Он задал этот вопрос доктору Вавассори, и тот ответил, что, поскольку речь идет об экспериментальном лечении, риск побочных эффектов, в том числе в отдаленном будущем, был принят в расчет и в должном виде изложен в документах, которые Пробо сам подписал. Но беспокойство, что успех, превзошедший все ожидания, может увеличить риск, было, с его точки зрения, глупостью и смахивало на параноию. Заметим попутно, что параноиком Пробо еще никто не называл.

Марко, со своей стороны, в полном обалдении от собственного роста, не имел времени о чем-либо думать. С тем же упорством, с каким его тело в прошлом отказывалось расти, оно теперь неудержимо тянулось ввысь: он, так сказать, предоставил жилье этому феномену и решил за ним понаблюдать. С ноября по июнь он прибавлял по два сантиметра в месяц — что означает полтора килограмма прибавки в весе или половину размера в обуви, — и это было главным, что его занимало. Он не обеспокоился, не испугался, не устыдился, не выходил из себя, не ставил условий: напротив, он целиком отдался этим

переменам, проявляя в данном вопросе гибкость и твердость, что в будущем в трудные времена поможет ему устоять и выжить. Его тело перескочило подростковый возраст, из ребенка он внезапно стал сформировавшимся парнем, но это ничуть его не травмировало, поскольку ему было известно: в этом и состоит цель лечения. Через несколько лет тот факт, что он был колибри, стал таким же воспоминанием, как и все прочее.

Однако после этого его жизнь продолжала разворачиваться всегда на один и тот же лад: годами ничего не происходило, в то время как большинство других продвигались вперед, и вдруг все взрывалось, подобно вулкану, каким-то чрезвычайным событием, отбрасывавшим его в запредельное, новое и неизвестное ему место. Почти всегда такие трансформации бывали болезненными, и вставший перед ним вопрос, вызывавший в нем злость и досаду, звучал примерно так: почему я? почему это выпало мне?

Часто из шестерых надежных помощников нашего исследования (кто, как, когда, где, что и почему) именно *когда* отделяет спасение от гибели: Марко никогда не задавал себе этого вопроса, пока не получал на него ответ, и только поэтому, желая оставаться неподвижным, он

продвинулся так далеко, так болезненно и все же не рухнул. Только в нужный, то есть в самый черный, момент его озаряла мысль: все, все случилось ради какой-то цели, и ответ немедленно приходил — простой, точный и сладостный, как божественный нектар: Мирайдзин. Мирайдзин была новым человеком, она им всегда была, с момента своего зачатия. Она появилась на свет, чтобы его изменить, и Марко была дарована милость ее воспитания.

По этому вопросу, когда еще жива была Адель, не возникало ни малейших дискуссий. Она повторяла это непрестанно, и Марко ей не перечил, напротив, он сам утверждал, что человечество начинается с этой девочки, что человечество начинается с Мирайдзин — хотя он это говорил, чтобы выразить согласие с мнением дочери, как тогда, когда играл с ней в веревочку, выросшую на спине, давным-давно это было. Короче, он думал: моя девочка пережила столько всего, что, возможно, эта фантазия помогает ей жить, судьба меня не щадит, что ж, я ей в ответ рожаю нового человека…

Но Адели рано не стало, а Марко не был подготовлен к тому, чтобы оказаться перед разверзшейся перед ним пустотой: как всегда в прошлом

— не принимая решений, а на сей раз даже не отдавая себе отчета, — он просто остался внутри дымящегося кратера и даже обосновался там, но и этого больше не было достаточно. Чтобы не позволить горю сломить его, нужны были силы большие, чем у него, нужна была большая решимость. Какое-то время, в начале, он жил как дикарь, следуя советам доктора Каррадори. Да, он жил как дикарь, думая лишь о том, что надо заботиться о Мирайдзин и вгрызаться зубами в оставшуюся жизнь. Бесспорно, он был далек от образцового детского воспитателя, особенно играя ночи напролет в карты и выгрузив внучку в гамак, где она спокойно спала, но это помогло ему предпринять решительный шаг, то есть понять.

Озарение снизошло, когда он совершил поступок, иначе никак не объяснимый, отказавшись от баснословного выигрыша в смертельной дуэли в покер со своим другом Дами-Тамбурини. Следовательно, вот нужный момент, когда впору задать себе все вопросы, даже самые неудобные, — момент, когда следует положиться на самого ответственного из шестерых наших помощников: *почему?* Все внезапно становилось ясным, вся боль, испытанная за истекшие годы, становилась базальтом, на котором выстраивался

новый мир, воспоминания становились судьбою, прошлое — будущим. Почему именно я должен был отказаться от этих денег? Почему именно мне выпало избежать авиакатастрофы? Почему именно я должен был потерять сестру именно так, как это произошло, — она утопилась? Почему именно мне достался столь омерзительный развод? Почему именно я должен был избавить отца от невыносимой жизни? Почему именно мне было уготовано похоронить двадцатидвухлетнюю дочь?

Теперь у него был ответ, имя, ворвавшееся в его жизнь, — Мирайдзин — и то, что всегда повторяла Адель, твердо, серьезно, без тени сомнения: это будет новый человек, папб, новое человечество пойдет от нее. Сейчас Марко Каррера в это действительно верил. Да, он много выстрадал ради высочайшей цели — передать миру нового человека, — но только после того, как он выстоял под ударами и оплеухами немилосердной судьбы, как говорил Гамлет. Эта фанатичная мысль идеально вписалась в его строгую, исполненную боли жизнь, и даже больше — завершила ее в известном смысле, вследствие чего мысль тотчас же перестала быть фанатичной.

Впрочем, девочка действительно была особен-

ной. В физическом смысле она расцветала изо дня в день неслыханной красотой, до тех пор нечто подобное придумывали только для аватарок видеоигр, — выше сверстников, стройная, с кудрявыми шелковыми волосами, темно-коричневой кожей, миндалевидными глазами, своей голубизной напоминающими дно бассейна, — она и вправду кажется созданной искуснейшим мастером. И именно эти глаза говорят ежедневно Марко Каррере, что его внучка — воплощение принципа: точка. И все с начала: офтальмолог и исследователь нашего органа зрения с сорокалетним стажем, убежденный, что видел все типы глаз, существующие в природе, человеческие и не только, он, глядя в глаза Мирайдзин, чувствует себя как астронавт, впервые увидевший из космоса Землю. Нечто отдаленно похожее он видел (и даже сфотографировал) только у длинношерстной кошки по кличке Джаггер породы рэгдолл[94] в доме одной своей американской подруги, и он действительно поискал у себя эту фотографию, нашел ее (сделана в 1986 году) и распечатал, увеличив только глаза, пойманные в тот миг, когда

[94] Примечания: 94

Порода крупных кошек с роскошной шерстью, необычным лиловым, шоколадным или темно-серым окрасом и голубыми глазами, выведенная в США в 1960 гг.

они прицельно смотрели в объектив, но даже это изображение не в силах передать сходство, ибо кошка была белой, а Мирайдзин — черной.

Тем не менее Мирайдзин, хоть и оказалась другой породы, в величайшей степени была ему родной. Голубизна этих единственных на свете глаз, к примеру, была точь-в-точь как у Ирены — одно это уже потрясало. Прекрасное спортивное тело, развивающееся гармонично из года в год — точно так же на глазах у Марко развивалась и Адель. Ямочки на щеках, когда она смеется, — от Джакомо, но в отличие от него с возрастом им не дано исчезнуть. Но что больше всего поражает Марко в неземном теле Мирайдзин — это крошечная родинка между мизинцем и безымянным пальцем, точно такая же, как была у Адели и есть у него. Эта невидимая миру точка — фирменный знак семьи Каррера, и сколько раз он брал в свою руку ручку Адели, чтобы две эти родинки совместились, не только когда она была малышкой, но и потом, даже сидя в воде в больничной ванной, когда Мирайдзин появлялась на свет, — это была их с дочерью «точка силы», как они говорили. Теперь он может то же самое проделывать с Мирайдзин, ибо невероятным образом в генетической буре, поднявшейся, что-

бы она родилась столь прекрасной и *новой*, этой маленькой родинке удалось выжить.

Но еще чудеснее ее внешности, которая буквально воплощает в себе светлую утопию человеческой интеграции, в этом создании поражает то, что она все делает правильно. Всегда, начиная с пеленок, она и плакала только тогда, когда должна была плакать, и спала, когда должна была спать, и усваивала то, что ей полагалось, с ходу, с первого раза, что сильно облегчало уход за ней. То же самое было, когда она подрастала: то, что полагалось, всегда делалось, причем всегда вовремя, хотя время от времени бывали и сюрпризы в ее поведении или поступках, выходящих за рамки нормы, но только потому, что ее мать, или он, или педиатр, или учительницы, или профессора считали их *улучшением* нормы. Изучая именно этот феномен, Марко Каррера убедился, что Мирайдзин действительно уготовано изменить мир: поскольку на самом деле не всегда ее поведение, не вписывающееся в рамки, является улучшением, на самом деле это лишь способ поступать иначе, но то, что это делает только она, *кажется* улучшением. То есть она — это ее точеное личико, фосфоресцирующие глаза, мелодичный голос, выражение улыбаю-

щегося лица с ямочками на щеках — все ее тело в действительности, хотя пока еще маленькое и растущее, обладает статью кондотьеров. Это одно из тех тел, которые от природы наделены способностью убеждать в своей правоте. Одно из тех тел, которые другие берут за образец.

Не было такого опыта, в котором бы Мирайдзин не преуспела, не нашла правильный подход с первой попытки. Во всех испробованных видах спорта — от тенниса до дзюдо — не было тренера, который бы не опешил, говоря, что у нее природные склонности именно к его дисциплине. В первый раз, когда оказалась рядом с лошадью, она зашла сзади, чтобы погладить ее хвост: нет, моя радость, нельзя сзади подходить к лошади, это опасно, она может лягнуть тебя копытом, потому что лошади терпеть не… — а вот лошадь (в данном случае тринадцатилетняя кобыла Долли техасской породы, гнедая, смирная, но слегка нервная и очень чувствительная к узде, которая вчера сбросила одного господина из Ареццо, взявшегося управлять ею как на карусели, дергая за вожжи то в одну, то в другую сторону, и которую Мирайдзин оседлает на ближайшие семь лет, пока кобылу не отпустят на пастбище в ожидании дня, когда она отдаст душу Лошадиному богу), так

вот, эта лошадь всем своим видом показывает, что польщена ее присутствием и даже разрешает расчесать себе хвост, что, по мнению тренерши, показывает доверительность установленных с животным отношений. Сногсшибательно, с учетом того, что Мирайдзин впервые приблизилась к представителю лошадиной породы. В школе учительницы молятся на нее, поскольку она умеет сконцентрироваться и поднять уровень концентрации всего класса. Она прекрасно рисует. Не успела она научиться писать, как скрупулезно принялась ставить в словах четкие знаки ударения, чего сегодня не делают даже учителя. Фраза, которая, словно снежинка, пролетает всякий раз, когда ей что-либо удается: «Она для этого рождена».

Марко однажды спросил ее об этом: «Мирайдзин, ты понимаешь, что все, за что ты берешься, у тебя сразу же получается? Как тебе удается?» И в ответ услышал: «Я смотрю, как это делает учитель». Следовательно, это предуготованное тело, которому все стремятся подражать, обладает таким даром, потому что умеет подражать другим телам. Погрузившись в роль ментора, Марко начинает проводить эксперименты: вот он показывает ей каждый день по

телевизору баскетбольные игры NBA[95], и вот уже через неделю, получив баскетбольный мяч, девочка повторяет в совершенстве движения игроков — обманки, пробежки, броски — даже не зная правил игры. Вот она на первом уроке по сноуборду (она предпочла его лыжам), и уже способна в точности воспроизвести движения тренера, и поэтому спускается, выполняя несколько резких поворотов и не падая. Или возьмем танцы: не то чтобы Марко нравилось, когда дети танцуют, как раз наоборот, они приводят его в ужас, но следовало провести и этот эксперимент. И вот, просмотрев два раза после полудня видео, как иранская девушка, бросая вызов режиму, танцует на улице шаффл, Мирайдзин уже запросто танцует этот танец где угодно. А вот и музыка, фортепьяно. Она впервые прикасается к клавишам, учительница просит ее сыграть что-нибудь двумя руками, но по-разному, каждая рука играет что-нибудь свое, и она выполняет — руки разбегаются в стороны и играют что-то в разных ритмах — что придется, но независимо одна от другой: если это не чудо, говорит учительница, то, во всяком случае, неплохое начало.

---

[95] Примечания: 95

NBA — Национальная баскетбольная ассоциация США.

И действительно, меньше чем через год Марко заходит к внучке спросить, что за музыку она слушает: в комнате звучит «Река течет в тебе» Ли Рума[96], но оказывается, Мирайдзин ее не слушает, а играет. Сногсшибательно. И вот тогда, в свои шестьдесят, Марко берется строго контролировать свои движения, свое поведение, а также, поскольку никуда не денешься, свою речь и язык, чего не делал прежде, пытаясь очистить их от непотребных словечек, которые в случае их имитации могли бы повредить чистоте языка Мирайдзин. Стало быть, начиная именно с него, с Марко Карреры, мир начинал меняться к лучшему.

Ах, Мирайдзин! Девять лет! Десять! Одиннадцать! Двенадцать! Какое счастье устраивать твои дни рождения, каждое 20 октября, какое невероятное приключение — сопровождать тебя в сердце мира, распадающегося на части! Спорт, в котором ты преуспеваешь, бросай его: бесполезная трата времени, только чтобы вырастить из тебя чемпионку. Музыка, танцы, рисование, верховая езда: развивай то, что тебе нравится, но не погружайся в эти занятия целиком, не стано-

---

[96] Примечания: 96

Ли Рума — знаменитый южнокорейский композитор и пианист, считается одним из самых многообещающих музыкантов нашего времени.

вись вундеркиндом, ибо ты предназначена для чего-то значительно большего. Молодец, никогда не соперничай. Молодец, бойся глобального потепления. Молодец, ты смотришь глупости на YouTube вместе со своими подружками и делаешь специально какую-нибудь ошибку в диктанте, чтобы сильно не опережать их. Помни, что ты — новый человек, тебе все дается легко, но ты ничем не должна отличаться от других, не должна оставлять их позади: напротив, ты должна их вести за собой, а это самая трудная роль. Тринадцать лет, Мирайдзин! Домашний «кинофорум» с дедом вечерами по понедельникам, старые фильмы, которые мы смотрим на старый лад, на DVD-дисках, на телевизионном экране, поедая приготовленные тобой суши (потому что до очевидного ясно: ты научишься отлично готовить и будешь делать любые блюда итальянской или интернациональной кухни), «Большой Лебовски», «Великий Гэтсби», «Пролетая над гнездом кукушки», «Донни Дарко», «Призрачный мир», «Злоумышленники, как всегда, остались неизвестны», «Подозрительные лица» (который наскучит тебе до смерти, потому что на пятой минуте из-за смены крупных и средних планов ты поймешь, что Кайзера Созе играет Кевин

Спейси), или же другие, которые мы смотрим на новый лад, в стриминге на «таблетке» с твоими подругами: «Отвязные каникулы», «Бар “Гадкий койот”», «Джуно», «До встречи с тобой», «Звезда родилась» или старые сериалы «Очень странные дела», «Черное зеркало», «Карточный домик», «Во все тяжкие» — но не в кинозале, потому что кинотеатры обречены на вымирание, и тут даже ты не поможешь. Четырнадцать лет! Ах, Мирайдзин, не торопись, как того требует расцветающая красота — твоя и вьющихся вокруг тебя парней, — дай времени время, не бойся: ты влюбишься, будешь неуверенной, скажешь нет, будешь уверенной, скажешь да, будешь счастливой, будешь несчастной, снова станешь счастливой, все произойдет в свой час. Умница, призадумалась. Молодец, поскучай немного, а потом принимайся за книги, «Доктор Живаго», ты — ненаглядное дедушкино солнышко, «Мартин Иден», «Грозовой перевал», сага о Гарри Поттере, умница; но и другие книги, названий которых твой дед даже не слышал: «Лихорадка», «Электрические девушки», «ЛяРоз», «Хроники всплывшего мира» и еще комиксы, манги в особенности, как твоя мама, почему бы тебе тогда не начать с «Мирайдзин Хаос», из которой позаимствовано твое имя, а потом

потихоньку и другие самые знаменитые манги Осаму Тэдзуки — «Астробой», «Следующий мир», «Дороро», равно как и манги других авторов, тоже старые, но все же поновее, такие как «Сейлор Мун», до чего тебе понравится «Сейлор Мун», твоя мама любила ее до одури, а поскольку тебя заинтересует научная фантастика, можешь порыться в 893 томах «Урании» твоего прадеда, молодчина, умница, и хотя ты новый человек, ты наверняка захочешь запомнить, откуда ты происходишь, и тогда твой дед посоветует тебе почитать рассказ Хайнлайна «Дороги должны катиться» и его повесть «Человек, который продал Луну», он тебе скажет, что это самые прекрасные научно-фантастические произведения, которые он когда-либо читал, а он практически только их и читал, но это не имеет значения, они тебе понравятся и покажут, сколько времени люди ждут нового человека, как простодушно и поэтично воображают его себе и мечтают о нем. Пятнадцать лет, Мирайдзин, почему бы тебе не создать свой канал на YouTube? Попробуй, чего тебе стоит? Ну же, не бойся, попробуй! Ты тогда убедишься, и твой дед, которого ты наверняка всегда считала строгим, но это отнюдь не так (потому что воистину бесполезно быть строгими

с детьми, которые в этом нуждаются, как, например, ты, Мирайдзин, строгими им кажутся все, и совершенно контрпродуктивно с теми, кто в строгости не нуждается, кто с ней даже борется), дед твой, к большому удивлению, согласится и даже станет тебя поощрять, и тогда ты создашь свой канал на YouTube, хотя нет, сначала ты просто начнешь сгружать на YouTube свои видео, снятые на смартфоне, в которых ты повторишь то, что сделает тебя столь популярной среди твоих сверстников, а именно будешь делиться с ними, какие фильмы и сериалы нужно смотреть, какие нужно прочитать книги, какую одежду нужно носить, какую еду приготовить, какие танцы разучить, какую прическу сделать, и игры, в которые стоит поиграть, места на земле, которые необходимо увидеть, и как бережно следует относиться к природе, дав тем самым возможность даже незнакомым людям делать так, как хотелось сделать тем, кто хоть однажды видел тебя в реальной жизни, то есть подражать тебе, — словом, ты станешь *той самой*, у которой будет выразительный английский псевдоним, который, однако, твой дед запретит тебе произносить, вот она, строгость — но это он шутит, — да ты и сама не захочешь его произносить, ни разу в жизни.

Шестнадцать лет! Семнадцать лет! И судьба тебе улыбнется, поскольку ты станешь известной, именно так, станешь знаменитостью, твой канал на YouTube наберет миллионы просмотров, абсурдный успех, имея в виду, что он говорит о простых, серьезных, *нормальных* вещах, и в то время как твоя страна будет катиться в бездну, множество подростков уцепится за тебя, и даже детишки, они захотят делать то, что делаешь ты, стать такими как ты, будут видеть мир твоими невероятными глазами, и последуют за тобой, и число их будет расти, а это означает, Мирайдзин, что посыплются деньги, куча денег, которые тебя не смутят и не собьют с пути, ибо ты отдашь добрую их долю тем, кому они будут нужны, само собой разумеется, а остальное отложишь, потому что быть богатой в то время, когда все становятся бедными, — это громадное преимущество, когда собираешься изменить мир, а дед твой будет уже на пенсии и полностью займется твоими делами, чтобы ты не отвлекалась от нормальной жизни: школа, учебные поездки, фортепьяно, курсы в Лондоне по изучению английского, праздники, концерты, каникулы с дедушкой в Больгери или каникулы с подругами, которые будут звать тебя повсюду, только бы не расставаться с тобой, — он

займется всеми практическими делами, связанными с твоей растущей славой, потому что — подумает он и не ошибется — слава не может тобой овладеть, потому что — подумает он и не ошибется, — если ты отвлечешься от своей нормальной жизни, то сразу же превратишься в фирму, в бренд, в торговую марку и сразу же тебя начнут осаждать агенты, брокеры, промоутеры, антрепренеры, предприниматели и вымогатели, которых он постарается держать от тебя подальше, чтобы рядом с тобой находились только настоящие люди, мальчики и девочки, парни и девушки, которые, подражая тебе, восстанут против развала, устроенного их родителями, и, значит, в жизни Марко Карреры произойдет снова то, что в ней всегда происходило, а именно: он будет неподвижно, крепко стоять на своих ногах и всеми силами постарается удержать неподвижным даже отпущенное ему время, то время, которое будет бежать перед тобой, Мирайдзин, и вот тебе уже восемнадцать, покажется невероятным, Мирайдзин — совершеннолетняя, молодая женщина, красавица, харизматичная и все более плодовитая, в том смысле, что ни для кого больше не будет секретом, что от тебя пойдет новое человечество, способное пережить разруху,

устроенную предшествующими поколениями, от тебя и от таких, как ты, потому что настоящая перемена, единственная, которую твой дед поддержит при одном условии, если *такие же как и ты*, Мирайдзин, избранные, новые люди, женщины будущего, будут искать друг друга, находить, собираться вместе и выстраиваться на защиту, ибо прежде чем что-либо в мире менять, его надо спасти, поскольку он будет в опасности, в точности как предостерегали многие в предыдущие годы, но их никто не послушал, и тысячи раз представляли его катастрофу в предыдущем веке в книгах, в комиксах, в мультфильмах, в мангах, в фильмах, в искусстве, в музыке, но несмотря на это, будет еще масса людей, которые до последнего откажутся в это верить, и столько же, кто поверит слишком поздно, и сильно удивятся, — словом, ты, Мирайдзин, и такие же, как ты, будете собраны и обучены для ведения войны, которую раньше никто не хотел затевать, хотя для всех давно было ясно, что речь идет о войне, беспощадной, о войне между свободой и правдой, ты и такие же, как ты, и все ваши последователи, дети и подростки (в огромном количестве), юноши и девушки (многочисленные), взрослые (немногие) и старики (единицы) станете на защиту правды,

поскольку свобода теперь превратилась в чуждое, непростительно множественное понятие: *свободы*, бесчисленные свободы, на которые это слово было растащено, растерзано, словно зебра, разодранная стаей пожирающих ее гиен, свобода выбора того, что больше всего нравится, свобода отправлять в отставку власть, которая это запрещает, свобода не подчиняться неугодным законам, свобода не уважать основополагающие ценности, традиции, учреждения, социальный пакт, принятые на себя ранее договоренности, свобода отрицать очевидное, свобода восставать против культуры, против искусства, против науки, свобода лечить согласно протоколу, не одобренному медицинским сообществом, или, наоборот, свобода не лечить вообще, не вакцинировать, не использовать антибиотики, свобода не верить подтверждаемым документально фактам, напротив, свобода верить ложным известиям, а также свобода их фабриковать, свобода увеличивать вредные выбросы, токсичные отходы, приводящие к радиоактивным осадкам, загрязнять горные источники и морское дно, свобода для женщин исповедовать маскулизм, а для мужчин — сексизм, свобода стрелять во входящего в твой дом, свобода избавляться от беженцев,

заключая их в лагеря, свобода дать утонуть потерпевшим кораблекрушение, ненавидеть все религии, кроме собственной, способы потреблять пищу и одеваться, кроме своих собственных, свобода презирать вегетарианцев и веганов, свобода охотиться на китов и слонов, носорогов, жирафов, волков, дикобразов, муфлонов, свобода быть безжалостными, неуважительными, эгоистами, невеждами, гомофобами, антисемитами, исламофобами, расистами, негационистами, фашистами, нацистами, свобода произносить слова «негр», «полоумный», «цыган», «паралитик», «монголоид», «пидор», кричать их на всех перекрестках, свобода преследовать только собственные цели и интересы, ошибаться, зная, что делаешь ошибку, и сражаться до смерти с тем, кто захочет ее исправить, поскольку она, а не Конституция, будет считаться гарантом свободы. Ты, Мирайдзин, и такие, как ты, своим примером и харизмой нового человека, пока другие будут сражаться в реальной жизни, и война там будет жестокой, должны будете сражаться в Сети, то есть на вражеском поле, в бациллоносителе, из которого произрастают метастазы свободы, и вашей задачей в Сети станет защита и сбережение для детей и подростков — в ваших играх, и

ваших рассказах на родном языке, и в списках, что нужно сделать, а чего не нужно, то есть проводя *различие,* — исчезающей жизненной нормы, исчезающей жалости, исчезающей европейской доброты к эмигрантам, к сосланным и погибшим вдали от дома, к слугам, крестьянам, шахтерам, чернорабочим, морякам, падающим с ног от усталости, лишь бы их детишкам жилось получше, к миссионерам, сожранным каннибалами, к интеллектуалам, поэтам, художникам, архитекторам, инженерам, ученым, преследуемым тиранами, и поэтому, учитывая твою известность и в силу того простого факта, что ты будешь действовать во имя и в защиту правды, даже самой банальной и будничной, против свободы, которую следует уничтожить, ты будешь в опасности. Девятнадцать лет, Мирайдзин, и все изменится — для тебя впервые, для твоего деда повторно, — потому что ты должна будешь бросить свой дом, свою жизнь, свой город и перебраться в тайное место, которое ты будешь постоянно менять, ведь тебе будут угрожать, будут о тебе злословить, но также восхищаться тобой и защищать, как сокровище, дабы ты могла свидетельствовать и далее, что мир был прекрасным местом, здоровым, гостеприимным, полным даров, которые ничего не

стоят, и что таким он сможет быть опять, и программа, в которой ты примешь участие, «Помни свое будущее» (поскольку речь пойдет теперь о программе, о доктрине в собственном смысле слова, о своде правил, которые надо соблюдать, о переменах в поведении, которые надо принять, и о результатах, которых следует достичь, выработанной лучшими умами, которые будут сражаться на твоей стороне), ты продолжишь продвигать ее в жизнь из этих тайных мест, а также с полей, поросших маком, с ледников, из открытого моря, и твои последователи начнут подрастать, и человечество уже начнет меняться, детишки и подростки, с которыми ты разговаривала в первые годы, к тому времени подрастут, отделятся от родителей и в случае необходимости будут с ними бороться и будут думать во множественном числе, а благодаря твоей центростремительной красоте они будут увлечены чем-то особым, и культура будет у них на первом месте среди прочих их интересов, они будут искать и находить друг друга, объединяться и оставаться едиными, они будут знать, что делать, пока старый мир будет умирать, в том числе благодаря тебе, хотя, по мнению твоего деда, *главным образом* благодаря тебе, твой дед, остав-

шийся один, — гордый и одинокий, беспокойный и одинокий, — будет, как и все другие, следить за тобой по мобильному телефону, по компьютеру, и тогда он откроет, что вдали от него ты говоришь о нем очень много, и он растрогается и вспомнит годы, которые тебе посвятил, семнадцать вот как минуло, но они покажутся ему дуновением ветра, тогда как с трудом он будет вспоминать те годы, когда тебя еще не было, поблекшие, давние, и будет ждать тебя в старом доме на площади Савонаролы или же в старом доме в Больгери, оба благодаря его усилиям по-прежнему стоят на месте, куда ты приедешь его навестить при первой возможности, *с охраной*, Мирайдзин, поскольку ты сможешь перемещаться только с эскортом, ты приедешь его навестить, увидишь, что он в полном порядке, еще молод, еще трепещет крылышками, не двигаясь с места, такая у него особенность, в то время как все вокруг него уже успело поменяться, но он уверен, что и для него наступит момент, когда придется двигаться и меняться, разом и внезапно, как бывало с ним всегда, и этот момент под конец подойдет, и он не будет приятным, ведь он принесет из больницы бумагу, заключение, в котором будет написано: рак, карцинома, панкреатит — недвусмысленно,

без изворотов, — образование больших размеров и в сильно продвинутой форме. Но как же так? Дед твой всегда регулярно ходил проверяться, раз в шесть месяцев, и шесть месяцев назад ничего еще не было? Как же он мог за шесть месяцев зародиться, вырасти и распространиться на столь обширную площадь? Как у него получилось? Наверное, он действовал так же, как когда-то его тело в пятнадцатилетнем возрасте, Мирайдзин, потому что у Марко Карреры был такой странный способ роста, прописанный изначально в его хромосомах, как считала его мать, или же потому, что наступил тот самый день «Икс», которого боялся его отец, когда он должен будет заплатить по крупному счету за неожиданно быстрый рост, — словом, рак в семьдесят лет, проклятие, и при этом коварный, и у тебя подкосятся ноги, Мирайдзин, когда ты об этом услышишь, потому что он должен будет тебя оповестить, и тот мир, который ты спасаешь, рухнет на тебя, и он скажет «я буду бороться», но ты прекрасно поймешь, что сам он в это время думает «я — труп», как когда-то думала его мать, когда подоспела ее очередь, он так думает и потому, что он медик и наверное знает, что он — труп, он, у которого, можно сказать, была цель в жизни, он, который

должен был умереть однажды майским вечером полвека назад, он тогда был в списке, все было подготовлено, но в последнюю минуту подоспело помилование, Мирайдзин, поскольку если бы его тогда не стало, он бы не смог увидеть, как из воды появляешься ты, не смог бы тебя воспитать и вручить этой дивной Земле.

В распоряжении (2030)

Дедуля!

Я очень тебя прошу, не принимай во внимание то, что я вчера сказала. Я не переставая плакала всю обратную дорогу, впадала в отчаяние, не спала и наконец поняла. Я все поняла, в совершенстве. И я готова.

Ты никогда у меня ничего не просил, ты мне только давал, давал и давал, и если на сей раз ты просишь, хотя это и неподъемно, я выполню. Извини меня за вчерашнее. Забудь. Сегодня — это сегодня, и я в твоем распоряжении.

Я вернусь через несколько дней. Ушла из программы, буду заниматься тобой и хотела бы, чтобы ты знал: я горжусь тобой.

Горжусь за проявленную тобой отвагу в последние месяцы, за чистоту принятого тобой решения, но главное, чем я горжусь, — ты, кого я боготворю, обратился ко мне за помощью. Я помогу тебе, дедуля, ни о чем не волнуйся. Я знаю, что и как делать, я занималась этим по программе. Оскар знает нужных людей, тебе ничего не придется делать, меня тоже избавят от хлопот, не волнуйся. Просто то, о чем ты сейчас мечтаешь, сбудется. И мы останемся вместе.

Твоя
Мирайдзин.

Нашествие варваров (2030)

— Ты не спишь?

— Нет.

— Приехал Каррадори.

— Наконец-то. Где он?

— Я ему сказала, что ты отдыхаешь. Он пошел прогуляться с бабушкой на пляж.

— О!

Мирайдзин садится на корточки перед его кроватью.

— Я должна тебе кое в чем сознаться, — говорит она.

— В чем?

— Не могу держать втайне от тебя.

— Что ты натворила?

— Пообещай, что не рассердишься.

— Обещаю.

— Я стала ходить на сеансы психоанализа.

Ему хочется ответить фразой Франческо

Ферруччи[97]: «Трус, ты убиваешь мертвого человека», — но он сдерживается. Мирайдзин не заслуживает такого цинизма. Если она ему в этом призналась, то не шутки ради. Это порыв откровенности. Сколько сил ей сейчас необходимо, чтобы находиться возле него и улыбаться? Она имеет право на честный ответ.

— Повезло ему, — отвечает Марко Каррера. — Я ему завидую.

— Почему?

— Потому что у него будет доступ к твоему подсознанию. Оно тоже наверное прекрасно.

Мирайдзин опускает глаза, как всегда, когда слышит комплимент. Марко протягивает руку, чтобы погладить ее по голове, и резкая боль пронзает всю правую сторону тела. Но оно того стоило, потому что он может сейчас поласкать (в последний раз? В предпоследний?) эти невероятные волосы. Он прикасается к ним, и происходит нечто неописуемое — они кудрявые, он чувствует это, но в то же время будто струящиеся, как вода; нет, не струящиеся, а текучие; нет, даже не это;

---

[97] Примечания: 97

Франческо Ферруччи (1489–1530) — итальянский кондотьер, состоявший на службе Флорентийской республики. Погиб в битве при Гавинане (3 августа 1530 г.) от руки испанского наемника Фабрицо Марамальдо, к которому были обращены его последние слова: «Трус, ты убиваешь мертвого человека».

кажется опускаешь руку в густую сметану. Но только очень-очень черную.

— А как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Это мужчина или женщина?

— Мужчина.

— Какой он?

— Худой, красивый. Похож на тебя. Я в него сразу же влюбилась.

— Мы и его пригласили? — На этот раз он не сдержался, но по крайней мере это не звучит цинично.

— Глупый ты…

Мирайдзин поднимается.

— Позови Родриго, когда захочешь выйти, — говорит она. — Он снаружи, за дверью, прямо как часовой. Я дала ему стул, но он предпочитает стоять.

Она выходит из комнаты. Это та же комната, где спал Пробо, самая красивая в доме, с балконной дверью, выходящей в сад. После смерти отца Марко не перебрался в нее, что казалось бы естественным, он предпочел жить в комнате матери. Почему? Он не помнит. «Гостевая», как ее первым делом окрестила Лючия, дочь синьоры Иваны, но за последнюю четверть века гостей в ней не

было. Марко Каррера не помнит никого, кто бы занимал эту комнату после смерти Пробо. Разве такое возможно? Подружки, которых еще пару лет назад приглашала Мирайдзин, ночевали всегда в ее комнате. Может, Луиза? Последний раз она приезжала, когда ее дом, стоящий рядом, был уже продан, и она действительно ночевала у него. Спала ли она в этой комнате? Марко Каррера не помнит. Это случилось давно. Здесь все случилось давным-давно.

Но он мог бы открыть балконную дверь и спросить: «Луиза, когда ты здесь была последний раз, ты спала в этой комнате?» Потому что Луиза находится в саду, Марко видит ее сквозь прозрачную штору, она разговаривает с Джакомо, потому что Джакомо тоже находится там. Это он сейчас говорит, а Луиза слушает. Интересно, что он ей говорит? Вот промелькнула Мирайдзин, коснулась рукава своего дяди, которого до вчерашнего дня ни разу не видела, и вышла из поля зрения Марко. Отправилась на пляж за бабушкой и Карладори?

Идея Мирайдзин пригласить их всех была грандиозной. «Как в том старом фильме, который мы с тобой смотрели на кинофоруме, — сказала она. — Как он назывался?» Марко Каррера не помнил. Он не помнил и фильма, сказать по правде.

Метастазы проникли в мозг, память приходит и уходит, когда захочет.

Мысль пригласить их была грандиозной и сбивала с толку. Марко даже не мог о таком помыслить. Жизнь прошла как прошла, ему бы ни за что в голову не пришло *улучшить* ее под конец. С Луизой он уже сколько лет не общался? Много: так много, что он даже не помнит. А с Джакомо? Еще дольше. С Луизой он завязал, это он хорошо помнит, в последние годы она ему писала, но он не отвечал. С Джакомо все получилось наоборот: Марко годами ему писал, но ответов не получал, пока не смирился. Он и это прекрасно помнит. Как можно было их *пригласить*? «Но тебе бы хотелось, дедуля? — спросила у него Мирайдзин. — Тебе бы было приятно?» Он почувствовал себя сбитым с толку. «Не знаю», — ответил он, но не был уверен даже в том, что не знает: ему вспомнилась одна латинская фраза, идеально подходившая к ситуации: Ubi nihil vales, ibi nihil velis, — только он не помнил, кем она была сказана. Однако прекрасно помнил ее значение: где ты ничего не значишь, там ты ничего не можешь хотеть, — именно так он себя почувствовал. Девушка, вероятно, заметила его растерянность, поскольку привела один из своих неотразимых аргументов, которые делали

ее тем, кем она была: «На самом деле я спрашиваю не для тебя, — сказала она, — это для меня, для нас, кто остается». *Для нас, кто остается*: короче, она подумала обо всех, даже о тех, кого не знала. Она знала свою бабушку, знала Грету и очень смутно Каррадори; о существовании двух других она знала, потому что он рассказывал ей, но никогда в жизни их не видела, тем не менее подумала и о них. Это была Мирайдзин Каррера. Рассмотренное под этим углом, приглашение становилось даром Марко Карреры *тем, кто оставался*, и чувство бессилия отступало. Кроме того, было что-то непристойное в этой мысли, которая его привлекала, что-то бесстыжее; тогда он ответил, что да, конечно, ему бы было приятно, но, по его мнению, вряд ли они приедут. «Об этом не беспокойся, я всем займусь сама», — сказала ему Мирайдзин. Разговор происходил в доме на площади Савонаролы, в гостиной, превращенной в больничную палату, двенадцать дней назад. Что она сделала, неизвестно, но явились все как один, все пятеро, уложившись в столь сжатое время. Эта девушка добивается всего, чего хочет.

Из Америки приехал Джакомо, из Парижа — Луиза, Марина и Грета — из Германии и Каррадори — с Лампедузы. И еще из Барселоны прибыл

Оскар, жених Мирайдзин, и потом, есть Родриго, медбрат, который выполнит свою часть работы, и трое парней из охраны, тоже испанцы. Дом в Больгери никогда еще не был таким интернациональным. Медбрат Гуидо, который ухаживал за Марко во Флоренции, приехать не смог — у него мать-инвалид, — и это уже хорошо, иначе пришлось бы придумывать предлог для отказа: он верующий и очень набожный и некоторые вещи не смог бы одобрить. Они трогательно попрощались, ибо Гуидо понял: Марко больше не вернется. Конечно, он не думал, что это произойдет так быстро, но решение Марко не возобновлять лечение и переехать на море в конце мая говорило само за себя. Гуидо сожалел, что не сможет поехать, даже расплакался, но у него больная мать, он не может уезжать из Флоренции.

С другой стороны, все было бы трогательно в этой затее, но только Марко счел для себя вопросом чести не впадать в сентиментальность, в противном случае все закончится всеобщим плачем. Нет, сказал он себе, если в этом есть какой-то смысл, это должен быть своего рода праздник жизни, радостный опыт. Хотя радостным его трудно было назвать, но в концепции Мирайдзин гости были живыми людьми, которые живыми

вернутся в те уголки мира, откуда прибыли, и поэтому она позаботилась, чтобы прием был на высшем уровне. Тщательно подготовленные комнаты, свежая рыба, паста по-домашнему, овощи с огорода — хотя Марко и не мог отведать всех этих изысков из-за своего состояния. Он не может есть и уже многие месяцы питается только с помощью гастростомии, то есть через зонд, который ему воткнули прямо в желудок. Тем не менее, хоть сам и не мог насладиться пищей, он помогал внучке приготовить ужин и обед на следующий день, как если бы речь шла о банкете. К тому же он знает вкусы гостей: Джакомо предпочитает морепродукты, Луиза — омары, Марина — моцареллу из молока буйволицы… Конечно, все это воспоминания тридцатилетней давности, но вкусы не меняются, если не подоспели запреты по медицинским показаниям, в этом случае он должен сидеть во главе стола и утешать их своим зондом. Но ничего подобного не понадобилось. Никому не запрещалось поглощать любимую пищу, что можно было рассматривать как удачу.

А вот еще одна опасность из того, что Марко задумал сделать. Первая — это цинизм, как мы уже говорили, — цинизм и сарказм: Марко, человек старого мира, регулярно пользуется и тем

и другим, но в новом мире Мирайдзин цинизм и сарказм отсутствуют вовсе. Есть только ирония, и точка. Вторая опасность — излишняя сентиментальность, и мы об этом тоже говорили. Третья — виктимизация, если не просто зависть, типа: ты посмотри на них, я умираю, а они поглощают омаров. Поэтому Марко строго следил за собой во время двух трапез и до этого, когда принимал гостей по мере их прибытия. Никакой растроганности, никаких циничных высказываний и тем более жалости к себе. Дар это или не дар — то, что он делает для них? Тогда надо постараться, чтобы им всем было хорошо. Их присутствие здесь сегодня должно стать прекрасным воспоминанием. Он обязан быть безупречен.

Он подтягивается и садится на кровати. Снова боль, как будто режут по живому. В самом деле, пора принимать морфин, что, имея в виду ситуацию, лишено смысла. Но сняв боль, Марко снова станет самодостаточным, ведь до конца еще далеко. И в смысле того, как он выглядит: он же еще не стал зомби, как его отец или мать, и никогда им не станет. Это — основа, придающая смысл тому, что Марко Каррера собирается сделать, а именно — уйти, а не просто откланяться.

В первый же день, когда они сюда переехали,

он даже захотел прокатиться в сосняке на велосипеде вместе с Мирайдзин. И ему удалось, самому, хоть он и чувствовал себя очень слабым и ехал потихоньку, но все равно выписывал зигзаги, и парни из охраны следовали за ним по пятам, чтобы поймать на лету, если он потеряет равновесие. Вот по этому поводу можно было смеяться сколько угодно, и они с Мирайдзин, вернувшись домой, посмеялись от души: в этом не было ни цинизма, ни сарказма.

Конечно, думает он, если принять морфин (таблетку, а не внутривенно), он сумеет выйти в сад самостоятельно, на своих ногах. Но потом, оказавшись в саду, он все равно сядет в инвалидное кресло и еще больше накачается лекарствами. Опасность номер четыре — впасть в патетику. Эй, глядите-ка, я сам могу передвигаться!

Но от кровати до инвалидного кресла он может добраться один, это точно. Нужно пересечь всю комнату, потому что Родриго поставил кресло подальше от кровати, чтобы пресечь подобную самодеятельность. Марко поднимается с кровати и неуверенным шагом, волоча за собой штатив для капельниц и даже слегка на него опираясь, преодолевает расстояние, отделяющее его от инвалидного кресла. Осторожно, лишь бы не

свалиться сейчас, думает он. Не хватало только сломать тазобедренный сустав. Он приближается к креслу, проверяет, на тормозе ли оно, — нет, не на тормозе, тогда он его затягивает. Пристраивается прицельно и тихонько садится, чтобы не последовал ответный удар. Было больно, но в то же время просто. Только усевшись, он зовет медбрата. «Родриго», — говорит он тихо. Может, слишком тихо? Нет: Родриго появляется незамедлительно и ничего не говорит по поводу того, что Марко сам поднялся и сам добрался до кресла. «Поехали, пожалуй, в сад. Пусть все состоится там».

Светлое и теплое предзакатное время. Кусты питтоспорума в цвету, бугенвиллеи и кусты жасмина; газоны подстрижены утром, и запах скошенной травы, смешавшийся с ароматом цветов, восхищает. Луиза отделяется от Джакомо и идет к нему навстречу. Марко смотрит на нее в золотом освещении садящегося солнца: сколько ей лет? Шестьдесят четыре? Шестьдесят три? Шестьдесят пять? Она не тронула ни миллиметра на своем лице и теле, которых Марко так страстно желал. Она по-прежнему очень красива. Следом за ней подходит Джакомо. Джакомо тоже любил это тело и лицо. Джакомо тоже все еще красивый.

Пятая опасность: расчувствоваться. К счастью, в эту минуту на дороге появляется Мирайдзин вместе с Оскаром, Мариной, Гретой и Каррадори. Значит, все на месте, думает Марко, можно начинать.

Он взволнован, сердце сильно стучит в груди.

Подходит Каррадори и горячо приветствует его. Извиняется за опоздание, и Марко говорит, что знает про небывалую пробку на Аурелии и сожалеет, что доктору пришлось в ней так долго проторчать. Как обычно, этот человек ничего бы из себя не представлял, не будь у него магнетического взгляда. Они одного возраста, но Каррадори выглядит старше. Впрочем, не так: это Марко выглядит моложе. Несмотря на сильную потерю веса, болезнь и лечение, он не выглядит на свои семьдесят один. Химиотерапия не лишила его волос, которые пока при нем, густые и тонкие, слегка поседевшие, их слегка шевелит вечерний бриз. Смысл происходящего целиком и полностью заключен в его еще сносном внешнем виде: чтобы таким и уйти, не вызывая ни у кого ужаса.

Все молчат. Никто не знает, что сказать. Марко подает Родриго условленный знак, и тот направляется в дом. Он долго думал, как следует себя вести в последние минуты, что делать и что го-

ворить. Отмел все сколько-нибудь патетические идеи, приходившие в голову, и поэтому: никакой музыки (в первый момент он подумал было о Don't cry, no tears[98] Нила Янга, но сразу же устыдился); никакой прощальной речи, помилуйте; никакой торжественности, взволнованности, растроганности, никакой жалости к себе. Простое объятие — это годится, с теми, кто захочет его обнять, в точности как когда уезжаешь, и несколько формальных слов, чтобы довести до сведения присутствующих, что они не являются сообщниками и ни за что не несут ответственности.

Никто не перевел дыхания, пока не показался Родриго с капельницами, и, пока он развешивает их на держателях и подключает трубки к распределителям, Марко начинает говорить:

— Ну, что ж, благодарю вас за то, что приехали, я счастлив, что вы рядом со мной. Как вы знаете, идея пригласить вас родилась у Мирайдзин, и поскольку вы приехали все, я делаю вывод, что идея вам пришлась по душе. Но вы…

Внезапно Джакомо дважды всхлипывает — два раза, громко, один всхлип за другим на протяжении двух секунд. Он стоит как раз напротив

---

[98] Примечания: 98
«Не плачь, никаких слез» (*англ.*).

Марко, который успевает за эти две секунды увидеть, как красивое лицо брата искажает гримаса отчаяния, а потом оно принимает отсутствующий вид — тот же, с каким он днем раньше вышел из такси. Джакомо все вынес достойно, начиная с той непростой минуты их встречи после стольких лет разлуки и до той, когда после ужина они немного поговорили, оставшись одни, он рассказывал о своих дочерях, Марко — о Мирайдзин. Джакомо справлялся со всем достойно вплоть до тех двух секунд, когда, казалось, весь замысел рухнул. Но, к великому счастью, он овладел собой.

— Извините, — бормочет Джакомо.

И принимается слушать, смиренно и покаянно, сцепив кисти рук. В результате получилась комичная сцена.

— Я говорил, что вы не обязаны присутствовать против воли. Я безмерно счастлив, что с вами повидался и сумел поговорить с каждым. Кроме вас, доктор Каррадори: с вами я не успел поговорить, поскольку вы опоздали из-за пробки. Ну, в общем, если кто-то из вас захочет сейчас вернуться в дом, или сходить на пляж, или куда вздумается, пусть поступает по-своему, никто не обязан здесь оставаться.

Он прерывается и осматривает аудиторию. Джакомо держится молодцом. Мирайдзин прильнула к Оскару, который обнимает ее золотые плечи своей красивой загорелой рукой. Луиза приуныла, но крепится. Марина выдерживает его взгляд всего секунду, опускает глаза и качает головой.

— Нет, я, наверное, — произносит она, — лучше пойду в комнату.

Поднимает глаза, улыбается и уходит. Время сильно изменило ее — время и лекарства. Раненая газель. Но с годами ей стало лучше благодаря вниманию Мирайдзин, она начала ходить и жить самостоятельно. Марко провожает ее взглядом, пока она не исчезает за дверью кухни, потом переводит взгляд на Грету, сестру Адели.

— А ты?

Грета — красивая немецкая девушка, ей уже под тридцать, коротко стриженная, руки в татуировках. Адель успела с ней сблизиться незадолго до гибели, но впоследствии между ней и Мирайдзин установились глубокие и тесные отношения, словно они были сестры, — и все это благодаря усилиям Марко, который годами возил внучку в Германию, на побывку к бабушке и к тете. Сейчас, с учетом того, что Марина чувствует себя так,

как чувствует, можно сказать, что Мирайдзин не останется в мире одна, и все благодаря тем поездкам в Германию и близости, установившейся между ней и сестрой ее матери.

— Нет, Марко, — отвечает Грета, — я остаюсь.

Черты ее лица тверды, как и произношение, блестящая кожа и слегка торжествующий вид. Она будто отлита из металла. Марко глубоко вздыхает, отгоняет мысль о Марине, плачущей в комнате в одиночестве, — как же все трудно, проклятие, — и продолжает:

— Хочу обратиться к вам еще с парой слов как врач с сорокалетним стажем, чтобы вы вникли: то, что я делаю, я делаю один, совершенно самостоятельно и будучи в здравом рассудке. Родриго просто окажет мне любезность, подарив секунд двадцать-тридцать покоя. Но я бы все мог сделать один. — Он показывает на две капельницы, которые Родриго укрепил на держателе, подсоединив трубки к распределителям смесей, заканчивающих свой путь в вене его правой руки. — В первой капельнице смесь мидазолама — это бензодиазепин — и пропофола, сильного снотворного средства. Оба обычно используются при наркозе. Я не скупился в дозировке, обеспечивающей глубокую анестезию. Во второй капельнице

— быстродействующая смесь неразбавленного калия, которой предстоит выполнить грязную работу. Как раздобыл эти препараты, я вам не скажу, но хочу заверить, что никто не знает, для каких целей я их использую. Просто сорок лет медицинского стажа помогли мне достать их без посторонней помощи.

Это все вранье, предусмотренное сценарием, и Марко удается сделать его вполне правдоподобным. На самом деле концентрат калия он бы никак не мог раздобыть и потому обратился с просьбой о помощи к Мирайдзин. Она его достала. То есть не она, но она нашла Родриго, и Родриго его достал. Однако Марко не хочет, чтобы об этом узнали.

— Через короткое время, когда мы простимся, я открою красный вентиль с анестезирующей смесью, которая потечет в меня через вену. Когда анестетики сделают свое дело, Родриго окажет мне любезность и откроет следующий, голубой вентиль, который пропустит в мою вену концентрированный калий, и в течение нескольких минут я отбуду в мир иной. Это будет выглядеть, как будто я сплю. Повторю: Родриго дарит мне двадцать-тридцать секунд покоя, потому что, возьмись я осуществить это самостоятельно, я

должен был бы бодрствовать под воздействием анестезии, чтобы успеть открыть голубой вентиль, прежде чем усну, а это никуда не годится. Я бы лишился самого прекрасного во всей этой операции — сладости улететь во время введения наркоза.

Как Марко и рассчитывал, его сухие слова, пересыпанные медицинскими терминами, несколько разрядили ситуацию, и все опасности, которых он хотел избежать, теперь казались ему пустячными. Сердце перестало колотиться, волнение улеглось. Он говорит о собственной смерти, а складывается впечатление, будто объясняет операцию на радужной оболочке.

— Калий вызовет аритмию, которая приведет к фибрилляции желудочков сердца и его быстрой остановке. Предполагается, что ничего страшного вы не увидите: самое большее, в случае тахикардии, я могу слегка подпрыгнуть, но думаю, этого не произойдет.

Внезапно на ум приходит предательская мысль об Ирене. Ирена гордилась бы им сейчас. Она покончила с собой, когда была чуть старше Мирайдзин.

Он дышит, отгоняя эту мысль, и продолжает:

— Когда все будет закончено, Мирайдзин набе-

рет 118. Приедет «Скорая помощь» из Кастанье-то-Кардуччи. Констатируют смерть. Мирайдзин скажет, чем я болел, покажет мою больничную карту, и ни у кого не возникнет сомнений. Как я представляю, нет никаких оснований, чтобы вы находились здесь, когда приедет «Скорая», но, в общем, не волнуйтесь, даже если решите остаться: никто не будет вас допрашивать, вам не придется врать. Уверяю вас, ни у кого не возникнет сомнений.

Все, речь его закончена. Марко очень гордится собой, все вспомнил, ничего не забыл, все разъяснил профессионально. Никто не сбежал, помимо Марины, и те два подавленных всхлипа Джакомо стали единственным трогательным акцентом, украсившим его сообщение. Мирайдзин выскальзывает из объятий Оскара и подходит к нему. Наклоняется, обнимает.

— Молодец, дедуля.

Вдруг на Марко находит озарение — потому что, как говорилось, память приходит и уходит, когда захочет.

— «Нашествие варваров»[99], — говорит он ей

[99] Примечания: 99

«*Нашествие варваров*» — франко-канадский фильм, снятый в 2003 г. Дени Арканом. В этом же году награжден премией «Оскар» за лучший фильм на иностранном языке.

на ухо. — Тот старый фильм, название которого мы забыли.

— Правильно, — шепчет Мирайдзин. — «Нашествие варваров».

И гладит его по голове, она — его. Потом выпрямляется и подходит к его инвалидному креслу, с противоположной от Родриго стороны. Загадочный, как сфинкс, медбрат протягивает руку к штативу с капельницей и держит его как копье. Он готов.

Подходит Грета. Наклоняется к нему, как Мирайдзин, обнимает с тем же жаром. Марко вдыхает запах ее духов с горьким цитрусовым ароматом. Смотрит ей в лицо. Глаза более влажные, чем обычно, и улыбка.

— Прощай, Марко, — произносит она.

— До встречи, — отвечает Марко.

Грета выпрямляется и возвращается на свое место. У каждого здесь свое место, ничего не поделаешь: настоящий цирк.

Очередь Каррадори. Он выходит вперед и протягивает Марко руку, пусть решает, что с ней делать; Марко выбирает спортивное пожатие, которым обмениваются в конце партии игроки в теннис. Бац — удар по ладони — и пронзительная боль.

— Я вас люблю, — говорит Каррадори.

— Тогда перейдем на ты, отныне и впредь, — отвечает Марко. С Каррадори можно быть циником, они одногодки.

Оскар. Марко познакомился с ним всего несколько месяцев назад, в разгар химиотерапии, когда тот приехал повидать Мирайдзин, перебравшуюся во Флоренцию, чтобы ухаживать за дедом. Будучи совсем немощным, Марко оценил его силу и даже воспользовался ею, поскольку она была заразительна. Это своего рода мужской вариант Мирайдзин, глава, лидер — он тоже представляет большую надежду для нового мира.

— Держитесь, — говорит, обнимая его, Марко.

— Claro[100], — отвечает тот. — И потом добавляет кое-что еще, чего не обязан был говорить: — Su vida es mi vida[101].

Сжимает ладони Мирайдзин, прикасается к ее губам и отступает в сторону.

Ну и кто же теперь?

И хотя это уже не имеет большого значения, Марко задается вопросом, кто же подойдет первым, Джакомо или Луиза: какой тут порядок?

---

[100] Примечания: 100
Конечно (*исп.*).

[101] Примечания: 101
Ваша жизнь — это моя жизнь (*исп.*).

Возможно, они спрашивают то же самое у себя, потому что на секунду замешкались и смутились. Джакомо выходит первым. Братья обнимаются, и у каждого предательски холодеет внутри. Те два недавних всхлипа напугали обоих, поэтому расплакаться сейчас будет катастрофой, которая все испортит. И они лишь все крепче обнимаются, прижимаясь друг к другу.

— Прости меня, — говорит Джакомо.

— Это ты меня прости, — говорит Марко.

Они размыкают объятие. Оба хлюпают носом. Ничего больше. Кажется, удалось. Теперь очередь Луизы.

Вот она. Сердце Марко начинает сильно стучать. Ее глаза цвета шалфея. Каштановые, еще блестящие волосы, заходящее солнце играет в них лучами. Ее нежная шея, аромат моря, всегда от нее исходящий. Марко не приготовил для нее особых слов. Решил сказать первое, что придет в голову, и действительно в данный момент, когда он на нее смотрит, у него возникает первый вопрос:

— Ты знаешь, какой сегодня день?

— Нет.

— Второе июня. Что это за день?

Луиза улыбается, она не уверена.

— Праздник Республики?

— Правильно. Но помимо этого…

Луиза легонько покачивает головой, улыбаясь.

— Самый далекий от моего дня рождения день, — говорит Марко. — Ровно шесть месяцев. Как там было про человека, который умирает в день своего рождения? Как это слово на еврейском?

– *Цадик*.

— Вот именно. Я не *цадик*. Я его противоположность.

Неужели это последние слова, которые Марко говорит Луизе Латтес? Может, думает он, все-таки стоило подготовиться.

— Ты как раз-то и являешься им, — говорит Луиза.

— А еврейский мистицизм?

— А еврейский мистицизм заблуждается. — Она ласкает его волосы, лоб, лицо. — Mon petit colibri[102], — шепчет она.

Ее голова склоняется к плечу, волосы падают набок — до боли знакомое ее движение, как тогда, много лет назад, когда она готовилась к…

Поцелуй! По-настоящему! Она держит его голо-

---

[102] Примечания: 102
Мой маленький колибри (*фр*.).

ву и не отпускает ее. Каково старичье, на глазах у Джакомо и всего честного народа!

Молодец, Луиза: если уж должно быть неприлично, тогда по полной программе. Марко обхватывает ее голову, чтобы удержать, а боль, пронзающая его при этом, да будет благословенна. Ему тоже хотелось ее целовать, это то, чего он всегда больше всего хотел. И родилось это желание именно здесь, в этом доме, в прошлом веке, и не исчезало более пятидесяти лет. Но он бы не осмелился сегодня. Зато осмелилась она.

Вот и закончилось. Луиза поднимается, разглаживает платье. Делает шаг назад и возвращается на свое место, опустив голову, как люди, принявшие святую облатку на причастии.

Время, пора завершать. Пьянящий послеполуденный аромат, все полно света и жизни. Морской бриз слегка покачивает изгороди, перебирает податливые волосы, разносит повсюду грандиозное чувство блаженства. В том положении, в котором Марко находится, он не испытывает боли. Он испытал ее уже предостаточно в своей жизни. В жизни, полной боли, бесспорно. Но вся перенесенная им боль не мешала ему наслаждаться такими минутами, как эта, когда все кажется совершенным — и такими минутами тоже была

полна его жизнь. Так мало требуется в конечном счете: погожий день, объятия, поцелуй взасос. Могли бы быть и другие, если честно…

Шестая опасность, проклятие: передумать. Возможно, все вокруг него надеются, что он передумает. Сделает вид, будто верит в выздоровление и готов возобновить терапию, возобновить борьбу, терпеть непроходящую тошноту, понос, язвы в полости рта, когда не сможет подниматься с кровати, станет призраком, у него образуются пролежни, и Мирайдзин вместо того, чтобы спасать мир, будет бегать по аптекам за маслами и притирками, брать напрокат водяной матрас, появится ночная сиделка, возникнут хрипы при дыхании, морфин в таблетках и внутривенно, с каждым разом все чаще и больше, потому что происходит привыкание, но выше этого предела по протоколу не положено, и он будет умолять Мирайдзин «увести его отсюда», как Пробо, и Мирайдзин вместо того, чтобы спасать мир, будет вынуждена…

Марко поворачивается к Родриго, жмет ему руку.

— Спасибо за все, — говорит он ему. Родриго гладит его плечо.

Марко простирает руку — резкая боль, — дотя-

гивается до красного вентиля, поворачивает его. Кладет руку на бедро. Боль. Смотрит на пятерых стоящих перед ним людей, переводит взгляд на Мирайдзин и одной рукой призывает ее наклониться. Мирайдзин повинуется. Марко смотрит на это чудо, на свою красавицу в последний раз. Поднимает руку — резкая боль, — и запускает ее в таинство ее волос. Девушка обменивается с ним смелым и полным воспоминаний взглядом. Анестезия начинает действовать, все отдаляется. Доведись ему заниматься всем одному, в эту минуту ему бы пришлось приложить адские усилия, чтобы открыть капельницу с калием. Но отныне и впредь это будет подарок Родриго. Но что делает Мирайдзин? С невероятным трепетом она поднимает его правую руку и вместо нее запускает в свои волосы левую. Никакой боли. Все отодвигается еще. Но что делает Мирайдзин? Ах, вот что она делает. Правильно. Ее и его правые руки скрестились между мизинцем и безымянным пальцами, две их родинки соприкоснулись. Конечно. Это же их «точка силы»…

Все уплывает вдаль. Волнистый, подводный покой. Ирена. Адель. Папа. Мама. Я оставляю миру это создание. Вы гордитесь мной?

Ирена.

Адель.

Папа.

Мама.

Сколько людей в нас похоронено?

Ну вот. Марко уснул. Голова его склоняется набок, Мирайдзин поддерживает ее рукой. Сейчас очередь Родриго, приехавшего для этого из Малаги. У него сумасшедшая история, слепой отец, мать-цыганка, которая была певицей, танцовщицей, уличной артисткой и — кажется — любовницей Энрике Иглесиаса до того, как тот сошелся с Анной Курниковой, две близняшки-сестры, с которыми он не видится, потому что они ездят по миру с гуманитарными организациями, жених — чемпион по баскской пелоте, приемный сын из Бенина; но эта история — не его, здесь он только для того, чтобы открыть голубой вентиль.

Помолимся о нем и обо всех кораблях, ушедших в море.

Это старое небо (1997)

Луизе Латтес
До востребования
59–78 ул. Архивов
75003 Париж
Франция

Рим, 17 ноября 1997 г.

Если это старое небо упадет нам на плечи,

Луиза, дорогая моя Луиза,

И мы не успеем сказать,

Что любим друг друга,

Как мне кажется,

Мы напишем это признание с кучей ошибок,

Которые невозможно исправить,

Мы напишем его,

Луиза, дорогая моя Луиза,

На голубой поверхности, созданной добрым богом.

Колибри. Рим и многие другие места, 2015–2019

Мои долги

Прежде всего, глава «Мулинелли»: она не просто навеяна рассказом Беппе Фенольо «Пучина», она в полном смысле его настоящий cover. Этот рассказ отличается совершенством — вероятно, это лучшее, что когда-либо было написано на итальянском языке, который наверное бы исчез, если ограничиться только тем, чтобы позаимствовать породившую его идею, не воспроизведя его схему. Именно композиция делает его совершенным, именно сочетание искренности и отчаяния делает его столь естественным. Поэтому я решил его переписать, приспособив к истории, которая рассказана в этом романе, пытаясь как можно тщательнее соблюсти и эту композицию, и это смешение чувств. Для меня это был грандиозный урок. В конце главы, стремясь показать свои намерения и свое почтение, я решил оставить в неизменном виде первую и две последние строчки — роковым образом это лучшее, что есть во всей главе.

В главе «Глаз циклона» фраза из описания внешнего вида Неназываемого заимствована слово в слово у одного из моих любимых писателей, Марио Варгаса Льоса: El hombre era alto y tan flaco que parecna siempre de perfil. Это первая строчка романа «Война конца света», который вышел в свет в оригинале в 1981 году и в итальянской версии в переводе Анджело Морино в 1983 году (изд-во Einaudi).

В той же главе эпизод с травмой на лыжах, со сломанной палкой, врезавшейся в бедро спортсмена, случился реально — не на соревнованиях, правда, а на тренировке — на горе Гтмито в Абетоне, с довольно крепким пареньком из Флоренции, я лишь помню его фамилию — Грацьюзо. Кровь на снегу. Ребенок, кричащий от боли. Каждый раз, когда я это вспоминаю, мне становится плохо.

Наконец, глава была впервые опубликована в издании IL в июле 2017 г.

В главе «Урания» запись карандашом на титульном листе научно-фантастического романа — подлинная, касающаяся меня и приспособленная для «Колибри». Мой отец, когда я появлялся на свет, не помню в каком флорентийском роддоме, действительно написал эти слова на титульном

листе романа «Урания», который он в то время читал: «Здравствуйте, синьоры и синьоры! Хочу представить вам своего нового друга… или нет, скорее подругу… синьорина Джованна… или же синьор Алессандро, пока еще неизвестно… Внимание, идет акушерка… пока ее еще плохо видно… вот она наклоняется… Господа, встречайте, синьор Алессандро!» Это был роман Филипа К. Дика «Небесное око», датированный, по причинам, изложенным в главе, 12 апреля 1959 года, хотя я родился первого.

Естественно, что фильм, упомянутый в начале главы «Господине-е-е-е!», — это «Амаркорд» Федерико Феллини, вышедший на экраны 13 декабря 1973 года.

В той же главе есть фраза из романа Салмана Рушди «Золотой дом» 2017 года (изд-во Mondadori).

В начале главы «Веревочка, маг, три трещины» я хотел отдать дань магистральной поэтической прозе Серджо Клаудио Перрони под названием «Знать дорогу» из книги «Временами я прихожу в твои сны» (изд-во La nave di Teseo): «Ты перемещаешься в темноте и себя не находишь, движешься в стенах дома, но к тому, что ожидалось, прикоснуться не можешь, то, к чему прикаса-

ешься, — нежданно, то оно слишком рано, то — слишком поздно, с незнакомыми выступами и впадинами, и тогда ты ищешь ближайший выключатель и на долю секунды включаешь свет и тут же его гасишь, чтобы совсем не проснуться, и этого мига хватает, чтобы понять, кто ты, распознать предстоящий путь за секунду до того, как он растает, оставив в твоей голове планиметрию темноты, и ты уверенно продвигаешься с каждым шагом, каждым жестом среди форм, которым теперь доверяешь, в убеждении, что знаешь дорогу в невидимом, но продвигает тебя вперед лишь воспоминание о той доле секунды, направляет твой шаг лишь память о вспышке света». В качестве дани уважения отрывок был не бог весть что, и я решил его выбросить, но 25 мая 2019 года, в то время как я еще писал этот роман, Перрони лишил себя жизни в Таормине, где проживал. Поскольку он был моим другом, я решил вернуть в роман мою ничтожную дань, чтобы иметь повод написать эти строки в знак признательности ему.

Статья, отрывок из которой я цитирую в конце главы «Первое письмо о колибри», написана Марко Д'Эрамо, опубликована в газете Manifesto от 4 января 2005 года и действительно посвящена

выставке «Империя ацтеков», проходившей с 15 октября по 15 февраля 2005 года в Музее Гуггенхайма в Нью-Йорке.

«Речь о дуккхе» из главы Weltschmertz & Co. опубликована в издании Nidāna Sáyutta, содержащем ряд речей, связанных с причинными факторами (V), Gahapati Vagga, Burma Pitaka Association, Rangoon, Burma.

Несколько слов о песне Gloomy Sunday, упоминаемой в одноименной главе. В Венгрии, где в тридцатые годы создана была эта песня под названием Szomorъ vasбrnap на слова Ласло Явора (Lбszly Jбvor) и на музыку пианиста-самоучки Реже Шереша (Rezsц Seress), она была впервые записана в 1935 году певцом Палом Калмаром и сразу приобрела мировой успех. По этой причине она мгновенно стала джазовым стандартом в основном благодаря ее американской версии, созданной 1936 году поэтом-песенником Сэмом Льюисом. Вот ее английский текст:

Sunday is gloomy
My hours are slumberless
Dearest the shadows
I live with are numberless

Little white flowers
Will never awaken you
Not where the black coach
Of sorrow has taken you
Angels have no thoughts
Of ever returning you
Would they be angry
If I thought of joining you
Gloomy Sunday
Gloomy is Sunday
With shadows I spend it all
My heart and I
Have decided to end it all
Soon there'll be candles
And prayers that are said I know
Let them not weep
Let them know that I'm glad to go
Death is no dream
For in death, I'm caressin' you
With the last breath of my soul
I'll be blessin' you Gloomy Sunday.

Одновременно с ее популярностью в мире рас-

пространилась легенда, согласно которой эта песня, будучи неутешно скорбной, привела к самоубийству множество слушавших ее людей с указанием имен и обстоятельств смерти. Благодаря своей зловещей славе она стала в мире «песней венгерских самоубийц», что повлекло за собой цензуру и запрет на ее распространение. В 1941 году с целью оспорить эту славу к ее версии, исполненной Билли Холидей, была добавлена строфа, отсутствующая в оригинале, в ней попытались представить печальное событие как плод сновидения.

Dreaming, I was only dreaming
I wake and I find you asleep
In the deep of my heart here
Darling I hope
That my dream never haunted you
My heart is tellin' you
How much I wanted you
Gloomy Sunday.

Но несмотря на это, Би-би-си запретила радиотрансляции песни, которую сочли чересчур угнетающей, в то время как в Англии и без того было нелегко под немецкими бомбардировка-

ми. Запрет оставался в силе вплоть до 2002 года. Многочисленные ее версии сменялись десятилетиями, ее исполняли все великие певцы и музыканты, с добавленными строчками или без них. Среди них, помимо версии «панк», исполненной в 1981 году Лидией Ланч, которая упоминается в главе, мне хотелось бы вспомнить исполнение Элвиса Костелло в 1994 году, Рики Нельсона в 1959-м, Марианны Фейтфулл в 1987-м, Шинейд О'Коннор в 1992-м и Бьорк в 2010-м. Записей песни действительно десятки.

Естественно, существует итальянская версия «Мрачного воскресенья» на слова Нино Растелли. Ее в течение многих лет пели: Норма Бруни, Карластелла, Мириам Ферретти, Джованни Валларино, но главное — Нина Пицци, исполнившая ее в 1952 году.

Наконец, есть никудышный фильм англо-испанского производства 2006 года с Тимоти Хаттоном и Лусией Хименес «Ящик Ковака», в котором в людей вживляют микрочипы, подталкивающие их к самоубийству, когда им дают послушать по телефону Gloomy Sunday. В 1968 году Реже Шереш покончил с собой, выбросившись из окна своего дома в Будапеште.

В главе Shakul & Co. рассуждение о словах,

обозначающих родителей, потерявших детей, частично взято из книги Кончиты Де Грегорио «Мне кажется, что на дворе весна» (Einaudi, 2015).

В этой же главе цитируются два стиха из альбома «Хрупкий друг» Фабрицио Де Андре́.

Книга Дэвида Левита, упомянутая в главе Via Crucis, — его литературный дебют, «Семейные танцы» (изд-во Mondadori). Она прекрасна: читайте ее или перечитывайте.

Песня Джони Митчелл, на которую я ссылаюсь в главе «Из уст в уста», — это The Wolf that Lives in Lindsey[103] из ее альбома Mingus 1979 года. Там действительно в конце воют волки, оторопь берет.

Глава «Взгляды — это тело» является переработкой рассказа, который я написал для журнала «Чтение» (La Lettura) в 2017 г.

Фраза «Волки не убивают невезучих оленей. Они убивают только слабых» звучит в фильме «Ветреная река», хороший триллер, действие которого разворачивается в индейской резервации в штате Вайоминг; эта кровавая и полная боли история напоминает некоторые романы

[103] Примечания: 103
«Волк, который живет в Линдси» (*англ.*).

Луизы Эрдрик. Вопрос в том, что фильм 2017 года, а действие главы, в которой я привожу эту фразу, разворачивается в 2016 году, то есть речь идет об анахронизме. Поскольку я не мог перенести действие на год вперед, то решил, что вставлю ее несмотря ни на что. Тут важно, чтобы было понятно: это не моих рук дело, а дело рук Тейлора Шеридана, не только снявшего фильм, но и написавшего к нему сценарий.

После чего, говоря по-прежнему об этой главе, эволюцию истории Дуччо Киллери по прозвищу Неназываемый следует возвести к Пиранделло. В его небольшой новелле 1911 года «Патент» встречается персонаж — человек с дурным глазом по имени Розарио Кья́ркьяро, который вместо того, чтобы бороться с дурной славой, решает с ней смириться и извлечь из нее выгоду — наводить порчу за плату. Эту новеллу потом перенес на экран Луиджи Дзампа в фильме 1954 года «Такова жизнь», состоящем из четырех эпизодов, основанных на пиранделловских новеллах, где персонажа Кья́ркьяро играет Тото́.

Книга, упомянутая в главе «Третье письмо о колибри», называется «Он, я, мы» (изд-во Einaudi Stile Libero, 2018). Это длинный рассказ на три голоса, сосредоточенный на воспоминании о

Фабрицио Де Андре́ и на его отсутствии. Авторы книги — Дори Гецци совместно с Джордано Меаччи и Франческой Серафини (два «лингвиста», о которых говорится в главе). Эта книга не может не стоять на книжных полках тех, кто любит Де Андре́, а также тех, кто любит итальянский язык, — и создание в ней новой леммы, «эмменалгия», является тому доказательством.

В главе «Новый человек» упоминается и кратко описывается лошадь Долли, которая принадлежала моему брату Джакомо.

В той же главе идея конфликта между правдой и свободой проистекает из чтения грандиозного очерка «Метафизика популизма», опубликованного в журнале Doppiozero от 12 ноября 2018 года. Просвещающий очерк, всем бы стоило его почитать. И в то время, как заходил на домашнюю страницу Doppiozero, чтобы его найти, я, пробегая список опубликованных в журнале очерков и статей, случайно наткнулся на название одного из них, «Помни свое будущее», и, даже еще не прочтя его, решил назвать так программу, в которой занята Мирайдзин. Кроме того, я прочитал статью Мауро Дзанки, который дает отчет о своем посещении раздела «Архивы будущего» выставки «Европейская фотография 2017 — Карты времени.

Память. Архивы» (кураторы Диан Дюфур, Элио Грациоли и Вальтер Гуданьини), развернутой в разных местах Реджо-Эмилии в мае — июле 2017 года: это чтение также оказалось полезным.

Выражение ubi nihil vales, ibi nihil velis, использованное в предпоследней главе, — это максима голландского философа-окказионалиста Арнольда Гейлинкса из его монументального посмертно изданного сочинения «Этика», чтение которой, похоже, спасло жизнь молодому Сэмюэлу Беккету, имевшему суицидальные наклонности. Беккет говорит, что наткнулся на эту максиму в письме к своему ближайшему и постоянному другу Томасу Макгриви (письма эти совершенно необходимо читать: Samuel Beckett, Lettere, 1929–1940. Adelphi, 2018). Максима встречается в его романе «Мерфи», написанном на английском языке и опубликованном в 1938 году, в ту пору, когда он проходит сеансы психотерапии с известным английским психоаналитиком Уилфредом Бионом, в то время как Арнольд Гейлинкс объявится позднее, он будет прямо упомянут в романе «Моллой». Упразднение воли как радикальный метод решения порожденных ею конфликтов проистекает отсюда. Не случайно сходство этого правила с «Речью о дуккхе» из

главы «*Weltschmertz & Co.*».

В заключение — список тех, кого я хочу поблагодарить, каждый знает почему:

мою жену Мануэлу, моего брата Джованни, моих детей Умберто, Лючо, Джанни, Нину и Дзено, Валерию Соларино, Элизабетту Згарби, Эудженио Лио, Беппе Дель Греко, Пьеро Бракки, Франко Пурини, Марко Д'Эрамо, Эдоардо Нези, Марио Дезиати, Пиджи Баттиста, Даниэлу Вильоне, Маринеллу Вильоне, Фульвио Пьеранджелини, Паоло Вирци, Карен Хассан, Марко Делогу, Терезу Чабатти, Стефано Боллани, Изабеллу Гранде, Доменико Прокаччи, Антонио Тройяно, Кристиана Рокку, Николаса Саада, Леопольдо Фабьяни, Джорджо Делл'Арти, Паоло Карбонати, Стефано Каламандреи, Филиппо де Брауда, Винченцо Валетини, Микеле Мардзокко, Франческо Риччи, Энрико Грасси, Жиневру Бандини, Джулию Сантарони, Пьерлуиджи Амату, Мануэлу Джаннотти, Марио Франкини, Массимо Дзампини.